

ГРЕГОРИ
ДЭВИД
РОБЕРТС

ТЕНЬ ГОРЫ

Роман

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА

ШАНТАРАМ

«ШАНТАРАМ»
был и остается международным
суперхитом, «Тень горы» также
обречена на успех.

Library Journal

18+

Шантарам

Грегори Робертс

Тень горы

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Робертс Г. Д.

Тень горы / Г. Д. Робертс — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Шантарам)

ISBN 978-5-389-10500-3

Впервые на русском – долгожданное продолжение одного из самых поразительных романов начала XXI века. «Шантарам» – это была преломленная в художественной форме исповедь человека, который сумел выбраться из бездны и уцелеть, разошедшаяся по миру тиражом четыре миллиона экземпляров (из них полмиллиона – в России) и заслужившая восторженные сравнения с произведениями лучших писателей нового времени, от Мелвилла до Хемингуэя. Маститый Джонатан Кэрролл писал: «Человек, которого „Шантарам“ не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв... „Шантарам“ – „Тысяча и одна ночь“ нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать». И вот наконец Г. Д. Робертс написал продолжение истории Лина по прозвищу Шантарам, бежавшего из австралийской тюрьмы строгого режима и ставшего в Бомбее фальшивомонетчиком и контрабандистом. Итак, прошло два года с тех пор, как Лин потерял двух самых близких ему людей: Кадербхая – главаря мафии, погибшего в афганских горах, и Карлу – загадочную, вождельную красавицу, вышедшую замуж за бомбейского медиамагната. Теперь Лину предстоит выполнить последнее поручение, данное ему Кадербхаем, завоевать доверие живущего на горе мудреца, сберечь голову в неудержимо разгорающемся конфликте новых главарей мафии, но главное – обрести любовь и веру.

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-10500-3

© Робертс Г. Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	62
Часть 2	72
Глава 9	72
Глава 10	78
Глава 11	84
Глава 12	88
Глава 13	94
Часть 3	102
Глава 14	102
Глава 15	114
Глава 16	125
Глава 17	133
Часть 4	140
Глава 18	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Грегори Дэвид Робертс

Тень горы

© Л. Высоцкий, перевод, 2016

© В. Дорогокупля, перевод, 2016

© А. Питчер, перевод, 2016

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

* * *

Одни эпизоды я беру из моей жизни и описываю почти без изменений, другие сочиняю, пусть и на основе собственного опыта. «Шантарам» и «Тень горы» – это романы, а не автобиографии; мои персонажи и диалоги – продукт фантазии. Для меня не имеет большого значения, насколько мои книги достоверны фактически; важнее другая достоверность – психологическая. Я радуюсь, когда меня спрашивают, как поживает Карла или как я запомнил все эти разговоры – разговоры, на сочинение которых у меня ушло столько лет. Очень хорошо, что люди думают, будто все это правда от первого слова до последнего, – значит я достоверно сочинил.

Но одной достоверности мало – нужно дать читателю то, за чем он будет возвращаться еще и еще, перечитывать и каждый раз находить что-то новое, на более глубоком уровне. Поэтому я использую множество аллегорических отсылок: в «Шантараме» – к дантовскому «Аду» и к Библии, в «Тени горы» – к «Энеиде» и «Эпосу о Гильгамеше». Аллегии подобны призракам: незримые и вездесущие, они пронизывают мой текст, рассказывая свои собственные истории – о древних битвах и горящих кораблях, о поиске любви и веры. Они как эхо в пещере, как отблески того же творческого пламени. И если благодарный читатель после моих книг обратится к первоисточникам – что ж, значит я исполнил свой долг перед теми, кто пришел раньше и сделал нас теми, кто мы есть.

Грегори Дэвид Робертс

Последнее интервью. 5 октября 2015

«Шантарам» был и остается международным суперхитом, «Тень горы» также обречена на успех.

Library Journal

Долгожданное продолжение «Шантарамы» не укладывается ни в какие рамки – и в этом-то самая прелесть. Главный герой Лин по прозвищу Шантарам – бывший заключенный, бежавший из австралийской тюрьмы, – колесит по Бомбею на мотоцикле, не боится ввязываться в драки, цитирует классиков и доблестно пытается залечить разбитое сердце.

Publishers Weekly

После прочтения первого романа Грегори Дэвида Робертса, «Шантарам», собственная жизнь покажется вам пресной... Робертса сравнивали с лучшими писателями, от Мелвилла до Хемингуэя.

Wall Street Journal

Мастерски написанный готовый киносценарий в форме романа, где под вымышленными именами выведены реальные лица... Он раскрывает нам Индию, которую мало кто знает.

Kirkus Review

В Австралии его прозвали Благородным Бандитом, потому что он ни разу никого не убил, сколько бы банков ни ограбил. А после всего он взял и написал этот совершенно прекрасный, поэтичный, аллегорический толстенный роман, который буквально снес мне крышу.

Это поразительный читательский опыт, – по крайней мере, я был поражен до глубины души. Я только что видел первый вариант сценария и уверяю вас: фильм будет выдающийся.

Джонни Денн

В своем романе Робертс описывает то, что сам видел и пережил, но книга выходит за рамки автобиографического жанра. Да не отпугнет вас ее объем: «Шантарам» – одно из самых захватывающих повествований о человеческом искуплении в мировой литературе.

Giant Magazine

Удивительно то, что после всего пережитого Робертс смог вообще что-нибудь написать. Он сумел выбраться из бездны и уцелеть... Его спасением была любовь к людям... Настоящая литература способна изменить жизнь человека. Сила «Шантарамы» – в утверждении радости прощения. Надо уметь сопереживать и прощать. Прощение – это путеводная звезда в темноте.

Dayton Daily News

Книга насыщена колоритным юмором. Чувствуешь пряный аромат хаоса бомбейской жизни во всем его великолепии.

Minneapolis Star Tribune

Поистине эпическое произведение. Это необъятный, не уместающийся ни в какие рамки, непричесанный, неотразимый, неожиданный роман.

The Seattle Times

Если бы меня спросили, о чем эта книга, я ответил бы, что обо всем, обо всем на свете. Грегори Дэвид Робертс сделал для Индии то же, что Лоренс Даррелл для Александрии, Мелвилл для южных морей и Торо для озера Уолден. Он ввел ее в круг вечных тем мировой литературы.

Пэт Конрой

Это увлекательная, неотразимая, многогранная история, рассказанная прекрасно поставленным голосом. Подобно шаману – ловцу привидений, Грегори Дэвиду Робертсу удалось уловить самый дух произведений Анри Шарьера, Рохинтона Мистри, Тома Вулфа и Марио Варгаса Льюиса, сплавить это все воедино силой своего волшебства и создать уникальный памятник литературы. Рука бога Ганеши выпустила на волю слона, чудовище бежит, выйдя из-под контроля, и тебя невольно охватывает страх за храбреца, вознамерившегося написать роман об Индии. Грегори Дэвид Робертс – гигант, которому эта задача оказалась по плечу, он блистательный гуру и гений, без всякого преувеличения.

Мозес Исегава

Человек, которого «Шантарам» не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв, либо то и другое одновременно. Я уже много лет не читал ничего с таким наслаждением. «Шантарам» – это «Тысяча и одна ночь» нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать.

Джонатан Кэрролл

Это потрясающая, трогательная, страшная, великолепная книга, необъятная, как океан.

Detroit Free Press

Это всеобъемлющий, глубокий роман, населенный персонажами, которые полны жизни. Но самое сильное и отрадное впечатление оставляет описание Бомбея, искренняя любовь Робертса к Индии и населяющим ее людям... Робертс приглашает нас в бомбейские трущобы, опиумные притоны, публичные дома и ночные клубы, говоря: «Заходите, мы с вами».

Washington Post

Посвящается Богине

Часть 1

Глава 1

Источник всего сущего – свет – может проявляться по-разному, и проявлений этих намного больше, чем звезд во Вселенной, поверьте. Порой всего лишь одной доброй мысли довольно, чтобы твой свет воссиял. В то же время один лишь неверный поступок способен испепелить заповедный лес в твоей душе, так что для тебя померкнет сияние всех звезд под всеми небесами. И дотлевающие угли потерянной любви или утраченной веры будут внушать тебе, что все кончено и жить больше незачем. Но это не так. И никогда так не было и не будет. Что бы ты ни делал и где бы ни очутился, сияние останется с тобой. Все светлое, что кажется умершим внутри тебя, вновь оживет, если ты по-настоящему этого захочешь. Сердце просто не в силах отрешиться от надежды, потому что сердце не умеет лгать. Перевернув страницу в книге жизни и подняв глаза, ты вдруг встретишь улыбку абсолютно незнакомого человека, и поиск пойдет по новому кругу. Но это не будет повторением прежнего. Всякий раз это нечто иное, нечто особенное. Так и твой заповедный лес, заново выросший на пепелище, может оказаться более густым и мощным, чем был до пожара. И если ты удержишься в этом сиянии, в этом новом круге света внутри себя, не помня зла и никогда не сдаваясь, рано или поздно ты вновь окажешься там, где любовь и красота сотворили мир: в самом начале. В начале начал.

– Ого, да это Лин! Вот так начало дня! – прокричал Викрам из влажного сумрака. – Как ты меня нашел? Когда ты вернулся?

– Только что, – сказал я и шагнул с веранды через порог широких французских дверей. – Мне сказали, ты должен быть здесь. Выйди на минутку.

– Нет уж, лучше ты заходи, дружище, – рассмеялся Викрам. – Кое с кем познакомишься.

Я не спешил принять это приглашение. Двери закрылись, и после залитой солнцем улицы мои глаза различали в глубине комнаты лишь сгустки теней, рассеянные двумя лезвиями яркого света, который прорывался сквозь щели в опущенных жалюзи. И в этих узких лучах клубился дым с запахами гашиша и жженой ванили, последний – от курения плохо очищенного героя.

Позднее, вспоминая тот день, тяжелый дурманящий аромат, смутные тени и разрезающие комнату лучи, я задавался вопросом: уж не сама ли судьба пыталась меня уберечь, задерживая на входе и не пуская внутрь? И еще я спрашивал себя: насколько иной была бы моя жизнь, развернись я тогда и уйди прочь?

Варианты действий, которые мы выбираем, являются ветвями на гигантском дереве возможностей. И так уж вышло, что Викрам и незнакомцы в той комнате стали ветвями, которые на протяжении трех сезонов дождей тесно переплетались с моей ветвью в этих урбанистических джунглях любви, смерти и воскрешения.

Одну деталь я запомнил особо отчетливо: когда я (сам еще не понимая почему) в нерешительности застыл на пороге и возникший из сумрака Викрам взял меня за локоть, чтобы увлечь вглубь комнаты, я внезапно содрогнулся всем телом от прикосновения его влажной руки.

Самым примечательным объектом в этом просторном помещении была монументальная, длиной метра три, кровать у левой стены. На кровати лежал, вытянувшись и сложив руки на груди, мужчина в серебристой пижаме, не подававший признаков жизни. Во всяком случае,

я не заметил ни малейшего движения его грудной клетки. По краям кровати слева и справа от него сидели двое и сосредоточенно набивали чиллумы¹.

Изрядную часть стены прямо над головой мертвого – или спящего мертвым сном – занимало изображение пророка Заратустры, почитаемого парсами².

Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел у противоположной от входа стены три кресла, разделенные парой массивных старинных комодов; и в каждом из кресел кто-то сидел.

Еще там был огромный и очень дорогой персидский ковер на полу, а на стенах – множество фотографий людей в традиционных одеяниях парсов. У правой стены, напротив кровати, на мраморном столике разместился музыкальный центр. Неторопливое вращение двух потолочных вентиляторов почти не тревожило густые клубы дыма, витавшие в комнате.

Викрам провел меня мимо кровати и представил человеку, сидевшему в ближайшем из трех кресел. Европейской внешности; ростом явно выше меня, судя по длинному телу и еще более длинным ногам (развалившись в кресле, он принял такую позу, словно лежал в ванне, высоко задрав колени). На вид ему было лет, наверно, тридцать пять.

– Это Конкэннон, – сказал Викрам, подталкивая меня вперед. – Он из ИРА³.

Рука, пожимавшая мою, была теплой, сухой и очень сильной.

– К чертям собачьим ИРА! – произнес он с характерным североирландским акцентом. – Я ольстерец, из Ассоциации обороны⁴, хотя такие нюансы выше понимания сраных дикарей вроде этого Викрама.

Мне понравился решительный блеск в его глазах, но не понравилась его грубость. Кивнув в знак приветствия, я прервал рукопожатие.

– Не слушай его, – сказал Викрам. – Он вечно хамит и обливает всех грязью, зато оттянуться по полной может так, как никто из иностранцев, а уж я-то их повидал.

Говоря это, он подвел меня к среднему креслу. Сидевший в нем молодой человек как раз в тот момент раскуривал чиллум с гашишем от спички, которую ему поднес сосед из третьего кресла. Пламя втянулось в трубку, а затем выплеснулось на выдохе, взметнувшись над головой курильщика.

– *Бом Шанкар!*⁵ – крикнул Викрам, протягивая руку к трубке. – Лин, это Навин. Он частный детектив. Клянусь честью, настоящий детектив! Навин, это Лин, о котором я тебе рассказывал. Он врачует людей в трущобах.

Молодой человек поднялся и пожал мне руку.

– Вообще-то, я не так чтобы настоящий детектив, пока что, – промолвил он и криво улыбнулся.

– Не беда, – сказал я, улыбаясь в ответ. – А я не так чтобы настоящий врач, если на то пошло.

Третий человек, перед тем подносящий спичку к чиллumu, затянулся в свою очередь и предложил трубку мне. Я изобразил вежливый отказ, и тогда он передал ее одному из мужчин, сидевших на кровати.

¹ *Чиллум* – прямая трубка из глины или стекла (реже – из дерева, камня и др. материалов) с обточенным камешком внутри в качестве фильтра, традиционно используемая для курения гашиша и марихуаны. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Парсы* – жители Индии иранского происхождения, исповедующие зороастризм.

³ *ИРА (Ирландская республиканская армия)* – радикальная националистическая организация, добивающаяся отделения Северной Ирландии от Великобритании и воссоединения ее с Ирландской Республикой. В 2005 г. руководство ИРА объявило о прекращении вооруженной борьбы, но одна из отколовшихся фракций, «Подлинная ИРА», продолжила террористическую деятельность.

⁴ *Ассоциация обороны Ольстера* – протестантская военизированная группировка в Северной Ирландии, созданная в противовес католической ИРА. В 2010 г. группировка объявила о своем разоружении.

⁵ *Бом Шанкар!* – одна из мантр, выкрикиваемых индийскими курильщиками гашиша перед затяжкой. По сути, это ответственное обращение к Шиве, богу-покровителю чараса (гашиша). Шанкар – одно из многих имен этого бога.

– Винсон, – представился он; рука при пожатии напомнила мне лапу большого добродушного пса. – Стюарт Винсон. Много о вас наслышан, старина.

– Да о Лине здесь наслышана любая подзаборная шавка, – заявил Конкэннон, принимая трубку у одного из людей с кровати. – Викрам трещит о тебе с утра до ночи, как сопливая фанатка о любимой поп-звезде. Лин то, Лин сё, Лин туда, Лин сюда и хрен знает куда еще. Признайся, Викрам, ты у него отсасывал? Он и впрямь так хорош или это просто байки?

– Боже правый, Конкэннон! – воскликнул Винсон.

– А что такого? – удивился Конкэннон. – Что такого? Я всего лишь задал человеку вопрос. Индия пока еще свободная страна, не так ли? По крайней мере, в тех ее частях, где говорят по-английски.

– Не обращай внимания, – сказал мне Винсон, пожимая плечами. – Уж таков он есть и ничего не может с собой поделывать. У него типа херачий синдром Туретта⁶.

Американец Стюарт Винсон обладал крепким телосложением, широкими и правильными чертами лица и копной светлых волос, как будто растрепанных сильным порывом ветра, что придавало ему вид бесшабашного морского бродяги, этакого яхтсмена-одиночки в кругосветном плавании. На самом же деле он был наркоторговцем, и весьма преуспевающим. Я слышал о нем, точно так же как он слышал обо мне.

– А это Джамал, – сказал Викрам, пропустивший мимо ушей слова Винсона и Конкэннона и теперь знакомивший меня с человеком на левой стороне кровати. – Сам импортирует сырье, сам его перерабатывает, сам фасует и сам же выкуривает. Все-в-одном.

– Все-в-одном, – повторил Джамал.

Он был тощий, с глазами-хамелеонами и весь в священных амулетах с головы до ног. Впечатленный таким благочестием, я бегло оглядел коллекцию и успел опознать символику пяти крупнейших религий, прежде чем зацепился взглядом за его улыбку.

– Все-в-одном, – сказал я.

– Все-в-одном, – повторил он.

– Все-в-одном, – сказал я.

– Все-в-одном, – повторил он.

Я был готов продолжить эту интересную беседу, но меня прервал Викрам.

– Билли Бхасу, – объявил он, представляя мне тщедушного человечка с кожей кремового цвета, который сидел на кровати по другую сторону от неподвижного тела.

Билли Бхасу соединил ладони в приветствии, после чего продолжил чистку одного из чиллумов.

– Билли Бхасу – «доставала», – сообщил мне Викрам. – Он может мигом достать все, что угодно. Все, что только пожелаешь, от девчонки до мороженки. Испытай его. Прямо сейчас. Попроси достать мороженое, и ты получишь его тут же. Только скажи!

– Но я не хочу...

– Билли, достань Лину мороженое!

– Один момент, – сказал Билли, откладывая в сторону чиллум.

– Нет, Билли, – сказал я с протестующим жестом. – Я не хочу мороженого.

– Но ты ведь любишь мороженое, я знаю, – сказал Викрам.

– Не настолько, чтобы посылать за ним гонца. Сиди спокойно, приятель.

– Если уж он собрался что-то достать, – прозвучал из тени голос Конкэннона, – я голосую за то и другое: за мороженое и за девчонку. За двух девчонок. И побыстрее шевели своей жопой!

– Ты его слышал, Билли? – спросил Викрам.

⁶ *Синдром Туретта* – впервые научно описанный французским врачом Жилем де ла Туреттом (1857–1904) вид нервного расстройства, сопровождаемого множественными тиками и периодическим выкрикиванием бранных слов и оскорблений.

Он шагнул к кровати и начал стаскивать с нее Билли, но в этот миг раздался новый голос, глубокий и звучный, исходивший от распростертого на кровати тела. При звуках его Викрам замер, как под дулом пистолета.

– Викрам, – сказал этот голос, – ты ломаешь мне кайф, старик!

– О черт! О черт! О черт! Прошу прощения, Деннис, – быстро забормотал Викрам. – Я тут просто знакомлю Лина с ребятами, ну и...

– Лин, – произнес человек на постели и, открыв глаза, уставился на меня.

Глаза были на удивление светлыми, с бархатистым сиянием.

– Меня зовут Деннис. Рад познакомиться. Будьте как дома. *Mi casa es su casa*⁷.

Я подошел и пожал вялое птичье крылышко, приподнятое навстречу мне Деннисом, а затем вернулся к изножью кровати. Деннис провожал меня взглядом. Губы его сложились в слабую доброжелательную улыбку.

– Ух ты! – сказал Викрам, становясь рядом со мной. – Деннис, дружище, рад видеть тебя вернувшимся. И как оно было на той стороне?

– Было тихо, – выдохнул Деннис, не прекращая улыбаться мне. – Очень тихо. Вплоть до недавних мгновений.

К нам присоединились Конкэннон и Навин Адэр, начинающий детектив. И все глазели на Денниса.

– Это большая честь, Лин, – сказал Викрам. – Деннис глядит *на тебя*.

Ненадолго установилось молчание, прерванное Конкэнноном.

– Вот ни хрена себе! – прорычал он сквозь ухмылку, скорее похожую на оскал. – Я торчу здесь уже гребаных полгода, делюсь опытом и знаниями, курю твою дурь и пью твой виски, и за все это время ты лишь дважды открыл глаза. Но стоило только Лину войти в дверь, и ты уставился на него так, будто он весь горит ярким пламенем. Ну а я-то кто, по-твоему: кусок говна ходячий?

– По всему, так прямо вылитый, – негромко заметил Винсон.

Конкэннон расхохотался. Деннис моргнул.

– Конкэннон, – прошептал он, – я люблю тебя, как доброго призрака, но ты ломаешь мне кайф.

– Прости, Деннис, дружище, – ухмыльнулся Конкэннон.

– Лин, – произнес Деннис, в то время как его голова и тело сохраняли полную неподвижность, – не сочти меня грубым, но сейчас я должен отдохнуть. Был рад тебя повидать.

Он повернул голову на один градус в сторону Викара.

– Викрам, – пробормотал он все тем же густым рокочущим басом, – будь добр, кончай эту суету. Ты ломаешь мне кайф, приятель. Сделай одолжение, заткнись.

– Конечно, Деннис. Извини.

– Билли Бхасу? – тихо позвал Деннис.

– Я тут, Деннис.

– К черту мороженое.

– К черту мороженое, Деннис?

– К черту мороженое. Никто не получит мороженого. Только не сегодня.

– Как скажешь, Деннис.

– Значит, с мороженым все ясно?

– Да: к черту мороженое, Деннис.

– И я не хочу слышать слово «мороженое» как минимум в ближайшие три месяца.

– Как скажешь, Деннис.

⁷ Мой дом – ваш дом (*исп.*).

– Вот и ладно. А теперь, Джамал, набей мне еще один чиллум. Побольше и позабористей. Гигантский, легендарный чиллум. Это будет как акт милосердия, почти наравне с чудом. Всем пока – и здесь, и там.

Деннис сложил на груди руки, закрыл глаза и вернулся к своему отдыху: застывший как мертвец, при пяти слабых вдохах в минуту.

Никто не шевелился и не подавал голоса. Джамал со всей возможной оперативностью занялся приготовлением легендарного чиллума. Все прочие смотрели на Денниса. Я дернул Викрама за рубашку.

– Давай-ка выйдем, – сказал я и потянул его прочь из комнаты. – Всем пока – и здесь, и там.

– Эй, подождите меня! – позвал Навин, выскакивая вслед за нами из французских дверей. На улице свежий воздух взбодрил Викрама и Навина. Шаг их ускорился, подстраиваясь под мой.

В тенистом коридоре, образуемом стенами трехэтажных домов и густыми кронами платанов, дул бриз, принося рыбный запах с близлежащего причала Сассуна.

В промежутках между деревьями на улице прорывались лучи солнца. Попадая в очередное пятно слепящего жара, я чувствовал, как меня накрывает солнечный прилив, чтобы затем вновь отхлынуть под сенью листвы.

Небо было бледно-голубым, затянутым легкой дымкой – как обкатанное волнами стекло. На крышах автобусов сидели вконец обленившиеся вороны, «зайцами» перемещаясь в сторону более прохладных частей города. Крики людей, кативших ручные тележки, звучали решительно и свирепо.

Это был один из тех ясных бомбейских дней, когда жители города, мумбаиты, испытывают непреодолимое желание петь; и я услышал, как проходивший мне навстречу человек напевает ту же самую любовную песню на хинди, что в тот момент мурлыкал и я.

– Забавно, – сказал Навин. – Вы с ним оба пели одну песню.

Я улыбнулся и хотел было исполнить еще пару-другую куплетов – как у нас принято в стеклянно-голубые бомбейские деньки, – но тут Викрам вмешался с вопросом:

– Ну и как все прошло? Забрал?

Я стараюсь не слишком часто ездить в Гоа, в том числе и потому, что при каждой такой поездке знакомые нагружают меня всякими дополнительными поручениями. Вот и на сей раз, когда я тремя неделями ранее сказал Викраму, что собираюсь в Гоа, он попросил меня об услуге.

Как выяснилось, он отдал тамошнему ростовщику-акуле одно из свадебных украшений своей матери – ожерелье с мелкими рубинами – в залог при получении ссуды. Деньги с процентами Викрам вернул, но ростовщик отказался возвращать ожерелье. Он потребовал, чтобы Викрам лично явился за ним в Гоа. Зная, что ростовщик с почтением относится к мафии Санджая, на которую я работал, Викрам попросил меня потолковать с этим типом.

Я это сделал и добыл ожерелье, хотя Викрам сильно переоценил почтение ростовщика к нашей мафии. Я проторчал в Гоа лишнюю неделю, пока тот водил меня за нос, отменяя одну назначенную встречу за другой и оставляя записки с оскорблениями в адрес меня и людей Санджая; но в конечном счете ожерелье он вернул.

Впрочем, к тому моменту у него уже не оставалось другого выбора. Он был акулой, но мафия, которую он оскорбил, была акульей стаей. Я привлек четырех местных парней, которые также работали на Санджая. Впятером мы отметили за милую душу крышевавших акулу бандитов и обратили их в бегство.

Потом мы добрались до ростовщика, и тот отдал мне ожерелье. Далее один из моих местных помощников победил его в честном бою и продолжил бить уже бесчестно, пока почтение акулы к мафии Санджая не возросло до вполне удовлетворительных размеров...

– Ну и как? – не унимался Викрам. – Ты забрал его или нет?

– Держи, – сказал я, доставая ожерелье из кармана пиджака.

– Чудесно! Ты справился! Я знал, что могу на тебя положиться. С Дэнни были какие-нибудь осложнения?

– Вычеркни этот источник займов из своего списка.

– *Тхик*⁸, – сказал Викрам.

Он вытянул ожерелье из синего шелкового мешочка, и рубины загорелись на солнце, окровавив своим сиянием его сложенные в пригоршню ладони.

– Послушай, я... я должен прямо сейчас отвезти это к моей маме. Хотите, парни, я вас подброшу?

– Тебе же совсем в другую сторону, – сказал я, когда Викрам взмахом остановил проезжавшее такси. – А мне и пешком недолго до «Леопольда». В тех краях припаркован мой байк.

– Если ты не против, я бы прошелся немного с тобой, – предложил Навин.

– Дело твое, – сказал я, наблюдая за тем, как Викрам прячет шелковый мешочек под рубашку, для надежности.

Он уже начал садиться в машину, когда я придержал его и, наклонившись поближе, тихо сказал:

– Ты что с собой творишь?

– О чем ты?

– Не финти, Вик, я же просек по запаху.

– Какие финты! – запротестовал он. – Ну да, слегка догнался коричневым, и что с того?

Дурь-то не моя, а Конкэннона. Он заплатил, а я только...

– Ладно-ладно, не заморачивайся.

– Я никогда не заморачиваюсь, ты меня знаешь.

– Некоторые люди могут по своей воле спрыгнуть с героина, Вик. Допустим, Конкэннон из таких. Но не ты, и тебе самому это отлично известно.

Он улыбнулся, и пару секунд я видел перед собой прежнего Викрама: того Викрама, который сам отправился бы в Гоа вызволять ожерелье, не обращаясь за помощью ко мне или кому-то другому; того Викрама, у которого вообще не возникло бы надобности в такой поездке, поскольку он ни за что не отдал бы в залог драгоценности своей матери.

Улыбка погасла в его глазах, когда он сидел в такси. Я проводил его взглядом, понимая опасность ситуации, в которой он оказался: неисправимый оптимист, выбитый из колеи несчастной любовью.

Когда я продолжил путь, ко мне сбоку пристроился Навин.

– Он много говорит о девушке, об англичанке, – сказал Навин.

– Это одна из тех историй, которые обязаны иметь счастливый конец, но в жизни такое случается редко.

– Он также много говорит о тебе, – сказал Навин.

– У него длинный язык.

– И еще он говорит о Карле, Дидье и Лизе. Но больше всего он говорит о тебе.

– У него слишком длинный язык.

– Он говорил мне, что ты сбежал из тюрьмы. И что ты до сих пор в розыске.

Я остановился:

– Теперь уже твой язык удлинился не в меру. Это что, языковая эпидемия?

– Нет, позволь мне объяснить. Ты помог одному моему другу, Аслану...

– Что?

– Мой друг...

⁸ Ладно (*хинди*).

– О чем ты говоришь?

– Это случилось недели две назад, ночью, неподалеку от причала Балларда. Ты помог ему, когда он влип в историю.

И я вспомнил ту ночь и молодого парня, бегущего мне навстречу по широкой улице в деловом районе Баллард, – по обе стороны там сплошными стенами запертые офисные здания, некуда свернуть и негде укрыться. Преследователи настигают, и парень останавливается (три тени от уличных огней расходятся от него в разные стороны). Он уже готов принять бой в одиночку, и тут вдруг выясняется, что он не одинок...

– Ну и в чем дело?

– Он умер. Три дня назад. Я пытался тебя найти, но ты был в Гоа. И сейчас я пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе это.

– Что именно сказать?

Он замялся. Я был с ним нарочито резок после упоминания побега и сейчас хотел скорее перейти к сути дела.

– Мы с ним подружились в университете, – начал он ровным голосом. – Аслан любил бродить по ночам в опасных местах. Как и я. Да и ты тоже – иначе как бы ты оказался в том месте той ночью, чтобы ему помочь? И я подумал, что ты, может быть, захочешь узнать, что с ним стало.

– Ты меня за дурака держишь?

Мы стояли на тротуаре в негустой тени платанов, в каких-то дюймах друг от друга, и нас огибали потоки пешеходов.

– С чего ты взял?

– Ты сейчас выложил козырь – знание о моем побеге из тюрьмы – только для того, чтобы сообщить мне печальную новость о смерти Аслана? Только поэтому? Ты настолько чокнутый или настолько славный парень?

– Полагаю, – сказал он, начиная злиться, – что я настолько славный. Наверно, я даже слишком славный, поскольку решил, что мое сообщение для тебя хоть что-нибудь значит. Сожалею, что тебя побеспокоил. Не хочу быть назойливым. Извини. Я пошел.

Я задержал его.

– Погоди-ка! – сказал я. – Погоди!

По сути, с ним все было правильно: открытый взгляд, уверенность в собственной правоте и светлая улыбка в придачу. Инстинкт обычно распознает своих. Вот и мой инстинкт распознал своего в этом парне, который стоял передо мной с таким рассерженным и оскорбленным видом. С ним все было правильно, честь по чести, – а такое встречаешь не часто.

– Ладно, я перегнул палку, – сказал я, поднимая руку в примирительном жесте.

– Да я без претензий, – ответил он, успокаиваясь.

– Тогда вернемся в Викраму, проболтавшемуся о моем побеге. Информация такого рода может вызвать интерес у Интерпола – и уж точно всегда вызывает интерес у меня. С этим все ясно?

То был не вопрос, и он меня понял.

– В гробу я видал Интерпол.

– Но ты же детектив, как-никак.

– В гробу я видал детективов. Это информация о друге, которую нельзя скрывать от этого друга, если случайно получил к ней доступ. Или ты не в курсе таких простых вещей? Я вырос на улицах, вот на этих самых улицах, и я это знаю четко.

– Однако мы с тобой не друзья.

– Пока что нет, – улыбнулся Навин.

Несколько секунд я молча смотрел на него.

– Ты любишь ходить пешком?

– Люблю ходить пешком, болтая языком, – сказал он, стараясь шагать в ногу со мной, насколько этому позволяло хаотичное перемещение по тротуару других пешеходов.

– В гробу я видал Интерпол, – повторил он чуть погодя.

– И болтать языком ты действительно любишь?

– Как и ходить пешком.

– Хорошо, тогда расскажи мне на ходу три короткие истории.

– Запросто. О чем первая прогулочная история?

– О Деннисе.

– Честно говоря... – Навин рассмеялся, увернувшись от женщины, которая тащила на голове здоровый бумажный тюк. – Сегодня я был там впервые, как и ты. К тому, что ты видел своими глазами, могу добавить лишь то, что я слышал.

– Так расскажи мне, что ты слышал.

– Его родители умерли. Говорят, это сильно его потрясло. Семья была богатой. Они владели каким-то патентом, который до сих пор приносит немалый доход. Порядка шестидесяти миллионов, по словам Денниса.

– Его обитель уж никак не тянет на шестьдесят миллионов долларов.

– Все его деньги переданы в доверительное управление, пока сам он погружен в транс.

– Пока он лежит как бревно, ты это имел в виду?

– Он не просто лежит как бревно. Деннис пребывает в состоянии самадхи⁹. Его сердцебиение и дыхание замедляются и почти сходят на нет. Время от времени даже наступает клиническая смерть.

– И ты хочешь, чтобы я этому поверил, детектив?

– Все так и есть, – улыбнулся он. – За последний год несколько врачей констатировали его смерть, но Деннис всегда пробуждался вновь. Джамал, который Все-в-одном, коллекционирует свидетельства о его смерти.

– Надо полагать, эти периодические умирания Денниса нехило напрягают его священника и его бухгалтера.

– Пока Деннис лежит в транс, всеми его финансами ведают управляющие, которые выделяют ему достаточно средств на квартиру, где мы сегодня встретились, и на поддержание себя в нужной степени просветленности.

– Ты все это узнал случайно или выведал как детектив?

– Понемногу того и другого.

– Что ж, – сказал я, останавливаясь, чтобы не попасть под машину, которая разворачивалась с заездом на тротуар, – каким бы высоким и полным ни был его улет, я могу лишь признать, что он самый бревноподобный из всех улетчиков, мною виденных.

– Тут он вне конкуренции, – ухмыльнулся Навин.

Мы немного помолчали, осмысливая данный факт.

– О чем вторая история? – спросил Навин.

– Конкэннон, – сказал я.

– Он боксирует в одном спортзале со мной. Я о нем мало что знаю, но могу сказать пару вещей.

– А именно?

– Во-первых, у него очень коварный и жесткий хук слева – как из пушки. Но в случае промаха его заносит.

– Заносит?

⁹ Самадхи – состояние просветления и умиротворения, последняя из восьми ступеней, ведущих к нирване.

– Всякий раз. Он проводит джеб левой, затем бьет правой в корпус и тут же запускает свой левый хук. Но если уйти от хука, он раскрывается для встречного удара. Правда, он очень быстрый и редко промахивается. Боксирует он что надо.

– Теперь во-вторых.

– Во-вторых, это через него я получил доступ к Деннису. Деннис его любит. Когда он выходит из транса, то общается с Конкэнноном дольше, чем с кем-либо другим. Я слышал, он даже собирается законным порядком усыновить Конкэннона. Но это непросто, поскольку тот старше Денниса, и к тому же он иностранец. Я не уверен, что есть прецеденты усыновления индийцем белого человека, который старше своего приемного отца.

– А что это значит, «доступ к Деннису»?

– Тысячи людей стремятся попасть к Деннису, когда он в трансе. Они думают, что в периоды своей *временной* смерти он может контактировать с теми, кто умер *окончательно*. Но почти никому не удастся туда войти.

– Кроме тех случаев, когда ты просто стучишься в дверь иходишь.

– Ты не понял. Никто *не осмелится* просто так постучать и войти, когда Деннис в трансе.

– Да брось ты!

– Во всяком случае, никто ни разу не осмелился до того, как это сделал ты.

– Денниса мы уже обсудили, – сказал я, пропуская большую тележку, которую катили сразу четыре человека. – Вернемся к Конкэннону.

– Как я говорил, он боксирует в спортзале. Дерется грязновато, как уличный боец. Из остального знаю только, что он любит вечеринки и шумные компании.

– Язык у него поганый. Если человек дожил до его лет с таким поганым языком, значит за ним есть еще что-то посерьезнее.

– Ты считаешь, мне стоит к нему приглядеться?

– Только к его оборотной стороне.

– Ладно. А третья история? – спросил он.

Я свернул с тротуара на узкую дорожку.

– Куда мы идем? – спросил он, следуя за мной.

– Хочу выпить сока.

– Сока?

– День жаркий. Что странного в таком желании?

– Ничего. Отлично. Я люблю сок.

Тридцать девять градусов в Бомбее, охлажденный арбузный сок, вентиляторы низко над головой работают на третьей скорости: блаженство.

– Итак... ты у нас детектив? Это всерьез?

– Да. Все началось со случайности, но теперь я занимаюсь этим делом уже почти год.

– И что это за случайность, превращающая обычных людей в детективов?

– Я учился на юриста, – сказал он, – и был уже на последнем курсе, когда мне попалась одна монография о частных детективах и их сотрудничестве с судебной системой. Что меня реально заинтересовало, так это описание детективной работы, причем заинтересовало настолько, что я бросил учебу и подался в частный сыск.

– Ну и как оно там?

Навин рассмеялся:

– Супружеская измена – явление более здоровое по своей сути, чем, например, игра на фондовой бирже, и намного более предсказуемое. Я провел несколько таких дел, но потом решил, что с меня хватит. В паре со мной работал еще один детектив, обучивший меня азам. Сам он уже тридцать пять лет копается в грязном белье, и до сих пор ему это в охотку. А мне нет. Для загулявших на стороне мужей это всякий раз приключение. А для меня их делишки – тоска зеленая, вечно одно и то же.

– И чем ты занялся, покинув тучные пастбища супружеских измен?

– С той поры я нашел двух пропавших собак, одного пропавшего мужа и, до кучи, пропавшую кастрюлю-кассероль. Похоже, все мои клиенты, благослови их бог, попросту слишком ленивы или слишком спесивы, чтобы лично заниматься такой ерундой.

– Но тебе ведь нравится работа детектива? Адреналин и все такое?

– Знаешь, что мне нравится в этом деле? Здесь в конечном счете ты докапываешься до правды. Как юрист, ты можешь себе позволить лишь часть правды, какую-то ее версию. А здесь все реально, даже если это всего лишь старая семейная кастрюля. Ты имеешь дело с реальностью, которую нельзя исказить или перевернуть.

– И ты намерен продолжать в том же духе?

– Не знаю. – Он улыбнулся, глядя мимо меня. – Думаю, это будет зависеть от того, насколько я хорош.

– Или насколько плох.

– Да, или насколько плох.

– Между прочим, мы уже перешли к третьей истории, – сказал я. – Тема: Навин Адэр, индийско-ирландский частный сыщик.

Он засмеялся, сверкнув белыми зубами, но смех очень быстро угас.

– Да тут и рассказывать особо нечего.

– Навин Адэр, – повторил я имя. – Интересно, какая половинка твоей задницы получает больше пинков, индийская или ирландская?

– Я слишком белый для азиатов и слишком азиатский для белых, – усмехнулся он. – Мой отец...

Для многих из нас за словом «отец» скрывается обширная область воспоминаний с крутыми скалистыми пиками и затерянными долинами. Я вместе с ним преодолел все складки этого ландшафта, терпеливо дожидаясь, когда он вернется к заданной теме.

– ...И мы с мамой остались нищими после того, как он нас бросил. Мы жили на улице, пока мне не исполнилось пять лет, хотя я почти не помню то время.

– А что случилось потом?

Он окинул взглядом улицу с ее калейдоскопом красок и эмоций.

– Отец умер от туберкулеза, – сказал Навин, – а в завещании все отписал маме. И вдруг оказалось, что за последние годы он сколотил недурной капитал. Мы в одночасье сделались богатыми, и...

– ...и все изменилось.

Взглядом он дал мне понять, что и так поведал более чем достаточно.

Вентилятор, вращавшийся всего в нескольких дюймах от моего затылка, начал вызывать у меня леденящую головную боль. Я подозвал официанта и попросил снизить скорость до второй.

– Замерзаете? – насмешливо спросил он, положив руку на переключатель. – Сейчас я покажу вам настоящий холод.

И включил ураганную пятую скорость, так что вскоре у меня начали застывать щеки. Мы расплатились и покинули кафе, услышав за спиной «до свидания» официанта, и тотчас последовал его призывный вопль:

– Второй столик снова свободен!

– Мне понравилось это заведение, – сказал Навин уже на улице.

– В самом деле?

– Да. Отличный сок, наглые официанты. Самое то.

– Мы с тобой и вправду можем подружиться, детектив. И, надо думать, мы подружимся.

Глава 2

Память, мой возлюбленный недруг, порой включается в самый неподходящий момент. Воспоминания о тех бомбейских днях накатывают на меня столь внезапно и живо, что я выпадаю из настоящего времени и забываю о делах насущных. Промелькнет улыбка, зазвучит песня, и вот я уже унесен в прошлое: валяюсь в постели давним солнечным утром, гоню на мотоцикле по горной дороге или, связанный и избитый, умоляю судьбу дать мне хоть какой-нибудь шанс. И я люблю каждый миг этого прошлого, каждый миг встречи с другом или врагом, каждый миг ярости или прощения – каждый миг жизни. Вот только память зачастую уносит меня пусть и в правильное место, но в неправильное время, что порождает болезненные конфликты с реальностью.

По идее, после всего, что я натворил и что сотворили со мной, я должен был бы ожесточиться. Мне не раз говорили, что надо быть злее и жестче. Как заметил один старый зэк: «Ты мог бы стать в натуре крутым авторитетом, будь в тебе хоть капля чистой злости». Но таким уж я уродился, без капли злости или горечи, и таким остаюсь по сей день. Мне случалось впадать в ярость или в отчаяние, и до недавних пор я слишком часто делал дурные вещи, но никогда я не испытывал ненависти к кому бы то ни было и никогда не задавался целью причинить зло другим, даже моим мучителям. Конечно, хорошая порция злости может иной раз пригодиться в порядке защитной реакции, но я знаю, что ворота цинизма непроходимы для светлых воспоминаний. А я дорожу своими воспоминаниями, хоть и несвоевременно меня посещающими, – в том числе и воспоминанием о тех самых минутах на бомбейской улице, когда жаркие пятна солнца растекались по асфальту в просветах между платанами; когда страшные девчонки шныряли на скутерах в плотном потоке транспорта; когда тележечники натужно, но с неизменной улыбкой катили мимо меня свой груз; когда я познакомился с молодым индийско-ирландским детективом по имени Навин Адэр.

Какое-то время мы с ним продолжали путь молча, лавируя между машинами и встречаемыми пешеходами, уклоняясь от велосипедистов и тележек в нескончаемом танце уличной жизни.

Перед распахнутыми воротами пожарной части что-то с хохотом обсуждала компания в темно-синих брезентовых робах. В глубине депо маячила пара огромных пожарных машин, сверкая на солнце хромированными деталями и красной полировкой кузова.

К стене у входа было пристроено небольшое, но щедро разукрашенное святилище Ханумана¹⁰, плакат рядом с которым гласил:

**ЕСЛИ ЖАРА КАЖЕТСЯ ВАМ НЕСТЕРПИМОЙ,
СРОЧНО ПОКИНЬТЕ ГОРЯЩЕЕ ЗДАНИЕ.**

Далее мы вступили в торговые ряды, которые растеклись вдоль улицы, выплеснувшись за пределы главного рынка Колабы. Торговцы стеклом, рамками для картин, пиломатериалами, скобяными изделиями, электротоварами и сантехникой постепенно уступали место вещевым, ювелирным и продовольственным магазинчикам.

Достигнув широкого въезда на территорию собственно рынка, мы были вынуждены остановиться и пропустить колонну тяжелых грузовиков, с ходу вдавившихся в транспортную суету большой улицы.

– Знаешь, – сказал он во время этой остановки, – ты был прав насчет длинного языка Викарама. Но дальше меня эта информация не пойдет. Впредь ни единого слова об этом

¹⁰ *Хануман* – обезьяноподобное индуистское божество, один из главных героев эпоса «Рамаяна». Был наделен множеством чудесных свойств, в том числе способностью не сгорать в огне.

ни с кем, кроме как с тобой. Никогда. А если тебе вдруг понадобится моя помощь, только дай знать, и я тут как тут. Собственно, вот и все, что я пытался сказать с самого начала. Я сделаю это ради Аслана и того, что ты помог ему тогда, если не хочешь, чтобы я делал что-то ради тебя самого.

Не в первый раз за время бессрочной ссылки, в которую превратилась моя жизнь, я глядел в глаза, вспыхивающие, как маячные огни на вершинах скал при одном только слове «побег». За годы скитаний мне случалось быстро сходиться с людьми под старый бунтарский мотив, и преданность этих людей основывалась на факте моего побега в не меньшей степени, чем на каких-то моих личных качествах. Им хотелось, чтобы я остался на свободе, хотя бы ради сознания того, что *кто-то* сумел вырваться из цепких лап системы и не был захвачен ею вновь.

Я улыбнулся Навину. Не в первый и не в последний раз я полагался только на чутье, заводя нового друга.

– Рад познакомиться, – сказал я, протягивая руку. – Меня зовут Лин. И я не врач в трущобах.

– Очень приятно, – сказал Навин, отвечая на рукопожатие. – Меня зовут Навин, спасибо за предупреждение. Всегда полезно знать, кто врач, а кто не врач.

– И кто не коп, – добавил я. – Пропустим по стаканчику?

– Ничего не имею против, – любезно согласился он.

В тот же миг я почувствовал, что кто-то дышит мне в затылок, и резко развернулся.

– Эй, полегче! – вскричал Джордж Близнец. – Полегче с рубахой, приятель! Это ровно пятьдесят процентов моего гардероба, чтоб ты знал!

Я разжал руку, перед тем успев пересчитать костяшками пальцев ребра на его тощем теле.

– Извини, старина, – сказал я, разглаживая ладонью смятую рубаху. – В другой раз не подкрадывайся к людям сзади. Уж ты бы мог это знать, Близнец. Когда-нибудь такой фокус выйдет тебе боком.

– Согласен, сам виноват, – признал Джордж Близнец, нервно оглядываясь по сторонам. – Видишь ли, у меня тут возникла проблемка.

Я полез было в карман, но Близнец меня остановил:

– Проблема другого рода, старик. Хотя, честно говоря, и этого рода тоже, однако безденежье – настолько постоянная проблема, что стала уже *метакультурным состоянием*, вроде уныло-однообразного, но прилипчивого саундтрека. Ты меня понимаешь?

– Не понимаю, старик, – сказал я, вручая ему несколько купюр. – Так в чем проблема?

– Можешь немного подождать? Я сейчас приведу Скорпиона.

– Хорошо.

Близнец вновь огляделся:

– Точно дождешься?

Я кивнул, и он исчез в толпе, обогнув ближайший прилавок с мраморными статуэтками богов.

– Мне уйти или можно остаться? – спросил Навин.

– Оставайся, – сказал я. – Близнец и Скорпион все равно не умеют хранить секреты, особенно свои собственные. Будь они радиоведущими, начали бы секретничать в прямом эфире. Кстати, занято было бы послушать.

Через минуту Близнец вернулся, ведя за руку Скорпиона.

Зодиакальные Джорджи – один из южного Лондона, другой из Канады – жили на бомбейских улицах и были неразлучны. Они в легкой форме зависели от семи разных видов наркоты и всеобъемлюще зависели друг от друга. Ночевали они в сравнительно комфортабельных условиях – под навесом у входа на склад – и зарабатывали беготней на посылках, сбытом наркотиков иностранцам и, временами, продажей информации местным гангстерам.

Они спорили и грызлись ежедневно, начиная с первых утренних зевков и до отхода ко сну, но притом были так искренне и крепко привязаны друг к другу, что за одно это все их знавшие любили зодиакальных Джорджей: Близнеца из Лондона и Скорпиона из Канады.

– Извини, Лин, – пробормотал Скорпион, когда Близнец подтащил его поближе. – Я уже было залег на дно. Это все из-за ЦРУ. Ты наверняка уже в теме.

– ЦРУ? Нет, я не в теме. Только что вернулся из Гоа. Так в чем дело?

– Нарисовался тут один субчик, – подхватил эстафету Близнец, и его более рослый товарищ быстро кивнул в подтверждение. – Седые волосы, хотя он совсем не старый. Ходит в строгом синем костюме и галстуке, весь такой деловой.

– Он из ЦРУ, – прошептал Скорпион, наклоняясь ко мне.

– Не пори чушь, Скорпион! – зашипел Близнец в свою очередь. – На кой хрен ЦРУ нужны такие, как мы?

– У них есть приборы, читающие наши мысли, – продолжил шептать Скорпион, – даже сквозь стены.

– Если они могут читать наши мысли, нам тем более нет смысла говорить шепотом, верно? – сказал Близнец.

– Может статься, они специально запрограммировали нас на шепот, когда копались в наших мозгах.

– Да если бы они реально прочли *твои* мысли, они бы дали отсюда деру с воплями ужаса, чертов кретин! Удивительно, как это я все еще держусь и не бегая с воплями по улицам после общения с тобой.

Невозможно было предугадать, куда занесет Зодиаков, когда они начинали спорить; и никаких ограничений по времени у этих споров не было. Обычно я с удовольствием их слушал, но порой это бывало некстати.

– Давайте-ка поподробнее о седом субчике в синем костюме.

– Мы не знаем, кто он такой, Лин, – сказал Близнец, прерывая свой монолог. – Но он уже два дня наводит справки о Скорпионе в «Леопольде» и в других местах.

– Он из ЦРУ, – повторил Скорпион, озираясь в поисках укрытия.

Близнец посмотрел на меня с плаксивой гримасой, означавшей: «И за что мне это наказание?» Он старался себя сдерживать. Сделал глубокий вдох. Но это не помогло.

– Если они из ЦРУ и умеют читать наши мысли, – взвыл он с зубовным скрежетом, – то на кой ляд им ходить повсюду и задавать вопросы?! Они подошли бы напрямиком к тебе и, хлопнув по плечу, сказали бы: «Привет, сынок! Мы только что прочли твои мысли. Нам нет нужды расспрашивать и выслеживать, потому что у нас есть специальные мозгокопательные приборы, которые читают ваши мысли, и все это потому, что мы – парни из гребаного ЦРУ». Разве не так? *Разве не так?*

– Ну...

– Наводя справки, он называл ваши настоящие имена? – спросил Навин с подчеркнуто серьезным выражением лица. – Он искал вас обоих или только Скорпиона?

Оба Джорджа уставились на Навина.

– Это Навин Адэр, – сказал я. – Он частный детектив.

Возникла пауза.

– Чтоб мне лопнуть! – наконец пробормотал Близнец. – Не очень-то *частный*, должно быть, раз ты громко объявляешь об этом посреди овощного рынка. Больше смахивает на *публичного* детектива, вам не кажется?

Навин рассмеялся.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – напомнил он.

И снова возникла пауза.

– А какого... какого *типа* детектив? – с подозрением спросил Скорпион.

– Детектив типа «сыщик», – пояснил я. – С ним ты можешь смело откровенничать, как на исповеди. Отвечай на вопрос, Скорпион.

– Ну, если пораскинуть мозгами, – сказал Скорпион, задумчиво разглядывая Навина, – то выходит, что спрашивал он про меня одного, не помяная Близнеца.

– Где он остановился? – спросил Навин.

– Мы пока не выяснили, – сказал Близнец. – Сначала мы не приняли его всерьез, но эти расспросы продолжаются уже два дня. Вот Скорпион и начал дрейфить, а теперь уже сдрейфил вконец, сами видите. Сегодня мы послали одного из наших уличных ребят проследить за гадом, так что скоро узнаем, где он окопался.

– Если хотите, я могу заняться этим делом, – предложил Навин.

Близнец и Скорпион взглянули на меня. Я пожал плечами.

– Да, – быстро сказал Скорпион. – Идет. Если можешь, узнай, кто он такой и что ему нужно.

– Мы хотим докопаться до сути, – с жаром сказал Близнец. – Скорпион до того меня извел, что сегодня утром я проснулся, вцепившись в глотку самому себе. А это уже край, когда человек душит себя самого во время сна.

– Ну а нам что делать? – спросил Скорпион.

– Затаитесь поглубже и не высовывайте носа без крайней необходимости, – сказал Навин. – Если ваш парень узнает, где он остановился, дайте знать Лину. Или оставьте для меня записку в Наградж-билдинг, на Мереветер. Навину Адэру.

Какое-то время зодиакальные Джорджи молча смотрели друг на друга, потом на Навина и под конец на меня.

– Недурной план действий, – сказал я, на прощание пожимая руку Близнецу.

Денег, которые я ему дал, должно было хватить на хорошие дозы как минимум двух из числа их любимых наркотиков, а также на несколько спокойных дней в дрянном отеле, на получение чистой одежды, наверняка вновь застрявшей в прачечной из-за неуплаты, и вдобавок на бенгальские сладости, к каковым они питали слабость.

Зодиакальные Джорджи ввинтились в плотную толпу; при этом Скорпион втягивал голову в плечи и старался прикрыться своим лондонским тезкой.

– Есть какие-нибудь мысли на сей счет? – спросил я у Навина.

– Сдается мне, это законник, – ответил он не слишком уверенно. – Ну да там поглядим, что за гренок выпрыгнет из тостера. Гарантировать результат не могу. Не забывай, что в сыском деле я еще дилетант.

– Дилетант – это тот, кто не знает, чего делать *нельзя*, – сказал я.

– Недурно. Это цитата?

– Да.

– Чья именно?

– Одной женщины.

– Могу я с ней познакомиться?

– Нет.

– Прощу тебя.

– Да с какой стати? У тебя особый интерес к труднодоступным людям?

– Это ведь слова Карлы, верно? «Дилетант – это тот, кто не знает, чего делать *нельзя*».

Мило.

Я остановился и подступил к нему почти вплотную.

– Давай уговоримся, – сказал я. – Отныне ты никогда не будешь при мне упоминать Карлу.

– Это совсем не похоже на уговор, – сказал он, беззаботно улыбаясь.

– Рад, что ты понял... Однако мы ведь собирались выпить, помнишь?

Вскоре мы вошли в пропахший пивом и карри зал «Леопольда». Здесь как раз наступил период относительного затишья перед вечерним наплывом туристов, наркодилеров, спекулянтов, рэкетиров, актеров, студентов, гангстеров и хороших девочек, охочих до плохих мальчиков. Очень скоро эта публика заполонит пространство под широкими арками, будет шуметь, есть-пить и в рулеточном угаре ставить на кон свои души за всеми тридцатью столами «Леопольда».

Это было любимое ресторанный время Дидье, которого почти всегда можно было застать здесь в послеобеденные часы. Вот и сейчас я увидел его сидящим в одиночестве на своем обычном месте: за столиком у дальней стены, откуда хорошо просматривались все три входа в зал.

Он читал газету, развернув ее во всю ширь.

– Я хренею, Дидье! Газета в твоих руках! О таких вещах надо предупреждать людей заранее, чтобы их не хватил удар.

Я повернулся к официанту, которого завсегда и в шутку прозвали Свити – Сладенький. Он целенаправленно ковылял мимо нас, и розовый бейджик с его настоящим именем болтался в такт ковылянию.

– Что с тобой сегодня, Свити? Разве ты не должен был вывесить на улице перед входом предупреждающий знак или типа того?

– Жопа твое рыло, – ответил Сладенький и языком передвинул спичку из одного угла рта в другой.

Дидье отложил газету и встал, чтобы меня обнять.

– Я гляжу, ты легко переносишь эту жару, – заметил он и, отодвинувшись на длину рук, оглядел меня с тщательностью, достойной судмедэксперта. – У тебя какой-то *каскадный* вид. Я правильно выразился? Как говорят о том, кто подменяет звездного актера и получает за него все шишки?

– Правильно сказать «каскадерский», но я согласен и на «каскадный». Позволь представить еще одного *каскадного* человека: Навин Адэр.

– А, детектив! – сказал Дидье, одновременно с рукопожатием окидывая наметанным взглядом его высокую атлетическую фигуру. – Много о вас слышан от моей подруги, журналистки Кавиты Сингх.

– А мне она рассказывала о вас, – с улыбкой ответил Навин. – Должен сказать, это честь для меня – познакомиться с героем всех ее историй.

– Не ожидал встретить молодого человека с такими безупречными манерами, – быстро откликнулся Дидье и, приглашающе указав нам на стулья, подозвал Свити. – Что будете пить? Пиво? Свити, три хорошо охлажденных пива, пожалуйста!

– Жопа твое рыло! – буркнул Свити, уже заканчивавший свою смену, и поплелся на кухню.

– Он отвратительный хам, – сказал Дидье, глядя вслед официанту. – Но меня странным образом умиляет невозмутимость, с какой он влачит свое жалкое существование.

Нас было трое за столом, но все мы сидели в ряд: спиной к стене и лицом к другим столам под арками, за которыми открывался вид на улицу. Взгляд Дидье непрерывно блуждал по залу ресторана – ни дать ни взять жертва кораблекрушения, с надеждой озирающая горизонт.

– Ну и... – сказал он, слегка наклоняя голову в мою сторону, – что там с авантюрой в Гоа?

Я извлек из кармана и протянул ему тонкую пачку писем, перевязанную голубой лентой. Дидье принял ее бережно и несколько секунд держал в ладонях, как выпавшего из гнезда птенца.

– Тебе... тебе не пришлось *выбивать* из него эти письма? – спросил он, не отрывая от них взгляда.

– Нет.

Он вздохнул и быстро поднял глаза.

– А что, мне надо было его отделать?

– Нет, конечно же нет, – сказал он, шмыгая носом. – Дидье никогда не стал бы платить за подобные вещи.

– Ты и так ни гроша мне не заплатил.

– Строго говоря, нулевая плата все равно является платой. Вы согласны, Навин?

– Понятия не имею, о чем речь, – сказал Навин. – И потому готов согласиться с чем угодно.

– Все правильно, – вздохнул Дидье, глядя на письма. – Однако я думал, что он будет сопротивляться, хотя бы самую малость, в попытке оставить их у себя. В некоторых... в некоторых еще заметны следы былой привязанности.

Я припомнил обезьянью гримасу ненависти, исказившую лицо Густаво, его бывшего любовника, и визгливые проклятия по адресу гениталий Дидье, когда этот тип швырял связку писем в мусорную яму под задним окном своего бунгало.

Разорвав ему ухо ногтем большого пальца, я заставил поганца слазить в яму, достать письма и как следует их очистить, прежде чем вручить мне.

– Нет, – сказал я. – Похоже, бывшая привязанность угасла.

– Что ж, спасибо тебе, Лин, – в который раз вздохнул Дидье и пристроил письма у себя на колене, поскольку прибыло пиво. – Конечно, я бы съездил за ними сам, если бы не ордер на арест, который дожидается меня в Гоа.

– Тебе надо быть аккуратнее с этими ордерами, Дидье. Я не могу уследить за всем. У самого поддельных разрешений и справок – хоть стену обклеивай. И мне уже порядком надоело разруливать твои конфликты.

– Но сейчас по всей Индии всего четыре действующих ордера на мой арест, Лин.

– Всего-то четыре?

– Когда-то их было девять. Иногда мне даже начинает казаться, что я встал на путь... *исправления*. – Он скривил губы и произнес неприятное слово, как сплюнул.

– Будет вам. Не возводите на себя напраслину, – успокоил его Навин.

– Спасибо. Вы... очень приятный молодой человек. Как вы относитесь к огнестрельному оружию?

– У меня плохо получается убеждать людей. – Навин допил свое пиво и поднялся из-за стола. – Но я могу быть более убедительным с пистолетом в руке.

– Тут я в состоянии вам помочь, – сказал Дидье со смешком.

– Нисколько не сомневаюсь! – в свою очередь рассмеялся Навин. – Лин, что касается типа в деловом костюме, так напугавшего зодиакальных Джорджей, – когда что-нибудь выясню, я найду тебя здесь.

– Не слишком нарывайся. Мы ведь не знаем, кто он и на что способен.

– В том и весь драйв! – улыбнулся он с юношеским задором и отвагой. – Но я вас покидаю. Дидье, знакомство с вами – удовольствие и честь для меня. До встречи.

Мы посмотрели, как он уходит в ранние вечерние сумерки. Дидье сдвинул брови.

– Что такое? – спросил я.

– Ничего! – ответил он.

– Что такое, Дидье?

– Я же сказал: ничего!

– Я тебя слышу, однако мне знакомо это выражение лица.

– Какое еще выражение? – спросил он так возмущенно, будто я обвинил его в краже моей выпивки.

Дидье Леви давно перевалило за сорок. Первый снег седины уже припорошил его темную курчавую шевелюру, но мягкий свет голубых глаз – среди багровой вязи сосудов, сплошь

покрывавшей белки, – придавал ему неожиданно юный и в то же время беспутный вид: озорной мальчишка все еще скрывался под оболочкой стареющего, потасканного мужчины.

Он пил любые алкогольные напитки в любое время дня и ночи, всегда одевался как денди (притом что все прочие денди быстро скисали в здешней жаре), курил «фирменные» косяки из сделанного на заказ портсигара, был профессионалом в большинстве видов преступной деятельности (и виртуозом в некоторых из них) и не скрывал свою сексуальную ориентацию в городе, где это до сих пор считалось предосудительным.

Я знал его более пяти лет и видел во многих серьезных переделках. Он был надежен и бесстрашен – из тех людей, которые пойдут с тобой под пули и останутся рядом до самого конца, каким бы тот ни оказался.

Дидье всегда был верен себе. И он мог послужить уникальным примером того, как образ жизни любого из нас определяется степенью нашей внутренней свободы. Я помню его убитым горем из-за потерянной любви или сжигаемым дикой похотью; я помню минуты чудесных озарений – его и моих. И я провел с ним наедине достаточно много мучительно долгих ночей, чтобы понять и полюбить этого человека.

– Вот это самое выражение, – сказал я. – Якобы тебе известно что-то, что и так должно быть известно всем. Твое лицо говорит: «Я же тебе говорил» – еще до того, как ты мне что-нибудь скажешь. Давай выкладывай, что такое я должен знать и без твоей подсказки.

Гневная гримаса на его лице сменилась улыбкой, которая перешла в хохот.

– В данном случае как раз я узнал нечто новое, – сказал он. – Этот парень мне очень понравился. Больше, чем я ожидал. И больше, чем следовало ожидать, потому что о Навине Адэре ходит немало темных слухов.

– Если бы темные слухи приравнивались к голосам на выборах, мы с тобой давно прошли бы в президенты.

– Это верно. Но все же его репутация меня настораживает. Мудрец поймет с полуслова, – кажется, так говорят?

– Да, хотя мне всегда казалось, что настоящим мудрецам не нужно и полуслов.

– Я слышал, что он хороший боксер, даже очень хороший боксер. Он был чемпионом университета и мог бы стать чемпионом Индии. Его кулаки – это смертельное оружие. И еще говорят, что он всегда готов пустить их в ход – пожалуй, даже чересчур готов, частенько провоцируя драки.

– Ты и сам отнюдь не младший клерк в департаменте провокаций, Дидье. А что касается драк – уж этой фигней ты меня не заинтригуешь.

– Слишком многих людей этот юнец успел поставить на колени. Плохо, когда такой молодой человек привыкает унижать других. Многовато крови за этой милой улыбкой.

– За твоей милой улыбкой крови куда больше, друг мой.

– Спасибо на добром слове. – Он принял комплимент легким кивком, тряхнув седеющими кудрями. – Собственно, я вот что хотел сказать: если вдруг случится заварушка, я предпочту сразу пустить пулю в этого красавчика, даже не пытаясь вступать с ним в рукопашную.

– К счастью, пушка всегда при тебе.

– Я... извини за пошлое словечко... сейчас говорю *серьезно*, Лин, а ты ведь знаешь, как я ненавижу всякую серьезность.

– Буду иметь это в виду. Обещаю. А сейчас мне пора идти.

– Ты оставляешь меня здесь пить в одиночестве и отправляешься к *ней*? – Он язвительно усмехнулся. – Думаешь, она тебя ждет после трех недель, проведенных в Гоа? А ты не думаешь, что за это время она могла найти себе *лужок позеленее*, – кажется, так выражаются англичане с их очаровательной пасторальной провинциальностью?

– Я тебя тоже люблю, брат, – сказал я, пожимая ему руку.

Выходя на оживленную улицу, я обернулся и увидел, как он машет мне на прощание пачкой любовных писем, которые я для него добыл.

Это меня задержало. Уже далеко не впервые возникло чувство, будто я бросаю его на произвол судьбы. Глупость, конечно же: Дидье был вольным контрабандистом и обладал, пожалуй, наибольшей степенью свободы из всех людей этой профессии в Бомбее. Один из последних гангстеров-одиночек, он ни от кого не зависел и никого не боялся, включая мафиозные группировки, полицию и уличные банды, под чьим контролем находился его нелегальный мир.

Однако есть такие люди и такие привязанности, которые тяжело переносят каждое расставание, и всякий раз уходить от них – все равно что покинуть навеки родную страну.

Мой старый друг Дидье, мой новый друг Навин, мой островной город Бомбей: все мы опасны, каждый по-своему.

Несколько лет назад, когда впервые прибыл в Бомбей, я был чужаком в незнакомых уличных джунглях. Теперь же я по-хозяйски взирал на других чужаков из глубины этих джунглей. Теперь это был мой дом. Я притерся и освоился. Но при всем том слишком загрузел, утратил нечто важное внутри себя – нечто, вплотную прилегающее к сердцу.

Мы все были беглецами. Я сбежал из тюрьмы, Дидье сбежал от преследований, Навин сбежал от улицы, а этот южный город сбежал от моря, направив всю энергию своих мужчин и женщин на сотворение – камень за камнем – нового сухопутного бытия.

Я помахал Дидье, и он с улыбкой откозырял мне любовными письмами. Я улыбнулся в ответ, и теперь все было в порядке: теперь я мог его оставить.

Никакая улыбка не возымеет эффекта, никакое напутствие не утешит, никакая доброта не спасет, если наша внутренняя правда не будет прекрасной. Ибо связывает всех нас – все лучшее в нас – только правда человеческих сердец и чистота любви, неведомая иным созданиям.

Глава 3

От «Леопольда» было рукой подать до моего дома. Я покинул бурлящую туристскую Козуэй, развернулся перед полицейским участком Колабы и доехал до углового здания, известного всем бомбейским таксистам как «Электрический дом».

Повернув направо, в тенистый проулок за полицейским участком, я увидел корпус предварительного заключения и вспомнил время, проведенное в его камерах.

Помимо воли глаза отыскивали высокие зарешеченные окна. И тут же волной нахлынули воспоминания: зловоние открытых нужников и масса мужчин, отчаянно бьющихся за чуть более чистое место поближе ко входу...

Проехав квартал, я свернул в огороженный двор комплекса Бомонт-Вилла, кивком поприветствовал сторожа и, шагая через две ступеньки, поднялся на третий этаж.

Сколько я ни жал кнопку звонка, реакции не последовало. Тогда я открыл дверь своим ключом и через гостиную проследовал на кухню, мимоходом бросив на стол связку ключей и дорожную сумку. Ни на кухне, ни в спальне ее не оказалось, и я вернулся в гостиную.

– Привет, крошка! – крикнул я с утрированным американским акцентом. – Вот я и дома!

Смех донесся с лоджии, из-за колыхающихся штор, раздвинув которые я обнаружил Лизу на коленях, с испачканными землей руками, перед крошечным садиком – размером под стать раскрытому чемодану. Вокруг нее тусовалась небольшая стая голубей, остервенело пихавшихся в борьбе за хлебные крошки.

– Ты потратила столько сил, создавая этот садик, – сказал я, – а теперь позволяешь птицам его вытаптывать.

– Ты не понимаешь, – сказала она, переводя аквамаринный взгляд с голубей на меня. – Этот садик мне для того и нужен, чтобы привлекать сюда птиц. Я все это устроила ради них.

– Прими меня в свою голубиную стаю, – сказал я, когда она поднялась для поцелуя.

– Начинается, – засмеялась она. – Беллетрист в своем амплуа.

– И дьявольски рад тебя видеть, – сказал я, утягивая ее в сторону спальни.

– У меня грязные руки! – запротестовала она.

– Очень на это надеюсь.

– Нет, в самом деле. – Она со смехом вырвалась. – Нам надо принять душ...

– Очень на это надеюсь.

– Тебе надо принять душ, – уточнила она, держась от меня на безопасной дистанции. –

И сменить всю одежду, сейчас же.

– Одежда? – подхватил я шутливый тон. – Не нужна нам эта липкая одежда.

– Нет, нужна. Мы сейчас отправимся в одно интересное место.

– Но я только что приехал, Лиза! Прошло две недели!

– Без малого *три* недели, – поправила она. – И сегодня у нас будет полно возможностей сказать «привет!», прежде чем мы скажем «доброй ночи». Это я могу гарантировать.

– Такие «приветы» звучат как «прощай».

– Любое приветствие – это начало прощания. Ступай мыться.

– О каком месте речь?

– Тебе оно придется по душе.

– Ага, уже заранее с нее воротит.

– Это художественная галерея.

– Так вот чего мне сейчас не хватает!

– Брюзга чертов! – засмеялась она. – Там будут классные люди, своего рода экстремалы. И они чертовски талантливы. Ты их полюбишь. Это крутая выставка, на самом деле. Но если ты не поторопишься, мы пропустим самое интересное. Как здорово, что ты успел вернуться!

Я скорчил недовольную мину.

– Да ладно тебе, Лин! – рассмеялась она. – Что бы еще осталось в этой жизни, не будь искусства?

– Секс, – ответил я. – И еда. А после еды снова секс.

– В галерее будет полно всякой еды, – сказала она, подталкивая меня к ванной комнате. – И только представь, как благодарна будет твоя голубиная стая, когда мы приедем домой после выставки, которую она очень-очень сильно хочет посетить вместе с тобой и к открытию которой мы наверняка опоздаем, если ты не примешь душ незамедлительно!

Я зашел в душевую кабину и стал стягивать рубашку через голову, когда она повернула кран позади меня. Вода хлынула на мою спину и на джинсы, которые я еще не успел снять.

– Эй! – завопил я. – Это мои лучшие джинсы!

– И ты проносил их несколько недель подряд, – отозвалась она уже с кухни. – Сегодня будешь в джинсах похуже, но почище.

– И еще мой подарок для тебя! – крикнул я. – Он в кармане джинсов, которые ты намочила!

Она возникла в дверном проеме:

– Ты привез мне подарок?

– Разумеется.

– Здорово! Ты очень мил. Займемся им позже.

И вновь исчезла из виду.

– Ладно, – сказал я. – Так и сделаем. После балдежа в галерее.

Уже вытираясь, я услышал, как она мурлычет песню из индийского фильма. По случайности – или же четким попаданием в резонанс под закрученным спиралью куполом любви – песня оказалась той же самой, которую я напевал несколькими часами ранее, идя по улице с Викрамом и Навином.

Потом, собираясь перед выходом из дома, мы промычали-пропели эту песню уже дуэтом.

Уличное движение в Бомбее представляет собой систему, придуманную акробатами, но воплощаемую на практике малоразмерными слонами. Двадцать минут мотоциклетной потехи – и мы добрались до «денежного пояса» Кумбала-Хилл, туго охватывавшего самый престижный из холмов южного Бомбея.

Я загнал байк на парковочную площадку напротив фешенебельной и скандально известной галереи «Бэкбит», у истоков не менее фешенебельной, но добропорядочной Кармайкл-роуд. Непосредственно перед галереей выстраивались роскошные заграничные тачки, из которых вылезала роскошная местечковая крутизна.

Лиза потащила меня внутрь, продираясь через плотную толпу. В длинном зале скопилось человек триста – вдвое больше, чем допускалось правилами пожарной безопасности, предусмотрительно вывешенными на щите у входа.

«Если жара кажется вам нестерпимой, срочно покиньте горящее здание».

Она нашла в толпе свою подругу и подсунула меня для анатомически близкого знакомства.

– Это Розанна, – представила Лиза, сама так же тесно притиснутая сбоку к подруге – невысокой девушке с большим инкрустированным распятием (пригвожденные ноги Спасителя уютно разместились между ее грудей). – А это Лин. Он только что вернулся из Гоа.

– Наконец-то мы встретились, – сказала Розанна, и грудь ее сильнее прижалась ко мне, когда она подняла руку, чтобы взбить свою и без того стоявшую дыбом прическу.

Говорила она с американским акцентом, но гласные произносила на индийский манер.

– Зачем вы ездили в Гоа?

– За любовными письмами и рубинами, – сказал я.

Розанна быстро оглянулась на Лизу.

– Что толку на меня смотреть? – вздохнула Лиза, пожимая плечами.

– Да ты в натуре чумовой чувак! – провизжала Розанна голосом паникующего попугая. – Идем со мной! Ты должен встретиться с Таджем. Он любит все такое чумовое, *йаар!*¹¹

Прокладывая путь через толпу, Розанна подвела нас к высокому молодому красавцу с волосами до плеч, блестящими от парфюмерного масла. Он стоял перед каменной скульптурой первобытного человека примерно трехметровой высоты.

На табличке рядом со статуей было написано имя: «ЭНКИДУ»¹². Скульптор приветствовал Лизу поцелуем в щеку, а затем протянул мне руку.

– Тадж, – представился он, улыбаясь и глядя на меня с откровенным любопытством. – А вы, я полагаю, Лин. Лиза много о вас рассказывала.

Я ответил на рукопожатие, ненадолго встретившись с ним глазами, после чего перевел взгляд на массивную статую. Заметив это, он слегка повернул голову в ту же сторону:

– Что скажете?

– Мне он нравится, – сказал я. – Будь потолок в моей квартире повыше, а пол попрочнее, я бы его купил.

– Спасибо, – рассмеялся Тадж.

Он потянулся вверх и положил ладонь на грудь каменного воина:

– Я и сам не пойму, что именно у меня вышло. Это был импульсивный порыв: вдруг захотелось увидеть его стоящим передо мной. И не было за этим никаких глубоких мыслей. Никаких метафор, никакой физиологии, ничего подобного.

– Гёте говорил, что весь мир – это метафора.

– Неслабо загнуто! – Он снова рассмеялся, и в светло-карих глазах вспыхнули искорки. – Могу я использовать эту цитату? Напишу ее на табличке рядом с моим каменным другом. Это повысит шансы на его продажу.

– Пользуйтесь на здоровье. Писатели не умирают окончательно, пока люди цитируют их слова.

– Хватит уже торчать в этом углу, – вмешалась Розанна, хватая меня за руку. – Идем, взглянешь на мою работу.

И она потащила нас с Лизой к противоположной стене зала, под завязку набитого курящей, пьющей, хохочущей и галдящей публикой. Добрую половину этой стены занимала череда рельефных панелей. Выполненные из гипса, они были покрыты бронзовой краской – под классику – и расположены так, чтобы излагать события в их временной последовательности.

– Это об убийствах Сапны! – крикнула Розанна, приблизив рот к моему уху. – Ты помнишь, пару лет назад? Этот чокнутый гад призывал слуг убивать своих богатых хозяев. Помнишь? Это было во всех газетах.

Я помнил серию убийств, связанных с именем Сапны. Подоплека тех событий была мне известна гораздо лучше, чем Розанне, – и лучше, чем большинству жителей Бомбея. Медленно перемещаясь вдоль панелей, я одну за другой разглядывал сцены, излагающие историю Сапны.

Это зрелище выбило меня из душевного равновесия, даже начала кружиться голова. Передо мной были судьбы людей, которых я знал, – убийцы и их жертвы, в конечном счете ставшие фигурками на фризе.

Лиза дернула меня за рукав.

– В чем дело, Лиза?

– Пойдем в зеленую комнату! – прокричала она мне в ухо.

– О'кей, пойдем.

¹¹ *Йаар* (йяр) – дружище, браток (*хинди*); часто утрачивает это значение и употребляется в конце предложения в качестве междометия («вот», «да-а», «ну» и т. п.).

¹² *Энкиду* – герой шумерской мифологии и «Эпоса о Гильгамеше»: дикий человек, ставший другом и побратимом Гильгамеша.

Вслед за Розанной, периодически издававшей предупредительные визги и приветственные вопли, мы продрались через «живую изгородь» из поцелуев и объятий до двери в дальнем конце галереи. Она выбила костяшками пальцев условный сигнал и, когда дверь открылась, втолкнула нас в полутемную комнату, освещаемую лишь гирляндами красных мотоциклетных фонарей на толстых кабелях под потолком.

В комнате находились десятка два человек, сидевших на стульях, диванчиках или прямо на полу. Здесь было намного тише, чем в зале. Подошла девица с горящей сигаретой, быстро скользнула ладонью по моей короткой стрижке и заговорила хриплым шепотом.

– Хочешь оторваться по полной? – риторическим тоном спросила она и протянула мне косяк, зажатый меж необычайно длинных пальцев.

– Ты опоздала, – быстро вмешалась Лиза, перехватывая сигарету. – Тут тебе уже ничего не обломится, Ануш.

Она сделала затяжку и вернула косяк девице.

– Это Анушка, – представила ее Лиза.

Мы пожали руки, причем длинные пальцы Анушки сомкнулись на тыльной стороне моей кисти.

– Она мастер перформанса, – сказала Лиза.

– Кто бы мог подумать! – вслух подумал я.

Анушка придвинулась ближе и легонько поцеловала меня в шею, охватив ладонью мой затылок.

– Скажешь, когда мне остановиться, – прошептала она.

Она продолжила поцелуи, а я медленно повернул голову, пока не встретился глазами с Лизой.

– Знаешь, Лиза, ты была права. Мне действительно нравятся твои друзья. И я отлично провожу время в этой галерее, чего никак не ожидал.

– Хватит, – сказала Лиза, оттаскивая от меня Анушку. – Перформанс окончен.

– Вызываю на бис! – попробовал я.

– Никаких бисирований, – отрезала Лиза и усадила меня на пол рядом с мужчиной тридцати с лишним лет в изжелта-красной курта-паджама¹³; голова его была выбрита до зеркального блеска. – Познакомься с Ришем. Он организовал все это шоу. И сам также здесь выставляется. Риш, это Лин.

– Привет, – сказал Риш, пожимая мне руку. – Ну и как вам выставка?

– Искусство перформанса здесь на высоте, – сказал я, оглядываясь на Анушку, которая между тем впиалась в шею очередной растерявшейся жертвы.

Лиза сильно шлепнула меня по руке:

– Это шутка. На самом деле здесь *все* отлично. И народу полным-полно. Поздравляю.

– Важно, чтобы они были в покупательском настроении, – заметила Лиза.

– Если не будут, Анушка сможет их убедить, – сказал я и получил еще один шлепок. –

А если что не так, Лиза их отшлепает.

– Нам повезло, – сказал Риш, предлагая мне косяк.

– Нет, спасибо. Не употребляю, когда езжу с пассажирами. А в чем везение?

– Выставку чуть было не сорвали. Вы видели картину с изображением Рамы? Оранжевую?

Я вспомнил большое полотно с преобладанием оранжевого цвета, висевшее на стене неподалеку от каменного Энкиду. Только теперь я сообразил, что впечатляющая центральная фигура на картине изображала индуистского бога.

¹³ *Курта* – свободная рубашка длиной примерно до колен; традиционная одежда во многих странах Южной Азии. *Курта-паджама* – комбинация из курты и легких широких штанов (паджама).

– Из-за этой картины выставку попытались запретить свихнувшиеся религиозные фанатики из крайне правых – они называют себя «Копьем кармы» и выступают в роли полиции нравов. Но мы связались с отцом Таджа – он известный адвокат и лично знаком с главным министром¹⁴. И он добился постановления суда, разрешающего выставку.

– Кто написал ту картину?

– Я, – сказал Риш. – А что?

– Мне интересно, что побудило вас изобразить бога.

– Вы полагаете, есть вещи, которые изображать не следует?

– Просто хотелось бы знать, что подтолкнуло вас к выбору сюжета.

– Я сделал это ради свободы самовыражения, – сказал Риш.

– *Viva la revolución!*¹⁵ – промурлыкала Анушка, которая к тому времени уже пристроилась рядом с Ришем, полулежа у него на коленях.

– Свободы для кого? – уточнил я. – Для вас или для них?

– Вы про «Копье кармы»? – Розанна фыркнула. – Да они все сраные фашистские ублюдки! Ничтожные твари. Маргиналы. Никто не принимает их всерьез.

– Бывает так, что маргиналы захватывают центр, который слишком долго их унижал или игнорировал.

– Как это? – встрепенулась Розанна.

– Да, такое возможно, Лин, – согласился Риш. – Эти люди способны на самые дикие выходки, и они это доказали. Но они активны по большей части в провинциальных городках и деревнях. Избить священника, спалить какую-нибудь церковь – это их стиль. Но у них нет широкой поддержки среди жителей Бомбея.

– Долбаные бесноватые фанатики! – злобно выкрикнул молодой бородач в розовой рубаше. – Это самые тупые люди на свете!

– Вряд ли вы можете это утверждать, – спокойно заметил я.

– Но я только что это сказал! – взвился молодой человек. – Какого хрена ты тут гонишь? Я это сказал – значит я *могу* так утверждать.

– Извини, я не вполне ясно выразился. Я в том смысле, что такое утверждение не будет *обоснованным*. Конечно, ты можешь это утверждать. Ты можешь утверждать, что луна – это одна из праздничных декораций, оставшаяся на небе после Дивали¹⁶, но обоснованным это утверждение назвать нельзя. Точно так же у тебя нет оснований считать тупицами всех, кто не разделяет твою точку зрения.

– Тогда кто они, по-вашему? – спросил Риш.

– Полагаю, вы лучше меня знаете этих людей и их образ мыслей.

– Но я хотел бы услышать ваше мнение.

– Что ж, я думаю, они благочестивы. И это благочестие самого ревностного толка. Думаю, они любят бога столь пылко и преданно, что когда видят его изображаемым без должного почтения, то воспринимают это как оскорбление их личной веры.

– То есть вы считаете, что мне не следовало выставлять свою картину? – с нажимом спросил Риш.

– Я этого не говорил.

– Кто он такой, этот тип?! – громко поинтересовался бородач, не обращая ни к кому конкретно.

– Тогда будьте добры, – продолжил Риш, – пояснить мне, что именно вы имели в виду.

¹⁴ *Главный министр* – так в Индии именуется избираемый глава правительства штата.

¹⁵ Да здравствует революция! (*исп.*)

¹⁶ *Дивали* – главный праздник у последователей индуизма и близких к нему религий; сопровождается фейерверками и всевозможными огненными шоу.

– Я поддерживаю ваше право творить и демонстрировать публике свои творения, но считаю, что право неотделимо от ответственности и что ответственный художник не должен во имя искусства оскорблять и травмировать чувства других людей. Во имя истины, пожалуй. Во имя справедливости и свободы, согласен. Но не ради одного только самовыражения.

– Почему бы и нет?

– Как творцы, мы создаем что-то не на пустом месте. Под нами огромный пласт культуры и традиций. И мы должны быть верны всему лучшему, что было сотворено другими до нас. Это наша обязанность.

– Да кто он такой, этот хренов умник?! – обратился молодой бородач к гирляндам мотоциклетных фонарей под потолком.

– Значит, если они почувствовали себя оскорбленными, это моя вина? – негромко и серьезно поинтересовался Риш.

Мне он начал нравиться.

– Спрашиваю еще раз, – не унимался бородач, – кто такой этот тип?

– Я тот, кто научит тебя правильной речи, – сказал я вполголоса, – если ты не перестанешь говорить обо мне в третьем лице.

– Он писатель, – зевая, сказала Анушка. – Писатели вечно спорят, потому что...

– Потому что они это умеют, – продолжила Лиза и потянула меня за руку, призывая подняться с пола. – Пойдем, Лин. Пришло время танцевать.

Из больших напольных колонок хлынула громкая музыка.

– Я люблю эту песню! – хрипло крикнула Анушка, вскакивая на ноги, а затем поднимая и Риша. – Потанцуй со мной, Риш!

Я на секунду сжал Лизу в объятиях и поцеловал ее в шею.

– Отрывайся здесь без меня, – сказал я с улыбкой. – Напляшись до упаду. А я еще раз осмотрю выставку. Встретимся на улице.

Лиза поцеловала меня и присоединилась к танцующим. Лавируя меж ними и стараясь не поддаться зажигательному ритму, я пробрался к двери.

В главном выставочном зале я остановился перед покрашенными под бронзу рельефами, представлявшими историю убийств. И чем дольше я на них смотрел, тем сложнее было отделить кошмарный авторский замысел от моих собственных кошмаров.

Я потерял все. Меня лишили опеки над дочерью. Я докатился до героиновой зависимости и вооруженных грабежей. Был пойман и приговорен к десяти годам в тюрьме строгого режима.

Можно было бы рассказать о регулярных избиениях и издевательствах, которым я подвергался в первые два с половиной года этого срока. Можно было бы привести с полдюжины других разумных причин для побега из той безумной тюрьмы, но в действительности все было проще: настал день, когда свобода для меня стала важнее моей жизни. И в тот день я решил, что больше не буду сидеть за решеткой: «С меня хватит». Я бежал из тюрьмы и с тех самых пор числился в розыске.

Жизнь вечно преследуемого изгоя забросила меня из Австралии в Новую Зеландию, а оттуда в Индию. Полгода, проведенные в сельской глуши Махараштры, научили меня языку местных крестьян. Полтора года в городских трущобах научили меня языку местных улиц.

Я вновь оказался в тюрьме, на сей раз в бомбейской, что в порядке вещей для человека, находящегося вне закона. Из тюрьмы меня вызволил мафиозный босс Кадербхай. И он нашел мне применение. Он находил применение всем. Пока я работал на него, ни один полицейский в Бомбее не рисковал со мной связываться и здешние тюрьмы не имели шансов заполучить меня под свой кров.

Подделка паспортов, контрабанда, торговля золотом на черном рынке, нелегальные валютные операции, вымогательство и рэкет, гангстерские войны, экспедиция в Афганистан, кровная месть: так или иначе мафиозная жизнь заполняла мои месяцы и годы. Но ничто

из перечисленного не имело для меня существенного значения, поскольку я был лишен связи со своим прошлым, со своей семьей и друзьями детства, с данным мне от рождения именем, с родной страной и со всем тем, что я собой представлял до прибытия в Бомбей, – все это умерло, как и те люди, чьи фигурки корчились на псевдобронзовом фризе Розанны.

Я покинул галерею, пробрался сквозь реддеющую публику перед входом, дошел до парковки через дорогу и присел сбоку на свой мотоцикл.

Большая группа зевак скопилась на тротуаре неподалеку от меня. В основном это были обитатели соседних кварталов, где селились преимущественно мелкие служащие. Этим прохладным вечером они пришли сюда, чтобы полюбоваться на дорогие автомобили и шикарные наряды посетителей выставки.

До меня доносились их фразы на маратхи¹⁷ и хинди. С искренним восхищением и удовольствием они обсуждали машины, украшения и платья. Ни в одном голосе я не уловил зависти или неприязни. Нужда и страх постоянно сопровождали их в этой жизни, определяемой одним коротким словом «бедность», однако они восхищались бриллиантами и шелками богачей с радостным, независтливым простодушием.

Когда в дверях галереи появились известный промышленник и его супруга-кинозвезда, группа зрителей разразилась хором восторженных возгласов. Актриса была в желто-белом сари, усыпанном драгоценными камнями. Я оглянулся на зевак, улыбающихся и выражавших одобрение так по-свойски, словно эта женщина была их соседкой по дому, – и вдруг заметил троих мужчин, державшихся отдельно от группы.

Они стояли молча, и вид у них был самый злобещий. Темные глаза столь интенсивно излучали ярость и злобу, что я, казалось, начал ощущать это излучение кожей, как ощущают легкий, едва морозящий дождь.

И вдруг, словно почувствовав, что я за ними наблюдаю, все трое разом повернулись и посмотрели мне прямо в глаза с открытой, совершенно необъяснимой ненавистью. Так мы и пялились друг на друга под радостные визги и бормотание зевак, перед строем лимузинов, озаряемых фотовспышками.

Я подумал о Лизе, все еще находившейся в галерее. Мрачная игра в гляделки продолжалась. Я медленно переместил руку поближе к двум выкидным ножам, спрятанным сзади под рубашкой, в холщовых чехлах на поясе.

– Эй! – внезапно окликнула меня Розанна, хлопая по плечу.

Я среагировал рефлексивно: с разворота одной рукой перехватил запястье, а тычком другой отбросил ее на шаг назад.

– Ты что, рехнулся?! – взвизгнула она, изумленно тараща глаза.

– Извини, – сказал я, отпустив ее руку. И поспешил обернуться к троице загадочных ненавистников. Но те уже исчезли.

– Ты в порядке? – спросила Розанна.

– Да, – сказал я. – В порядке. Извини. Там дело идет к концу?

– Осталось недолго, – сказала она. – Как отбудут все важные шишки и звезды, галерея закроется... Слушай, Лиза как-то обмолвилась, что ты не любишь Гоа. Хотелось бы узнать, в чем причина. Я сама, между прочим, оттуда.

– Об этом я уже догадался.

– Так что ты имеешь против Гоа?

– Ничего. Просто всякий раз, когда я туда езжу, знакомые просят меня покопаться в их тамошнем грязном белье.

– *Мой* Гоа тут ни при чем, – быстро сказала она.

Это было не возражение, а простая констатация факта.

¹⁷ *Маратхи* – язык индоарийской народности маратхов, один из официальных языков индийского штата Махараштра.

– Охотно верю, – улыбнулся я. – В Гоа много чего есть, но я знаю там лишь пару пляжей да пару укромных местечек.

Она внимательно разглядывала мое лицо.

– Что ты там говорил о цели своей поездки? Рубины и... что еще?

– Рубины и любовные письма.

– Но ведь ты ездил в Гоа не только за этим?

– Остальное пустяки, – соврал я.

– А если я предположу, что ты был там по делам черного рынка, это будет далеко от истины?

Собственно, я ездил в Гоа за новыми стволами: привез десяток пистолетов и передал их мафиозному посреднику в Бомбее еще до того, как отправился на поиски Викрама с его ожерельем в кармане. Так что касательно черного рынка истина была где-то рядом.

– Послушай, Розанна...

– А тебе не приходило в голову, что проблемой здесь являешься как раз ты? Люди вроде тебя приезжают в Индию и привозят с собой всевозможные беды.

– В Индии хватало всевозможных бед еще до моего приезда, и их останется с избытком, если я уеду.

– Сейчас мы говорим о тебе, а не об Индии.

Она была права, и ножи у меня под рубашкой служили тому подтверждением.

– Ты права, – признал я.

– Что, я права?

– Да, ты права. Я создаю проблемы, это так. Впрочем, как и ты в данный момент, если уж говорить начистоту.

– Лизе не нужны проблемы из-за тебя, – сказала она сердито.

– Конечно нет, – согласился я. – Проблемы не нужны никому.

Ее карие глаза вглядывались в мое лицо дольше прежнего, как будто выискивали там нечто достаточно глубокое или обширное, могущее придать сказанному дополнительный смысл. Наконец она рассмеялась, отвела глаза и запустила унизанные перстнями пальцы в свою дикобразистую шевелюру.

– Сколько дней продлится выставка? – спросил я.

– Мы рассчитываем на всю следующую неделю, – сказала она, следя за последними гостями, покидающими галерею. – Если только не помешают бесноватые.

– На вашем месте я бы нанял охрану. Поставил бы у входа парочку крепких и быстрых ребят. Предложите подработку охранникам из пятизвездочных отелей. Среди них есть действительно хорошие бойцы, а не какие-нибудь накачанные увальни.

– У тебя есть опасения насчет выставки?

– Пока не уверен. Но я только что видел тут нескольких типов. Реально злоющих. Думаю, им чертовски не по душе это шоу.

– Ненавижу сраных фанатиков! – прошипела она.

– Полагаю, эта ненависть взаимна.

Взглянув в сторону галереи, я увидел Лизу, которая обменивалась прощальными поцелуями с Ришем и Таджем.

– Вот и Лиза.

Я сел на мотоцикл и толкнул ногой рычаг стартера. Двигатель рывкнул, оживая, и перешел на низкое утробное урчание. Лиза подошла, обнялась с Розанной и заняла место на сиденье позади меня.

– *Пхир миленге*¹⁸, – сказал я Розанне. – До встречи.

¹⁸ До встречи (*хинди*).

– Она не состоится, если я замечу тебя раньше, чем ты меня.

Дорога удобно скатывалась под уклон в направлении моря, но вскоре я был вынужден остановиться на красный сигнал светофора – и секунду спустя увидел в затормозившем рядом черном фургоне тех самых людей, которые играли со мной в злобные гляделки у галереи. Сейчас они были отвлечены каким-то спором между собой.

Я подождал, когда они тронутся на зеленый сигнал, и пристроился следом. Заднее стекло фургона было сплошь залеплено стикерами с политическими лозунгами и религиозной символикой. На следующем перекрестке я свернул с оживленной трассы.

Возвращаясь домой круглым путем, я размышлял о тревожащих переменах, которые уже нельзя было не заметить. Рельефы Розанны давали представление об одной из самых жутких бомбейских трагедий, притом что правда о ней была еще более жуткой; однако вся эта жуть меркла перед нынешней гремучей смесью из религиозного мракобесия и политиканства. По сравнению с этим прошлые злодеяния походили на хлипкий песчаный нанос, который вот-вот будет сметен новой мощной волной, уже накатывавшей на бомбейский берег. Каждый день по городу курсировали грузовики, в кузовах которых сидели, потрясая дубинками, идейно накрученные громилы, а мафиозные бригады стремительно разрастались с тридцати-сорока до нескольких сотен бойцов.

Мы есть то, чего мы боимся, – и многих из нас уже начинала бить дрожь в предчувствии неминуемых кровавых разборок.

Глава 4

До дома мы добирались долго – сначала по Педдер-роуд, затем по широкой дуге набережной Марин-драйв, вдоль россыпи городских огней, отражавшихся в тихих водах залива. Продолжали разговор и по прибытии, когда я въехал в огороженный двор многоквартирного дома, попутно махнув рукой сторожу, и остановился в парковочной зоне на цокольном этаже.

– Иди наверх, – сказал я Лизе, – мне надо обтереть байк.

– Прямо сейчас?

– Да. Я не задержусь.

Когда ее каблучки застучали по мраморной лестнице, я повернулся к сторожу, кивнул и пальцем указал вслед Лизе. Он сорвался с места и побежал за ней, прыгая через две ступеньки.

Я услышал, как открывается дверь квартиры и как Лиза говорит «доброй ночи» сторожу. В следующую секунду я выскользнул через боковую дверь на пешеходную дорожку и, стараясь двигаться бесшумно, проследовал вдоль живой изгороди, окаймлявшей здание.

Незадолго до того, разворачиваясь перед въездом на парковку, я заметил в тени изгороди съезжившуюся фигуру. Там кто-то прятался.

Я вынул нож, приближаясь к тому месту, где ранее видел силуэт. В ту же секунду из тени вышел человек и, не заметив меня, направился в сторону парковки.

Это был Джордж Скорпион.

– Лин! – позвал он шепотом. – Ты еще там, Лин?

– Какого черта ты тут ошиваешься, Скорпион? – громко спросил я, подойдя к нему сзади.

Бедняга высоко подпрыгнул, суча ногами в воздухе:

– Ох, Лин! Ты напугал меня до усрачки!

Я глядел на него, ожидая пояснений.

Мирное соглашение, заключенное между мафиозными кланами по итогам последней гангстерской войны в южном Бомбее, с недавних пор дышало на ладан. Агрессивная молодежь, не участвовавшая в той войне или в переговорах о мире, все чаще затевала стычки и нарушала правила, написанные кровью куда более крутых бандитов. В нашем районе также случались нападения, почему я и был все время настороже. Но сейчас я разозлился на себя самого за то, что едва не напал на друга.

– Я же вас, парни, предупреждал: не подкрадывайтесь к людям втихую, – сказал я. – Это чревато.

– Да-да, я виноват... – начал он нервно, оглядываясь по сторонам. – Но, видишь ли... такое дело...

Тут сказались долгое напряжение и страх: он утратил дар речи. Я прикинул, где можно спокойно побеседовать.

Я не мог зайти на парковку вместе со Скорпионом. Он был бродягой, ночевавшим на улице, и его появление могло спровоцировать жалобы со стороны жильцов, если его кто-нибудь заметит. Лично мне их жалобы были до лампочки, но я знал, что для сторожа они могут обернуться потерей работы.

Взяв Скорпиона за локоть, я повел тощего высокого канадца через улицу, в глубокую тень у полуразвалившейся каменной ограды. Там, усевшись с ним рядом на груды камней, я раскурил косяк, затянулся и передал ему.

– В чем дело, Скорпион?

– Да все в том же гаде, – сказал он, сделав глубокую затяжку. – Я про цэрэушника в синем костюме. Он меня в гроб загонит, старик! Я больше не могу ходить по улицам. Я не могу

разговаривать с туристами. Он чудится мне повсюду, он сидит у меня в мозгах, он все время вынюхивает и выпрашивает. Твой друг, тот детективный чувак, что-нибудь про него разузнал?

Я отрицательно мотнул головой.

– Один из наших проследил его до Бандры, но там у парня кончились бабки, таксист его высадил, и след потерялся. И от твоего Навина ни слуху ни духу. Я подумал, может быть, он передал весточку тебе?

– Нет, пока ничего.

– Я в панике, Лин! – сказал Скорпион, трясаясь всем телом. – Этого гада ничем ни проймешь! Сколько его ни пытались раскрутить наша братва – сплошной облом! Он не покупает дурь и совсем не пьет, даже пиво. И не клюет на девочек.

– Мы его вычислим, Скорпион. Не бери в голову.

– Но это жуть как странно, – посетовал Скорпион. – Я натурально съезжаю с шариков, можешь себе представить?

Я достал из кармана пачку купюр в сто рупий и протянул ему. Не без некоторого колебания Скорпион их принял и тут же спрятал под рубашкой.

– Спасибо, Лин, – сказал он, быстро взглянув мне в глаза. – Я дожидался тебя перед домом, потому как теперь я совсем не появляюсь на улицах. Сторож сказал мне, что ты еще не возвращался. Потом я увидел вас с Лизой, но не смог подойти к тебе при ней. Я не могу просить деньги в ее присутствии. Лиза когда-то была обо мне высокого мнения.

– Все мы порой испытываем финансовые трудности. И Лиза останется высокого мнения о тебе независимо от того, нуждаешься ты в деньгах или нет.

В глазах его стояли слезы. Я не хотел это видеть.

– Слушай внимательно и передай мои слова Близнецу, – сказал я, вновь переводя его через дорогу. – Затарьтесь продуктами, прикупите дури для оттяга и снимите номер во «Фрэнтике». Поживете там пару дней, не высываясь на улицу. А мы между тем докопаемся до этого типа и решим проблему. Уяснил?

– Уяснил, – сказал он, протягивая для рукопожатия мелко дрожащую ладонь. – Ты считаешь «Фрэнтик» достаточно надежным местом?

– Просто этот отель единственный, где вам не откажут в номере, при вашем-то стиле жизни, Скорп.

– А... ну да, конечно...

– И человек-загадка туда не проникнет. Только не в синем деловом костюме. Фейсконтроль на входе сработает. Сидите тихо, и во «Фрэнтике» вы будете в безопасности, пока мы все не выясним.

– Хорошо, мы так и сделаем.

И он пошел прочь, пригибая голову, чтобы она не торчала над разросшейся живой изгородью. Я посмотрел, как он удаляется характерной ночной походкой уличного бродяги: неторопливо, с беспечным видом пересекая круги света от фонарей – «идет достойный человек, ему скрывать нечего» – и воровато ускоряя шаг на затененных участках улицы.

Я сунул двадцать рупий сторожу, который уже стоял рядом, и быстро поднялся по мраморной лестнице в квартиру. Лиза стояла в двери ванной, пока я мылся и рассказывал ей о непонятном белесом человеке, так напугавшем Скорпиона.

– Кем может быть этот тип? – спросила Лиза некоторое время спустя, когда я выбрался из душа. – Что ему нужно от Зодиаков?

– Не имею понятия. Навин Адэр – помнишь, я тебе о нем говорил? – подозревает, что он законник. Возможно, Навин прав, у этого парня есть нюх. Так или иначе, мы все выясним.

Вытершись насухо, я плюхнулся на постель рядом с Лизой, пристроив голову у нее на плече и ощущая атласную свежесть ее кожи. С этой позиции я мог видеть все ее обнаженное тело вплоть до пальцев ног.

– Розанне ты понравился, – сказала она, обозначая смену темы плавным наклоном влево обеих ступней.

– Сомневаюсь.

– Почему? Что между вами произошло?

– В том-то и дело, что ничего.

– Нет, что-то произошло, когда вы беседовали на улице. Что ты ей сказал?

– Мы просто... говорили о Гоа.

– Понятно... – вздохнула Лиза. – Она без ума от своего Гоа.

– То-то и оно.

– Но ты все равно ей нравишься, что бы там ни наплел про Гоа.

– Почему-то мне так не показалось.

– Разумеется, ты ее бесишь, но в то же время ты ей нравишься.

– С чего ты это взяла?

– К моему приходу она до того взбесилась, что была готова тебя ударить.

– Неужели? А мне казалось, что к тому времени разговор как раз стал спокойнее.

– Ей хотелось тебе врезать, а это значит, что ты ей нравишься.

– О чем ты?

– Она уже была готова дать тебе в рожу, когда я к вам подошла.

– Да неужто? Мы с ней вроде бы неплохо столковались.

– Она тебя совсем не знает, но уже хотела тебе врезать, понимаешь?

– Еще бы, все яснее ясного.

– Скажи, она использовала язык тела во время вашей беседы?

– Язык тела?

– Ну, к примеру, она как будто жалуется на боли в спине и начинает крутить бедрами якобы для разминки. Было такое?

– Нет.

– И слава богу.

– Почему?

– Потому, что выглядит это чертовски сексуально, и еще потому, что она показывала это мне, но не тебе.

– Не сомневаюсь, что ее бедрами накручено немало разных смыслов, но мне куда понятнее язык тела Анушки.

– Ее язык тела понял бы даже медведь, – прервала Лиза, шлепнув меня по руке.

– Напомни, где она устраивает свои перформансы? – засмеялся я.

– Я тебе этого не говорила. – И новый шлепок.

Каждый удар сопровождался звонким клацаньем браслета из морских ракушек на ее запястье. Это был подарок, привезенный мною из Гоа. Она еще немного повертела кистью, забавляясь музыкой моря, а потом сдвинула браслет свободной рукой и погасила звуки.

– Я не испортила тебе сегодняшний вечер? Может, мне извиниться за то, что потащила тебя на выставку сразу по приезде из Гоа?

– Да нет, все в порядке. Мне понравились твои друзья. Давно пора было с ними встретиться. И Розанна мне понравилась, дамочка с огоньком.

– Рада это слышать. Она мне не просто приятельница. Мы очень сблизились в последнее время. Ты находишь ее привлекательной?

– Что?

– Все нормально, – сказала она, поигрывая углом покрывала. – Я тоже считаю ее привлекательной.

– Что?!

– Она умная, преданная, смелая, талантливая, энергичная. И с ней интересно общаться. Она просто чудо!

Мой взгляд скользил по плавным линиям ее длинных стройных ног.

– К чему ты клонишь, в конце концов?

– Я к тому, что она тебя возбуждает, – сказала Лиза.

– Что?!

– Ничего страшного. Она и меня возбуждает.

Она взяла мою руку и провела ею между своих бедер.

– Ты сильно устал?

Я взглянул на ее ступни и пальцы ног, выгнувшиеся наподобие веера.

– Смотря для чего.

И потом все было хорошо. Это всегда бывало хорошо. Мы обменивались любовными ласками, которые хотя бы создавали иллюзию любви. Мы оба знали, что когда-нибудь этому придет конец, и потому, наверно, позволяли своим телам высказывать вещи, которые не могли высказать наши сердца.

Попозже я отправился на кухню, выпил холодной воды и принес полный стакан, поставив его на столик с ее стороны кровати.

Какое-то время я смотрел на нее – красивую, здоровую, сильную, свернувшуюся калачиком, как спящая кошка. Я мог лишь гадать, как она представляет себе нашу любовь и насколько ее представления расходятся с моими.

Я примостился рядом, подлаживаясь под ее позу. Она не проснулась, но гибкие пальцы ее ног среагировали сами собой, обхватив кончики моих пальцев. И мое спящее тело – неподвластное самообману, в отличие от моего разума, – согнув колени и прижавшись лбом к запертой двери ее спины, забарабанило в эту дверь молоточком сердца, умоляя одарить меня любовью.

Глава 5

Езда на мотоцикле – это поэзия скорости. Балансирование на грани между изящной быстротой маневра и губительной катастрофой сродни встрече с истиной, и каждая такая встреча разгоняет сердцебиение до пределов возможного. Бесконечно длящиеся мгновения гонки вырываются из вялого потока времени; они не ограничены пространством и конечной целью. Выжимая ручку газа и рассекая тугий воздух, ты в полете свободного духа оставляешь позади себя все привязанности и все страхи, а также радость, ненависть, любовь и злость, – возможно, для ожесточившихся людей вроде меня это лучший способ хоть ненадолго приблизиться к просветлению.

До паспортной мастерской, принадлежавшей мафии Санджая, я добрался в отличном расположении духа. Этим утром я предпочел прокатиться без особой спешки – просто проветрился мозги, результатом чего стала умиротворенная улыбка, которую я ощущал не только на своем лице, но и во всем теле.

Мастерская эта была главным центром, где мы занимались фальсификацией паспортов и других документов для мафии. Я непосредственно заведовал этой деятельностью и почти каждый день проводил на фабрике минимум пару-другую часов.

Но как только я открыл дверь, моя «мотоциклетная улыбка» сошла на нет. Передо мной стоял совершенно незнакомый молодой человек. И он протягивал мне руку для пожатия.

– Лин! – воскликнул он, двигая моей рукой вверх-вниз с интенсивностью ручного насоса, качающего воду из деревенской скважины. – Меня зовут Фарзад. Входите!

Я снял солнцезащитные очки и принял его радушное приглашение войти в мой собственный офис. Там, в углу большой комнаты, обнаружился новый письменный стол, заваленный документами и чертежами.

– Меня сюда прислали... около двух недель назад, – сказал Фарзад и кивком указал на второй стол. – Надеюсь, вы не против?

– Это будет зависеть от твоих объяснений.

– Каких объяснений?

– Ну, во-первых, что ты за хрен с горы? И во-вторых, какого черта ты тут делаешь?

– Ах, это? – Он выдавил смешок и, слегка расслабившись, уселся за новый стол. –

Все очень просто. Я ваш новый помощник. Можете на меня рассчитывать.

– Я не просил нового помощника. Меня вполне устраивал прежний.

– Но я думал, прежде у вас не было никакого помощника?

– Вот «никакой» меня и устраивал.

Его руки на коленях запрыгали, как только что выловленная рыба на прибрежном песке. Я проследовал через комнату к длинному окну, из которого открывался вид на расположенный в полуподвале цех. И там также обнаружились перемены.

– Что за черт?!

По деревянной лесенке я спустился в цех, направляясь к шеренге новых просмотровых кабин и столов с подсветкой. Фарзад меня сопровождал, торопливо давая пояснения:

– Они хотят расширить ассортимент за счет образовательных фальшивок. Я думал, вы уже в курсе.

– Каких еще образовательных фальшивок?

– Университетские дипломы и прочие свидетельства, удостоверения о квалификации и все такое. Потому меня и прислали.

Он умолк, заметив, что я беру документ с одного из столов. Это был диплом инженера-технолога, якобы выданный престижным университетом в Бенгалии.

Проставленное в дипломе имя было мне знакомо: оно принадлежало сыну мафиозного «смотрящего» за рыболовецкой портовой зоной. Столь же тупой, сколь и алчный, этот сынок был самым бессовестным обиралой рыбаков из всех молодых гангстеров на причале Сассуна.

– Меня... сюда направили... – Фарзад начал запинаться, – п-п-потому что я имею диплом магистра по управлению бизнесом. Ну, то есть неподдельный диплом. И я вам пригожусь, будьте уверены.

– Управленцев нынче развелось как грязи, – проворчал я. – А что, философию уже никто не изучает?

– Мой отец ее изучает. Он утилитарист с уклоном к Штейнеру¹⁹.

– Только не грузи меня с утра пораньше. Я сегодня еще не пил чай.

Перейдя к следующему столу, я взял с него свежую фальшивку. Это был диплом бакалавра в области стоматологии. Реагируя на выражение моего лица, Фарзад вновь подал голос:

– Не беспокойтесь, ни один из этих поддельных дипломов не будет использоваться в Индии. Все они предназначены для людей, выезжающих за границу.

– Вот как? – произнес я без улыбки. – Ну, тогда все в порядке.

– И я так думаю! – радостно подхватил он. – Мне распорядиться насчет чая?

Когда прибыл чай со специями в низких, покрытых паутиной трещинок стаканах, мы продолжили беседу, и постепенно этот парень начал мне нравиться.

Фарзад принадлежал к небольшой, но процветающей и влиятельной общине бомбейских парсов. Холостяк двадцати трех лет от роду, он жил со своими родителями и многочисленной родней в большом доме неподалеку от трущоб, в которых некогда обитал и я.

Учился он сначала в Индии, а затем два года в Штатах, где окончил аспирантуру и устроился в одну бостонскую фирму, специализировавшуюся на фьючерсных сделках. А спустя год он оказался замешан в крупной афере – глава его фирмы создал финансовую пирамиду.

Хотя Фарзад и не имел прямого отношения к махинациям своего работодателя, подпись его фигурировала в документах о переводе средств на секретные банковские счета. И когда реально замаячила угроза ареста, он поспешил вернуться в Индию, воспользовавшись очень своевременным, хотя и печальным поводом – необходимостью повидать смертельно больного дядю.

Я хорошо знал его дядю, Кеки. Он был советником Кадербхая, возглавлявшего южно-бомбейскую мафию, и занимал высокий пост в мафиозной иерархии. В последние часы перед смертью старик-парс попросил нового босса мафии, Санджай Кумара, позаботиться о своем племяннике, которого он любил, как родного сына.

Санджай встретился с Фарзадом и пообещал укрыть его от возможных преследований американской Фемиды, если он останется в Бомбее и будет работать на местную мафию. Я еще разбирался с делами в Гоа, когда Санджай устроил его на работу в моей паспортной мастерской.

– Сейчас все больше людей выезжает из Индии, – сказал Фарзад, приступая ко второму стакану чая, – и режим пересечения границы очень скоро упростят. Будьте уверены.

– Ну-ну, посмотрим.

– Законы и ограничения изменятся, процедура станет более легкой и быстрой. Люди будут выезжать из Индии и возвращаться в Индию, открывать свой бизнес здесь и в других странах, свободно перемещать капиталы. И всем этим людям наверняка потребуются разные документы, с которыми им будет легче обосноваться в Америке, в Лондоне, в Стокгольме или Сиднее.

¹⁹ Утилитаризм – направление в моральной философии, оценивающее любое действие или событие исключительно с точки зрения его полезности. Рудольф Штейнер (1861–1925) – австрийский философ, мистик и социальный реформатор, основоположник антропософии (мистического учения о духовной природе человека и способах ее постижения).

– А для нас это новый обширный рынок, не так ли?

– Это гигантский рынок. Гигантский. Мы начали выпускать такие документы всего две недели назад и уже сейчас работаем в две полные смены, чтобы справиться с потоком заказов.

– В две смены?

– Именно так, *баба*²⁰.

– А что, если, к примеру, одному из наших клиентов, *купившему* диплом инженера-строителя, вместо того чтобы *обучиться* этой профессии, доверят постройку моста, который затем рухнет и угробит пару сотен людей?

– Не сгущайте краски, *баба*, – ответил он. – В большинстве стран поддельный диплом нужен только для того, чтобы вас впустили в двери. В любом случае вам потребуется дополнительное обучение для того, чтобы соответствовать местным требованиям и подтвердить свою квалификацию. Но вы же знаете наших индийцев. Стоит только пустить их на постой, и вскоре они купят весь дом, потом соседние дома, а под конец завладеют всей улицей и начнут сдавать жилье внаем его бывшим владельцам. Уж такие мы есть. Будьте уверены, *йаар*.

Открытый и приветливый по натуре, Фарзад понемногу перестал меня опасаться. Взгляд его карих глаз был ясен и безмятежен, вполне гармонируя с его оптимистическим видением мира. Округлый полногубый рот казался постоянно улыбающимся, а кожа была очень светлой – гораздо светлее моего загорелого лица, увенчанного короткой блондинистой шевелюрой. Стильные джинсы и шелковая дизайнерская рубашка делали его похожим скорее на иностранного туриста, чем на местного уроженца, предки которого жили в Бомбее на протяжении трехсот лет.

Лицо его было гладким и чистым – ни единого шрама, царапины или хотя бы остаточной желтизны от синяка. Вполуха слушая его болтовню, я вдруг подумал, что этот парень, вероятно, ни разу в жизни не участвовал в драке и даже не сжимал кулак с намерением кого-нибудь ударить.

И я ему позавидовал. В тех случаях, когда я позволял себе взглянуть в полуразрушенный туннель собственного прошлого, возникало впечатление, что я всю жизнь только и делал, что дрался.

Я и мой младший брат были единственными католиками в хулиганско-пролетарском предместье. И соседские парни из семей твердолобых люмпенов каждый вечер терпеливо дожидались прибытия нашего школьного автобуса, после чего нам приходилось буквально пробиваться от остановки до своего дома.

И этому не было видно конца. Поход в торговый центр напоминал вылазку на вражескую территорию. Местная шпана атаковала «чужих» со всей злобностью, на какую только способны бедняки по отношению к таким же беднякам. Занятия карате и боксом в спортклубе стали для меня необходимыми элементами выживания в этой среде.

Каждый мальчишка в нашем районе, у которого хватало смелости дать сдачи, осваивал боевые искусства, и каждая неделя предоставляла ему возможности опробовать на практике то, чему он научился. По вечерам в пятницу и субботу приемное отделение местной клиники было до отказа заполнено юнцами, которым накладывали швы на рассеченные брови и губы или по третьему разу вправляли сломанные носы.

Я был одним из них. Моя медицинская карта в регистратуре превосходила толщиной собрание шекспировских трагедий. И все это было еще задолго до тюрьмы.

Слушая счастливые, мечтательные разглагольствования Фарзада о машине, на покупку которой он копил деньги, и о девчонке, которую он хотел пригласить на свидание, я ощущал поясницей давление двух ножей, которые всегда носил сзади под рубашкой. Дома я хранил в потайном ящике шкафа два пистолета с парой сотен патронов к ним. Если Фарзад не имел

²⁰ *Баба* – отец (*хинди*); также форма уважительного обращения к любому мужчине независимо от его возраста.

оружия или решимости пустить его в ход, он явно сунулся не в свое дело. Если он не умел драться и держать удар, ему здесь было не место.

– Ты работаешь на мафию Санджая, – сказал я. – Помни об этом и не заглядывай слишком далеко вперед.

– Всего два года, – сказал Фарзад, складывая руки горстью, как будто держал в них будущее со всеми его надеждами и перспективами. – Два года этой работы, и я накоплю денег на небольшое, но собственное дело. Открою консультацию для людей, желающих получить американскую грин-карту²¹, или еще что-нибудь в этом роде. Я так и сделаю, будьте уверены!

– Ты, главное, постарайся быть тихим и незаметным, – посоветовал я, надеясь, что прихотливая судьба и перипетии мафиозного бизнеса действительно подарят ему пару лет, на которые он рассчитывал.

– Да, разумеется, я всегда...

Телефон, зазвонивший на моем столе, не дал ему договорить.

– Вы не собираетесь ответить? – спросил Фарзад после нескольких звонков.

– Я не люблю телефоны.

Аппарат продолжал надрываться.

– Но тогда зачем он вам?

– А он и не мой. Это телефон офиса. Если звонок тебя раздражает, ответь сам.

Он снял трубку.

– Доброе утро, говорит Фарзад, – сказал он и тотчас отодвинул трубку подальше от уха.

Из динамика донеслись хлюпающе-чавкающие звуки, словно на том конце линии кто-то шагал по глубокой грязи или здоровенный пес с жадностью пожирал что-то смачное. Фарзад с ужасом уставился на телефон.

– Это меня, – сказал я, вынимая трубку из ослабевшей руки своего нового помощника. – *Салям алейкум*, Назир.

– Линбаба?

Его голос легко мог бы пробиться сквозь стены и перекрытия.

– Да. *Салям алейкум*, Назир.

– *Ва алейкум салям...* Приезжай! – рявкнул он. – Приезжай прямо сейчас!

– А где твое «Как поживаешь, Линбаба»?

– Приезжай! – повторил Назир.

Теперь в голосе были шуршание и скрежет, как если бы кто-то тащил волоком тяжелое тело по усыпанной гравием дорожке. Мне доставляло удовольствие его слушать.

– О'кей. Сохрани свой грозный взгляд до моего приезда. Я уже в пути.

Я положил трубку и, прихватив бумажник и ключи от мотоцикла, направился к выходу.

– Потом еще побеседуем, – сказал я Фарзаду. – Похоже на то, что мы с тобой сработаемся. Проследи за конторой в мое отсутствие, *тхик*?

Последнее слово, произнесенное как «ти-ик», вызвало широкую улыбку на молодом, невинно-чистом лице.

– *Билкул тхик!* – откликнулся он. – Все будет в лучшем виде!

За дверью офиса я тут же забыл о молодом дипломированном изготовителе фальшивок и вскоре уже всю гнал по Марин-драйв, ни разу не снизив скорость вплоть до поворота у эстакады метро.

Неподалеку от Огненного храма парсов движение наглухо застопорилось; и внезапно я увидел впереди моего друга Абдуллу – он и еще два знакомых мне мотоциклиста проскочили перекресток и свернули в узкие улицы торговой зоны.

²¹ *Грин-карта* (зеленая карта) – идентификационная карта, подтверждающая вид на жительство в США и дающая право на трудоустройство в этой стране.

Уловив момент, когда в потоке транспорта возник небольшой разрыв, и убедившись, что дежурный коп занят получением очередной взятки, я рванул на красный и пустился в погоню за Абдуллой.

Как член группировки Санджая, я поклялся не жалеть своей жизни, защищая моих «братьев по оружию». Но Абдулла значил для меня гораздо больше. Этот рослый длинноволосый иранец был моим первым и ближайшим другом в местной мафии, и моя преданность ему выходила далеко за рамки стандартного обета.

Бомбейские гангстеры не сомневались в наличии особой, глубинной связи между верой и смертью. Каждый из людей Санджая полагал, что его душа находится во власти некоего персонального бога, и никогда не забывал возносить молитвы непосредственно перед убийством и сразу же после него. Абдулла, как и другие, был глубоко верующим человеком, что не мешало ему убивать без колебаний и пощады.

Что до меня, то я всегда искал чего-то большего, нежели молитвы, обеты и обряды почитания, описанные в священных книгах. Я вечно сомневался и пытался разобраться в себе самом, тогда как Абдулле подобное было неведомо: он был уверен в собственной правоте и непобедимости, как самый могучий из орлов, парящих в небе над его головой.

Мы с ним были очень разными людьми, по-разному относились к любви и по-разному реагировали на угрозу. Но дружба – это тоже своего рода вера, особенно для тех из нас, кто не очень верит во что-то еще. Простая правда заключалась в том, что при одном лишь виде Абдуллы мне становилось легко и хорошо на душе.

Я следовал за ним по пятам, лавируя в транспортном потоке и выжидая подходящий случай, чтобы с ним поравняться. Меня всегда восхищали его свободная посадка и непринужденная манера вождения. Бывают «наездники от Бога», которые как бы составляют единое целое с лошастью; примерно то же самое можно сказать и о «мотоциклистах от Бога».

Фардин и Хусейн, сопровождавшие Абдуллу, также были отличными гонщиками – они носились по этим самым улицам чуть ли не с младенчества, совершив свои первые поездки еще на бензобаках отцовских мотоциклов, – но все равно им было далеко до филигранной манеры езды иранца, способного ручейком просочиться сквозь любое дорожное столпотворение.

Когда рядом с его байком образовался просвет, я поддал газу, и Абдулла оглянулся. Улыбка узнавания вмиг стерла с его лица мрачные тени, и он, сбросив скорость, направил мотоцикл к тротуару. Фардин и Хусейн повторили его маневр.

Я затормозил рядом с Абдуллой, и мы обнялись, не слезая с байков.

– Салям алейкум, – сердечно приветствовал я друга.

– *Ва алейкум салям ва рахматуллахи ва баракатух*, – прозвучало в ответ. «И тебе мир, милость Аллаха и Его благословение».

Фардин и Хусейн поздоровались со мной за руку.

– Я слышал, ты едешь на встречу, – сказал Абдулла.

– Да, мне позвонил Назир. Я думал, ты тоже там будешь.

– Конечно буду, я туда и направляюсь, – заявил он.

– Ну тогда ты выбрал очень длинный объездной маршрут, – засмеялся я, поскольку он только что ехал в другую сторону.

– Сперва надо провернуть одно дельце. Это не займет много времени. Давай с нами, отсюда недалеко. Держу пари, тебе не случалось бывать в таком месте и общаться с такими людьми.

– Хорошо, – согласился я. – И куда же мы едем?

– Потолковать с велокиллерами, – сказал он. – По делам нашей фирмы.

Я действительно никогда не бывал в логове велокиллеров. И вообще, мне о них мало что было известно. Но, как и всякий человек с бомбейских улиц, я знал имена двух лидеров

этой банды. И еще я знал, что там, куда мы едем вчетвером, у них будет как минимум шести-семикратный численный перевес.

Абдулла вновь завел мотоцикл, подождал, когда мы сделаем то же самое, и нырнул в поток транспорта – легко и непринужденно, с гордо поднятой головой.

Глава 6

Мне доводилось мельком видеть велокиллеров, с бешеной скоростью пронесившихся по запруженным улицам Воровского базара на своих отполированных и обильно хромированных велосипедах. Эти ребята традиционно носили яркие облегающие майки, узкие белые джинсы и наимоднейшие кроссовки. Волосы они зачесывали назад и смазывали маслом. Еще одним отличительным признаком их банды были татуировки на лицах для защиты от дурного глаза, тогда как собственные глаза они прятали за зеркальными очками-авиаторами, ослепительно сверкавшими под стать хромированным великам.

По общему признанию бомбейского криминального мира, они были самыми эффективными убийцами, каких только можно купить за деньги, уступая в искусстве владения холодным оружием лишь одному человеку в городе: Хатоде, мастеру ножевого боя из мафии Санджая.

Мы углубились в хитросплетение улочек, кишачих лоточниками и попрошайками, и наконец припарковали мотоциклы перед лавкой, в витрине которой были выставлены аюрведические²² снадобья и шелковые кистетики с магическими травами, ограждающими от любовного проклятия. Я хотел купить один такой, но Абдулла мне не позволил.

– Над нами Аллах, а с нами наша честь и наш долг, – проворчал он, кладя руку мне на плечо. – И нам не нужны никакие амулеты и зелья.

Отметив про себя, что надо будет в другой раз вернуться сюда одному, я последовал за своим правоверным другом.

Абдулла вел нас узеньким коридором-проулком, в котором едва могли разминуться боком два человека. По мере удаления от улицы здесь становилось все темнее, пока стены не сомкнулись вверху почти невидимой в сумраке аркой, именуемой Башнями Белла-Виста.

За аркой крытые проходы разветвлялись, а в одном месте мы и вовсе прошли через частный дом. Его владелец, пожилой мужчина в рваной цветастой майке и больших затемненных очках с диоптриями, сидел в кресле и читал газету. Он даже не поднял глаза от страницы, чтобы посмотреть на людей, гуськом шествовавших через его, насколько я понимаю, гостиную.

Далее был еще более темный проулок, затем последний поворот в этом лабиринте – и мы очутились в просторном, залитом солнцем дворе.

Мне приходилось слышать об этом месте, оно называлось Дас-Раста – Десять путей. Ветвисто пробиваясь через хаотичные скопления домов, пути сходились на круглой площади под открытым небом. Это была территория общего пользования, однако чужаки здесь не приветствовались.

Из окружающих окон высовывались жильцы, наблюдая за происходящим на Дас-Расте. Некоторые спускали или поднимали на веревках корзины с овощами, готовой едой и другими товарами. Другие просто пересекали двор, появляясь и исчезая в туннелях, которые, как спицы колеса, разбегались отсюда во все стороны, соединяя Дас-Расту с внешним миром.

В самом центре двора из мешков с зерном и бобами была сооружена ступенчатая пирамида вдвое выше человеческого роста. И на ступенях этой пирамиды сидели велокиллеры.

Импровизированный трон на вершине занимал Ишмит, их вожак. Его длинные, ни разу не стриженные волосы соответствовали религиозным традициям сикхов, но, кроме длины волос, ничто более не указывало на его принадлежность к сикхизму. Волосы не были спрятаны под аккуратную чалму, как принято у сикхов, а свободно ниспадали до пояса; тонкие обнаженные руки были покрыты татуировками, на которых изображались совершенные им многочис-

²² *Аюрведа* – традиционная система индийской медицины, основанная на древних философских представлениях о гармонии тела, ума и духа с окружающей нас Вселенной.

ленные убийства, а также победы, одержанные в гангстерских войнах. За поясом узких джинсов были заткнуты два длинных кривых ножа в богато украшенных ножнах.

– Салям алейкум, – лениво промолвил он, приветствуя Абдуллу, когда мы приблизились к пирамиде.

– Ва алейкум салям, – ответил Абдулла.

– А это что за пес с тобой приплелся? – спросил на хинди человек, ближе других сидевший к Ишмиту, и смачно сплюнул в сторону.

– Его зовут Лин, – спокойно сказал Абдулла. – Еще его называют Шантарамом. Он был другом Кадербхая, и он говорит на хинди.

– Мне плевать, говорит он на хинди, панджаби или малайялам²³, – продолжил человек на хинди, оглядывая меня с ног до головы. – Он может декламировать стихи или таскать с собой словарь, засунув его в жопу, мне на это плевать. Я хочу знать, что этот пес делает *здесь*?

– Ты явно ближе моего знаком с собаками, – произнес я на хинди. – Но я пришел сюда в компании не псов, а мужчин, которые не привыкли брехать попусту.

Мой оппонент вздрогнул от неожиданности и недоверчиво покачал головой. Трудно сказать, что было главной причиной его изумления: мой жесткий ответ на вызов или же способность белого чужака говорить на хинди в стиле бомбейских уличных гангстеров.

– Этот человек мой брат, – произнес Абдулла ровным голосом, глядя на Ишмита. – Все, что твой человек говорит ему, он говорит и мне.

– Тогда почему бы не сказать это прямо тебе, иранец? – спросил все тот же задира.

– И то верно, почему бы нет, во имя Аллаха? – откликнулся Абдулла.

Это был момент, когда все повисло на тоненьком волоске. По двору по-прежнему сновали люди, перетаскивая туда-сюда мешки, кувшины с водой, коробки с прохладительными напитками и прочие вещи. Досужие зрители по-прежнему маячили в оконных проемах. Дети продолжали смеяться и играть в тени.

Но на пяточке между велокиллерами и нами четверыми царило созерцательное безмолвие – не будь окружающего шума, можно было бы расслышать стук наших сердец. За этой неподвижностью скрывалось огромное напряжение, когда руки демонстративно *не* тянутся к оружию, но тень сомнения уже готова разродиться вспышками солнца на клинках и потоками крови.

Велокиллеры были в одном слове от войны, но они уважали Абдуллу и относились к нему с опаской. Я на миг заглянул в смеющиеся, прищуренные глаза Ишмита. Он, похоже, прикидывал число трупов, которые вскоре будут валяться у подножия его пирамиды из мешков.

Было ясно, что при таком раскладе Абулла успеет убить не менее трех людей Ишмита, а остальные трое из нас, возможно, добавят к этому счету еще столько же. И хотя во дворе находилась дюжина велокиллеров, не считая тех, кто мог подоспеть к ним из ближайших домов, вероятные потери (даже если сам Ишмит уцелеет) были бы слишком велики, чтобы его банда смогла пережить неминуемое возмездие со стороны нашей мафии.

Глаза Ишмита раскрылись чуть шире, а на губах обозначилась улыбка, окрашенная алым соком бетеля.

– Любой брат Абдуллы, – сказал он, глядя на меня в упор, – это мой брат. Подойди и сядь рядом со мной. Пропустим по *бхангу*²⁴.

Я взглянул на Абдуллу, и тот коротко кивнул мне, не сводя глаз с велокиллеров. Я вскарабкался на груду мешков и занял место чуть ниже трона Ишмита, на одном уровне с человеком, только что меня оскорбившим.

²³ *Панджаби* – язык панджабцев и джатов, распространенный на востоке Пакистана и в сопредельных районах Индии. *Малайялам* – дравидийский язык, распространенный на крайнем юго-западе Индии.

²⁴ *Бханг* (тж. бханг-ласси) – молочный напиток с выжимкой из конопли.

– Раджа! – обратился Ишмит к слуге, который полировал ряды и без того сверкавших никелем и хромом велосипедов. – Принеси стулья!

Тот исчез и мигом вернулся с тремя деревянными стульями для Абдуллы, Фардина и Хусейна. Другие слуги принесли нам бледно-зеленый бханг в высоких стаканах, а также внушительных размеров чиллум.

Я залпом осушил стакан молока с коноплей, следуя примеру Ишмита. Тот подмигнул мне, громко рыгнув.

– Буйволиное молоко, – сказал он. – Парное. Усиливает кайф. Если хочешь царить в этом мире, приятель, займем дойных буйволиц.

– О... кей.

Он зажег чиллум, сделал две долгие затяжки и передал его мне, мощными струями выпустив дым из ноздрей.

Затянувшись в свою очередь, я протянул чиллум ближайшему велокиллеру, моему недавнему обидчику. Теперь его глаза улыбались, от бывшей враждебности не осталось и следа. Он затянулся, передал чиллум дальше и похлопал меня по колену:

– Кто твоя любимая актриса?

– Из нынешних или вообще?

– Из нынешних.

– Каришма Капур²⁵.

– А вообще?

– Смиа Патиль²⁶. А у тебя?

– Рекха²⁷, – вздохнул он. – Прежде, сейчас и всегда. Она затмевает всех... У тебя есть нож?

– Конечно.

– Можно взглянуть?

Я достал один из своих выкидных ножей и протянул ему. Он раскрыл его с профессиональной сноровкой и повертел между пальцами увесистое оружие с медной рукоятью так легко, словно это был стебелек цветка.

– Славная вещь, – одобрил он, сложив и возвратив нож. – Кто делал?

– Викрант, с причала Сассуна, – ответил я, пряча нож в чехол.

– А, Викрант. Хороший мастер. Хочешь взглянуть на мой?

– Конечно, – сказал я, протягивая руку, чтобы принять его оружие.

Мой длинный нож предназначался для уличных боев лицом к лицу. Кинжал велокиллера служил для нанесения глубоких и широких, смертельных ран – как правило, ударом в спину. Лезвие резко сужалось от массивной рукояти к острию и было снабжено желобками-кровостоками. Зубцы на лезвии были направлены в обратную сторону, чтобы нож легко входил в тело, но рвал плоть на выходе, тем самым предотвращая спонтанное закрытие раны. Медная изогнутая рукоять удобно ложилась в руку. В целом же это оружие больше подходило для колющих, чем для рубяще-режущих ударов.

– Знаешь, – сказал я, отдавая его хозяину, – мне бы не хотелось когда-нибудь выйти один на один против тебя.

Он широко ухмыльнулся и вставил кинжал в ножны.

– Хороший план! – сказал он. – Не вижу проблемы. Мы с тобой никогда не выйдем друг против друга. Годится?

²⁵ *Каришма Капур* (р. 1974) – киноактриса родом из Бомбея.

²⁶ *Смиа Патиль* (1955–1986) – индийская кинозвезда, за свою недолгую жизнь сыгравшая около 80 ролей и признанная одной из лучших актрис своего времени.

²⁷ *Рекха* (сценическое имя Бханурекхи Ганешан, р. 1954) – выдающаяся индийская актриса и певица; живет в Мумбаи (Бомбее).

И он протянул мне руку. Долю секунды я колебался, зная, что гангстеры очень серьезно относятся к таким вещам, а я не был уверен, что смогу сдержать слово, если начнется война между нашими бандами.

– А, к черту! – сказал я и обменялся с ним крепким рукопожатием. – Мы с тобой никогда не будем драться. Несмотря ни на что.

Он вновь ухмыльнулся.

– Я... – начал он на хинди. – Ты извини... за те мои грубые слова.

– Ладно, забыли.

– Между прочим, я хорошо отношусь к собакам, – сообщил он. – Любой здесь это подтвердит. Я даже подкармливаю бродячих псов.

– Рад это слышать.

– Аджай! Скажи ему, как я люблю собак!

– Очень сильно, – сказал Аджай. – Он сильно любит собак.

– Если ты сейчас же не прекратишь говорить о собаках, – сказал Ишмит, пуская красную слюну из уголка рта, – я сверну тебе шею.

И отвернулся от него, демонстрируя неудовольствие.

– Абдулла, – сказал он, – полагаю, ты хотел со мной поговорить?

Но Абдулла не успел ответить, поскольку во дворе появилась группа из десятка рабочих, кативших две длинные пустые тележки.

– С дороги! – сразу же завопили они. – Труд угоден Богу! Мы творим богоугодное дело! Мы пришли за мешками! Забираем старые мешки! Потом привезем новые! С дороги! Труд угоден Богу!

С бесцеремонностью, за какую другие поплатились бы жизнями, простые работяги пренебрегали статусом и нарушали покой банды свирепых убийц. Без промедления они начали растаскивать пирамиду мешков, а велокиллеры, спотыкаясь и падая, освобождали насиженные места.

Не спеша, стараясь не уронить своего достоинства, Ишмит снизошел с командных высот и встал неподалеку от Абдуллы, наблюдая за разрушением пирамиды. Я слез одновременно с ним и присоединился к своим друзьям.

Фардин, не зря носивший прозвище Политик, поднялся и дипломатично предложил свой стул Ишмиту. Лидер велокиллеров сел рядом с Абдуллой и громко потребовал чай со специями.

Пока мы дожидались чая, рабочие удалили всю гору мешков, оставив на голых камнях двора лишь немного оброненных зерен и соломинок. Подали имбирный адрак-чай, настолько крепкий, что даже самый суровый и бессердечный судья прослезился бы.

А работяги вскоре вернулись с новыми мешками зерна и стали складывать их на том же месте. Стремительно выростала новая куча, и слуги велокиллеров начали придавать ей форму ступенчатой пирамиды.

Вероятно желая скрыть неловкость оттого, что мы наблюдали его конфузное свержение с трона, Ишмит переключил внимание на меня:

– Ты... чужак, что ты думаешь о Дас-Расте?

– *Джи*, – начал я с уважительного обращения, соответствующего английскому «сэр», – я удивляюсь, как мы смогли добраться сюда, никем не задержанные.

– Мы знали, что вы идете. Мы знали, сколько вас, и знали, что вы друзья. Помнишь дядюшку Дилипа – старика, читающего газету?

– Да, мы прошли прямо через его дом.

– Именно так. У дядюшки Дилипа есть под креслом кнопка, а от нее идет провод к звонку здесь, на площади. По тому, сколько раз он нажимает кнопку, и по протяжности звон-

ков мы можем определить, кто приближается, друг или враг, и в каком количестве. И такие «дядюшки» у нас есть в каждом проходе. Они глаза и уши Дас-Раствы.

– Недурно, – признал я.

– Судя по наморщенному лбу, у тебя еще остались вопросы.

– Да. Я не понимаю, почему это место называется Дас-Раства – Десять путей, тогда как я смог насчитать только девять выходов с площади.

– Ты мне нравишься, *гóра!* – сказал Ишмит, используя слово, обозначающее на хинди белого человека. – Немногие замечают этот факт. На самом деле сюда и отсюда ведут десять путей, но десятый ход – потайной, и он известен лишь местной братве. Ты сможешь проследовать этим путем, только став одним из нас – или же в виде трупа, если мы тебя здесь прикончим.

Тут в разговор вступил Абдулла, выбравший этот момент для того, чтобы изложить цель своего визита.

– Я привез твои деньги, – сказал он, наклоняясь к сочащейся бетелем улыбке Ишмита. – Но прежде чем я их отдам, должен сказать об одном осложнении.

– Что за... осложнение?

– Свидетель, – произнес Абдулла достаточно громко, чтобы я смог его слышать. – Говорят, вы работаете так быстро, что даже джинн не сможет заметить удар вашего ножа. Но в последнем случае нашелся человек, это заметивший. И он описал киллера полиции.

Ишмит сжал челюсти и быстро взглянул через плечо на своих людей, а затем вновь повернулся к Абдулле. Улыбка на его лице медленно восстанавливалась, но зубы по-прежнему были сомкнуты так крепко, словно он держал в них нож.

– Само собой, мы уберем этого свидетеля, – прошипел он. – И не возьмем за него доплату.

– В этом нет нужды, – ответил Абдулла. – Сержант полиции, оформлявший протокол, – наш человек. Он надавил на свидетеля и заставил его изменить показания. Но ты же понимаешь, что в таких случаях я говорю не от своего имени, а от имени Санджая. Притом что это лишь второй заказ, который мы вам дали.

– *Джаруру*²⁸, – сказал Ишмит. – И я обещаю, что осложнений со свидетелями больше не возникнет, пока мы работаем вместе.

Ишмит пожал руку Абдулле, на секунду-другую задержав ее, а затем встал со стула, повернулся к нам спиной и начал карабкаться на вершину заново возведенной пирамиды. Расположившись на своем новом троне, он произнес одно слово:

– Панкадж!

Оказалось, что так зовут человека, с которым мы сперва ссорились, а потом обсуждали ножи.

Фардин вынул из своего рюкзака пачку денег и передал ее Абдулле, который, в свою очередь, вручил ее Панкаджу. Перед тем как лезть на пирамиду, тот обернулся ко мне.

– Мы с тобой никогда не будем биться друг против друга, – сказал он, вновь протягивая мне руку. – *Пукках?*²⁹

Его широкая улыбка и неподдельная радость от обретения нового друга были бы восприняты с пренебрежительной усмешкой матерыми зэками в австралийской тюрьме. Но сейчас мы находились в Бомбее, и улыбка Панкаджа была столь же искренней, сколь искренним было его желание прирезать меня несколькими минутами ранее. То же самое я мог бы сказать о себе.

Пока Ишмит его не окликнул, я не знал, что человек, с которым я недавно обменялся оскорблениями, был вторым по значимости главарем велокиллеров; и его имя наводило не меньший страх, чем имя самого Ишмита.

– Ты и я, – сказал я ему на хинди, – мы никогда не будем драться. Что бы ни случилось.

²⁸ Конечно (*хинди*).

²⁹ Верно? (*хинди*)

Ухмыльнувшись мне от уха до уха, он с акробатической ловкостью вскарабкался на гору мешков и отдал деньги Ишмиту. Абдулла приложил руку к груди в знак прощания, и мы двинулись в обратный путь.

Следуя за Абдуллой, мы снова прошли лабиринт ходов, включая гостиную, в которой все так же сидел и читал газету дядюшка Дилип, держа бдительную ногу на тайной кнопке под креслом.

Когда мы добрались до своих мотоциклов, Абдулла повернулся, поймал мой взгляд и расплылся в очень редкой для него открытой, счастливой и даже озорной улыбке.

– Это было на самой грани! – сказал он. – Все обошлось, хвала Аллаху!

– С каких это пор ты имеешь дело с левыми киллерами?

– Мы связались с ними пару недель назад, когда ты был в Гоа. Помнишь нанятого нами адвоката, который слил наших братьев, выложив копам все, что ему рассказали по секрету?

Я кивнул, вспоминая, как все мы были разъярены, когда наши люди получили пожизненный срок из-за предательских показаний их собственного адвоката. Была подана апелляция, но она застряла в суде высшей инстанции, и наши все еще сидели за решеткой.

– Теперь этот законник примкнул к толпе своих коллег в аду, – сказал Абдулла, и в глазах его сверкнули золотистые искорки. – Наш приговор апелляции не подлежит. Но не будем говорить о подлых тварях и их жалких судьбах. Лучше насладимся ездой с ветерком и возблагодарим Аллаха за то, что Он избавил нас от необходимости убивать киллеров, которых мы сами же наняли для другого убийства. Жизнь прекрасна и удивительна, хвала Аллаху!

Однако, пока мы с Фардином и Хусейном следовали за Абдуллой к месту сбора совета мафии, я размышлял отнюдь не о Божьей благодати. Я знал, что другие мафиозные кланы периодически прибегают к услугам велокиллеров. Даже копы временами привлекали их для «чистки» в особо щекотливых случаях. Но южнобомбейская мафия при жизни Кадербхая до такого не опускалась никогда.

Где бы ни собиралась компания людей – от заседания директоров крупной фирмы до сборища развратников в борделе, – они всегда, сознательно либо неосознанно, устанавливают определенные моральные правила для данной ситуации. И одним из моральных правил, неукоснительно соблюдавшихся мафией Кадербхая, было следующее: человеку, которого решено убрать, дается возможность посмотреть в глаза своим убийцам и услышать от них, за что конкретно он обречен на смерть. Но нанимать безликих неуловимых киллеров, вместо того чтобы самим приводить в исполнение приговор, – это был радикальный отход от правил. И с этим мне было трудно примириться.

До сей поры порядок и хаос в нашем мире балансировали на чашах весов, удерживаемых в напряженно вытянутой руке традиции. И эти весы опасно качнулись в тот самый момент, когда были наняты велокиллеры. Из множества людей, работавших на Санджая, добрая половина хранила верность старому кодексу чести в большей мере, чем лично ему, теперь пытавшемуся этот кодекс переписать...

Вид морского простора при выезде на Марин-драйв наполнил ощущением покоя если не мою голову, то хотя бы мое сердце. Я отвернулся от красной тени, бегущей рядом со мной по обочине. Я перестал думать о пирамиде киллеров и о недалёковидности Санджая. Я перестал думать о моей собственной роли в предстоявшем безумии. Я просто гнал по трассе с моими друзьями – навстречу концу, нам уготованному.

Глава 7

Не будь с нами Абдуллы, мы с Фардином и Хусейном помчались бы до мечети Набила наперегонки, подрезая машины и пытаясь протиснуться в любую щель. Но Абдулла никогда никого не подрезал и не жал на газ без толку. Он рассчитывал, что машины сами перед ним расступятся, и обычно так оно и происходило. Он ездил спокойно, без рывков и резких торможений, прямо сидя в седле и высоко держа голову, и длинные черные волосы всплесками растекались по его широким плечам.

Мы добрались до особняка минут за двадцать и припарковали мотоциклы на привычном месте, перед соседним парфюмерным магазином.

Как правило, главный вход в особняк был открыт и не охраняем. Кадербхай говорил, что, если какой-нибудь враг захочет покончить с жизнью путем нападения на его жилище, он предпочтет сперва выпить с ним чая и только потом убить его.

Но сейчас мы обнаружили высокие массивные двери парадного входа плотно закрытыми, а перед ними стояли четверо вооруженных людей. Я узнал одного из них, Фарука, «смотрящего» за игорным бизнесом в отдаленном филиале фирмы, в Аурангабаде. Трое других были незнакомыми мне афганцами.

Толкнув дверь, мы вошли внутрь и увидели еще парочку с автоматами на изготовку.

– Зачем тут афганцы? – спросил я, когда мы их миновали.

– Многое произошло, брат Лин, за то время, что ты был в Гоа, – сказал Абдулла, и мы вступили в открытый внутренний дворик.

– Да уж, шутки в сторону.

Я не появлялся здесь уже несколько месяцев и сейчас с горечью отметил признаки небрежения и запущенности. При жизни Кадербхая из каменной глыбы в центре двора день и ночь бил фонтан, а роскошные пальмы в кадках добавляли живительную зелень к белизне мрамора и голубизне неба. С той поры пальмы засохли, а растрескавшаяся земля в кадках была утыкана сигаретными окурками.

У двери в комнату, где заседал совет мафии, стояли еще два афганца с автоматами. Один из них постучал в дверь и затем медленно ее отворил.

Абдулла, Хусейн и я вошли внутрь, а Фардин остался снаружи вместе с афганскими охранниками. Дверь закрылась за нашими спинами, и я огляделся: в комнате нас было тринадцать человек.

Сама комната заметно изменилась. На полу сохранилось покрытие из пятиугольных плиток кремового цвета, а сине-белая мозаика, имитирующая небо с облаками, по-прежнему покрывала стены и сводчатый потолок, но инкрустированный столик и парчовые подушки на полу исчезли. Их место занял длинный – почти от стены до стены – конференц-стол из темного дерева, по периметру стола расположились четырнадцать кожаных кресел с высокими спинками. Кресло председателя, в отличие от остальных, было украшено витиеватой резьбой. И человек, сидевший в этом кресле, Санджай Кумар, улыбкой встретил вновь вошедших. Но эта улыбка предназначалась не мне.

– Абдулла! Хусейн! – воскликнул он. – Наконец-то! Мы уже обсудили много второстепенных вопросов, ну а теперь, когда вы здесь, можно приступить к самому главному.

Предположив, что Санджай не желает моего присутствия в зале совета, я попробовал вежливо удалиться.

– Санджайбхай, я подожду снаружи, пока не понадобится.

– Нет, Лин, – сказал он, делая какой-то неопределенный взмах рукой. – Сядь рядом с Тариком. Садитесь все, не будем терять время.

Тарик, четырнадцатилетний племянник Кадербхая и его единственный близкий родственник мужского пола, сидел в императорском кресле своего дяди в дальнем конце комнаты. Он был развит не по годам и уже сейчас не уступал ростом большинству присутствующих. Но все равно его фигура терялась в обширном пространстве кресла, когда-то бывшего тронном короля южнобомбейского преступного мира.

Позади Тарика, положив ладонь на рукоять кинжала, стоял Назир – верный страж мальчика и мой близкий друг.

Я проследовал вдоль длинного стола и поздоровался с Тариком. На секунду он просиял, пожимая мне руку, но тут же вновь принял холодно-бесстрастный вид, с бронзовым отблеском в глазах, – таким он был все время со дня смерти своего дяди.

Когда я перевел взгляд на Назира, тот одарил меня исключительно редкой улыбкой – по сути, жуткой гримасой, способной укрощать львов. Это была одна из чудеснейших улыбок, какие я видывал в своей жизни.

Я сел на стул рядом с Тариком. Абдулла и Хусейн заняли свои места за столом, и заседание продолжилось.

По инерции еще какое-то время обсуждались второстепенные вопросы: забастовка докеров на причале Балларда, сократившая поставки наркотиков в южный Бомбей; создание ассоциации рыбаков на причале Сассуна, главном месте базирования рыболовецкого флота, и их отказ платить мафии «за покровительство»; задержание «дружественного» члена муниципального совета в ходе полицейского рейда в одном из крышуемых нашей мафией публичных домов и его просьба к совету замять это дело.

Совет мафии, в действительности инициировавший полицейский рейд как раз для того, чтобы крепче взять в оборот того же чинушу, выделил нужную сумму для подкупа полиции и постановил взыскать вдвое большую сумму со «спасенного» – в порядке благодарности за услуги.

Последний вопрос был более сложным и выходил за рамки обычного бизнеса. Влияние Компании Санджая, управляемой советом, охватывало весь южный Бомбей, от фонтана Флоры до Нейви-Нагара на оконечности мыса. На всей этой территории, с трех сторон ограниченной морем, Компания полностью контролировала черный рынок, однако нельзя сказать, чтобы мелкие дельцы так уж стонали под ее игом. Напротив, очень многие люди предпочитали обращаться за разрешением своих споров и проблем именно к мафии, а не к полиции. Мафия, как правило, действовала быстрее, зачастую была более справедливой и всегда брала меньшую мзду, чем копы.

Когда Санджай встал во главе группировки, он назвал ее Компанией – в духе последних веяний, когда гангстеры начали делить город на сферы влияния уже как бизнесмены. Основатель группировки, ныне покойный Кадербхай, был достаточно сильной и яркой личностью, чтобы его мафиозный клан не нуждался в иных обозначениях, кроме его собственного имени. Да и сейчас эхо его имени придавало Компании авторитет, какого не могло дать ей имя Санджая; и во многом за счет этого эха в подконтрольной зоне еще сохранялись относительное спокойствие и порядок.

Но с недавних пор кое-кто начал проявлять чрезмерную самостоятельность. Одним из таких «обнаглевших» был крупный домовладелец из района Кафф-Парейд, где на отвоеванной у моря территории вырос целый квартал многоэтажек с дорогими квартирами. Он начал набирать частную армию головорезов, что не могло понравиться Компании Санджая, ибо тем самым на кон ставилась репутация ее собственных бойцов.

И вот на днях эти «частники» вышвырнули просрочившего плату арендатора из окна его квартиры на третьем этаже. Неплательщик выжил, но при падении развалил принадлежавший Компании киоск, в котором продавались сигареты и гашиш. Серьезные травмы получили

киоскер по прозвищу Сияющий Патель и один из клиентов, которым оказался популярный исполнитель суфийских песен.

Сияющий Патель с его полулегальной лавчонкой был для Компании вопросом сугубо коммерческим. Но травма, нанесенная великому певцу, которого знали и любили все курильщики гашиша на южном полуострове, придавала делу совсем иной характер.

– Я говорил, что к этому все идет, Санджайбхай, – горячился Фейсал, крепко сжимая кулак. – Я предупреждал тебя об этом еще несколько месяцев назад.

– Ты предупреждал, что кто-то свалится на лавку Пателя? – Санджай презрительно фыркнул. – Должно быть, я пропустил то заседание совета.

– Я предупреждал, что мы теряем авторитет, – продолжил Фейсал уже спокойнее. – Я говорил тебе, что дисциплина расшаталась. Никто нас уже не боится, и я не могу их в этом винить. Если мы так трусливы, что позволяем чужакам орудовать у нас под носом, винить в этом можно только нас самих.

– Он прав, – сказал Малыш Тони. – Взять хотя бы проблему с Компанией Скорпионов. Видя такое, всякий оборзевший засранец, вроде этого выскочки из Кафф-Парейда, думает, что на нас можно положить с прибором, и начинает сколачивать свою банду.

– Никакая они не *компания!* – яростно выкрикнул Санджай. – Этих вонючих «скорпионов» не признает ни один из бомбейских кланов. Они просто шайка отморозков из северного Бомбея, попытавшихся пробраться к нам на юг. Называй вещи своими именами: это мелкая дрянная шайка.

– Называй их как хочешь, – негромко сказал Махмуд Мелбаф, – но они создали нам реальную проблему. Напали на наших людей на улице среди бела дня. Всего в каком-то километре отсюда изрубили тесаками двух торговцев, приносящих солидный доход Компании.

– Это так, – подтвердил Фейсал.

– Вот почему здесь пришлось поставить стражу из наших афганских братьев, – продолжил Махмуд Мелбаф. – «Скорпионы» также попытались вклиниться в нашу зону в районе Регала и Нариман-Пойнт. Я вышвырнул их оттуда, но все могло бы обернуться хуже, не окажись рядом Абдуллы, – мы были вдвоем против пятерых. Одного моего имени – да и твоего тоже, Санджай, – недостаточно, чтобы их отпугнуть. А если бы Малыш Тони не порезал рожу тому деляге, они до сих пор бы продавали дурь перед колледжем, в полусотне шагов от твоего дома. Если ты не считаешь это проблемой, тогда у нас и впрямь нет проблем.

– Я все понимаю, – ответил Санджай, понизив тон и быстро взглянув на Тарика.

Лицо мальчика оставалось бесстрастным.

– Мне известно все, о чем вы говорите, – сказал Санджай. – Разумеется, мне это известно. Но какого черта им нужно? Они что, серьезно хотят войны? Неужели они надеются ее выиграть? Чего хотят эти недоноски?

Всем нам было ясно, чего хотели «скорпионы»: они хотели заполучить *все*, они хотели нашей смерти или нашего отступления, чтобы завладеть этой территорией.

В тишине, последовавшей за риторическим вопросом, я оглядел лица членов совета, пытаясь оценить их настрой и готовность вступить в очередную битву за сферы влияния.

Обычно подвижное, лицо Санджая застыло, а взгляд уперся в поверхность стола, пока он обдумывал возможные варианты действий. Я знал, что он, будучи рассудительным человеком, предпочел бы избежать бойни и заключить сделку, даже с такими подлыми тварями, как «скорпионы». Для Санджая принципиальное значение имела сделка сама по себе – не важно, как, когда и с кем заключенная.

Он был смелым и жестоким бойцом, но его первым побуждением в любой конфликтной ситуации было разобраться без кровопролития. Это он распорядился установить в зале совета длинный конференц-стол; и только теперь, видя его замешательство и неуверенность, я понял,

что это решение было продиктовано не гордыней или самодовольством – стол действительно символизировал его природную склонность к переговорам, сделкам и мировым соглашениям.

Кресло справа от Санджая всегда пустовало в память о его друге детства Салмане, который погиб в ходе последней войны с конкурирующими гангстерами.

В тот раз Санджай сохранил жизнь одному из членов разгромленной группировки. А теперь Вишну – тот самый тип, которого он пощадил, – создал банду «скорпионов» и нагло вторгся во владения Компании.

Многие члены совета тогда высказывались против неуместного акта милосердия и требовали добить врага, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос; и сейчас Санджай знал, что они считают возникшие проблемы доказательством своей правоты и признаком его слабости.

Я заметил, что рука Санджая медленно скользит по гладкой столешнице вправо, как будто стремясь найти поддержку в рукопожатии покойного друга.

Еще правее, за пустым креслом, сидел Махмуд Мелбаф – подтянутый и вечно настороженный иранец, умудрявшийся сохранять внешнее спокойствие, невзирая на любые вызовы и провокации. Однако его невозмутимой серьезности сопутствовала неизменная печаль – он никогда не смеялся и крайне редко позволял себе улыбку. Тяжкая утрата поразила его сердце и угнездилась в нем, сглаживая эмоциональные пики и провалы, как ветер и песок сглаживают острые скалы в пустыне.

Рядом с Мелбафом сидел Фейсал – в прошлом боксер-профессионал, находившийся лишь в шаге от чемпионского титула. Но пройдоха-менеджер умыкнул все его призовые, а заодно и подругу Фейсала, таким образом усугубив обман личным оскорблением. Фейсал разыскал и насмерть забил менеджера, а девчонка исчезла из города, и никто ее больше не видел.

Выйдя на свободу после восьмилетней отсидки и обладая реакцией столь же стремительной и смертоносной, как и его кулаки, он сделался одним из «смотрящих» в мафии Кадербхая. Особенно ценилось его умение разбираться с долговыми проблемами. Иногда ему случалось применять на практике свои боксерские навыки, но гораздо чаще его свирепый взгляд и покрытое шрамами лицо оказывались достаточно убедительными аргументами, и должники мигом изыскивали требуемые средства. Когда последняя война унесла нескольких членов совета мафии, Фейсал вполне заслуженно получил в нем постоянное место.

По соседству с Фейсалом, наклонившись в его сторону, сидел Амир, его неразлучный напарник. С большой круглой головой, похожей на обточенный речной валун, при бесчисленных шрамах, кустистых бровях и пышных усах, Амир смахивал на мрачно-загадочного киногероя, каких обычно поставляет в Болливуд юг Индии. Прекрасный танцор, несмотря на солидное брюшко, любитель рассказывать байки громоподобным голосом и подшучивать над всеми, кроме Абдуллы, он первым выходил на танцплощадку во время больших гуляний и первым же кидался в любую драку.

Амир и Фейсал контролировали наркобизнес в южном Бомбее, их уличные торговцы приносили Компании добрую четверть всей прибыли.

Следующее за Амиром кресло занимал его протеже по имени Эндрю да Силва – молодой уличный гангстер, принятый в совет по рекомендации Амира. Он контролировал проституцию и порносалоны, обретенные Компанией в качестве трофеев после разгрома враждебной группировки. Бледнокожий молодой человек с рыжеватыми волосами, светло-карими глазами и обаятельной улыбкой, он казался открытым и простодушным, однако под этой маской таилась неизменная злоба, замешанная на страхе и коварстве. Однажды я видел, как спала эта маска. И я видел садистский огонек, вспыхнувший в его глазах. Но остальные этого не заметили: сияющая улыбка быстро вернулась на место, скрыв его истинную натуру, и подозрений не возникло ни у кого, кроме меня.

Однако он знал, что я это знаю. И всякий раз в его взгляде я читал вопрос: «Как ты сумел меня раскусить?»

Столкновение между да Силвой и мной было неизбежным; мы оба понимали, что рано или поздно возникнет ситуация, когда один из нас выпадет из обоймы и канет в небытие. А сейчас, наблюдая за ним на заседании совета, я понял, что в решающий момент мне придется иметь дело не с одним Эндрю: тот наверняка укроется за мощными, широкими плечами Амира.

Далее за столом сидел Фарид, прозванный Решателем, чья преданность Кадербхаю могла сравниться только с преданностью седеющего ветерана Назира. Фарид отчаянно винил себя в смерти Кадербхая в Афганистане, почему-то считая, что смог бы его спасти, окажись он тогда с нами в снегах, – и не желал слушать наши уверения в обратном.

Горе и чувство вины сделали его безрассудным, но они же поспособствовали зарождению нашей крепкой дружбы. Мне всегда нравился Фарид с его яростной отвагой и готовностью очертя голову кинуться в самое пекло. Когда я посмотрел на него во время долгой паузы, вызванной размышлениями Санджая о зарвавшихся домовладельцах, левых наемниках и агрессивных «скорпионах», Фарид встретил мой взгляд – и в глазах его тлели угольки скорби. На какой-то миг я вновь очутился среди заснеженных гор и увидел перед собой окаменевшее лицо Кадербхая – человека, которого и я, и Фарид называли «отцом».

Последний по порядку член совета перед Хусейном и Абдуллой вежливо кашлянул, нарушив тишину. Человека этого звали Раджубхай, и он был главным счетоводом Компании. Толстяк, с достоинством и гордостью носивший свои объемистые телеса, Раджубхай внешне походил на старосту какой-нибудь деревни в глухой провинции, однако же был коренным бомбейцем. Его всегдашний наряд состоял из великолепного розового тюрбана, белого дхоти³⁰ длиной ниже колен и саржевой безрукавки. Чувствовавший себя неуютно в любом месте вне стен своего денежного хранилища, Раджубхай ерзал в кресле и поглядывал на часы всякий раз, когда Санджай не смотрел в его сторону.

– О'кей, – сказал наконец Санджай. – У этого типа из Кафф-Парейда крепкие яйца, надо отдать ему должное, но то, что он сотворил, не лезет уже ни в какие ворота. Он подает дурной пример другим, а сейчас неподходящее время для дурных примеров. Абдулла, Хусейн, Фарид, вычислите самого сильного и крутого из нанятых им бандюков, их главаря. Возьмите его живым и затащите на третий этаж новой высотки, которая строится в Нейви-Нагаре.

– *Джи*, – сказал Абдулла, что означало «да, сэр».

– Эти строители в прошлом месяце отстегнули бабки «скорпионам» вместо того, чтобы платить нам. Сбросьте убудка с третьего этажа и постарайтесь, чтобы он упал на офисный вагончик или что у них там, – это будет нашим посланием одновременно и строительной фирме, и «скорпионам». Перед тем выпытайте у него все, что знает. Если выживет после падения, не добивайте, его счастье.

– *Джарур*. – Абдулла понимающе кивнул.

– После этого, – продолжил Санджай, – возьмите в оборот остальных наемников. Притащите их к нанимателю и заставьте избить его в вашем присутствии. Пусть выколотят все дерьмо из своего босса. И убедитесь, чтобы лупили как следует, а не вполсилы. Потом покромсайте им рожи, и пусть проваливаются из города.

– *Джарур*.

– Когда засранец очухается, скажите ему, что отныне он будет платить нам по двойной ставке. Плюс штраф за потраченное нами время и причиненное нам беспокойство. И пусть

³⁰ *Дхоти* – традиционный вид мужской одежды в Индии: прямоугольная полоса ткани, которую оборачивают вокруг ног и бедер, пропуская один конец между ног. Длина дхоти может указывать на социальный статус его носителя – более длинные, ниже колен, обычно носят представители высших каст.

оплатит больничные счета Сияющего Пателя и Рафика. Это лучший певец каввали³¹, какого я слышал. Стыд и позор, что дошло до такого!

– Истинно так, – согласился Махмуд Мелбаф.

– Стыд и позор, – вздохнул Амир.

– Ты все запомнил, Абдулла? – спросил Санджай.

– Каждое слово.

Санджай глубоко вздохнул, раздувая щеки, и оглядел остальных членов совета:

– Есть еще вопросы?

Ненадолго установилось молчание, затем голос подал Раджубхай.

– Время и деньги не ждут никого, – сказал он, ногами нашаривая под столом сандалии.

Все поднялись со своих мест. Перед тем как покинуть комнату, каждый кивком попрощался с Тариком, юнцом в императорском кресле Кадербхая. Когда из членов совета остался только Санджай, также направившийся к двери, я подошел к нему:

– Санджайбхай?

– А, Лин, – сказал он, быстро обернувшись. – Как было в Гоа? Стволы, которые ты привез, нам сейчас очень кстати.

– В Гоа было... хорошо.

– Но?

– Но меня беспокоят две вещи, которые я заметил после возвращения оттуда. Это велокиллеры и афганцы. Что происходит?

Его лицо потемнело, губы начали презрительно кривиться. Придвинувшись близко ко мне, он заговорил свистящим шепотом:

– Знаешь, Лин, ты не должен путать свою полезность для нас со своей значимостью. Я послал тебя в Гоа за стволами только потому, что все мои лучшие люди там уже засветились. И я не хотел лишиться кого-нибудь из лучших, если что-то пойдет не так в этой пробной поездке. С этим все ясно?

– Ты вызвал меня сюда, чтобы сказать это?

– Я тебя не звал и вообще не хотел, чтобы ты сидел на собрании. Мне это не нравится. Совсем не нравится. Но тебя захотел видеть Тарик, и это он настоял на твоём присутствии.

Мы с ним одновременно повернулись и посмотрели на мальчика.

– Найдется у тебя время, Лин? – спросил Тарик.

Прозвучало это отнюдь не как просьба.

– Что ж, – повысил голос Санджай, хлопнув меня по плечу, – мне надо идти. Не знаю, почему ты вернулся, Лин. Лично я чертовски люблю Гоа. На твоём месте, старик, я бы там растворился и жил бы припеваючи где-нибудь рядом с пляжем. Я бы все понял и не стал бы тебя винить.

С этими словами он вышел из комнаты, а я вновь сел рядом с Тариком. Гнев мешал мне сосредоточиться, и я не сразу повернул голову, чтобы встретить его бесстрастный взгляд. Следующая минута прошла в молчании и неподвижности.

– Ты не хочешь меня спросить? – наконец произнес Тарик с легкой улыбкой.

– Спросить о чем, Тарик?

– О том, зачем я позвал тебя на заседание совета?

– Полагаю, ты сам это скажешь, когда сочтешь нужным, – также с улыбкой ответил я.

Он, казалось, уже был готов рассмеяться, но быстро вернул себе серьезный вид.

³¹ *Каввали* – исполнение под музыку суфийской духовной поэзии. Хороший певец каввали должен знать наизусть порядка пятисот стихов на разных языках, помнить мелодии всех песен и обладать особым, «гипнотическим» голосом. Посему такие певцы немногочисленны и пользуются особым почетом.

– Знаешь, Лин, это одно из качеств, которые мой дядя любил в тебе больше всего, – сказал он. – Он говорил мне, что в глубине души ты больше *иншалла*, чем любой из нас. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Я не ответил. В данном случае слово «иншалла», означавшее «такова воля Аллаха» или «если это угодно Аллаху», подразумевало, что он считал меня законченным фаталистом.

Но это было не так. Я не задавал лишних вопросов просто потому, что мне было все равно. Меня заботила судьба некоторых, конкретных людей, а на прочее мне было наплевать. Так же наплевать я относился и к собственной судьбе после побега из тюрьмы. Будущее виделось мне адским пламенем в конце туннеля, а прошлое терялось в непроглядной тьме.

– После смерти моего дяди, – продолжил Тарик, – мы распорядились его имуществом так, как было указано в завещании.

– Да, я помню.

– И тебе известно, что я получил в наследство этот дом и еще довольно много денег.

Я перевел взгляд на Назира. На лице старого воина сохранялось все то же суровое и мрачное выражение, но косматая бровь слегка шевельнулась, выдавая его интерес к происходящему.

– Но ты, Лин, не получил от Кадербхая ничего. Ты не был упомянут в завещании.

Я любил Кадербхая. Несчастливые сыновья, как правило, имеют двух отцов: первый дает им жизнь, но не в состоянии дать любовь, а второго они находят сердцем, прежде не зная о существовании отцовской любви. Я сердцем нашел Кадербхая и полюбил его, как отца.

Но я не питал иллюзий насчет ответной любви – даже если Кадербхай испытывал ко мне какое-то подобие отцовских чувств, это не мешало ему рассматривать меня лишь как одну из пешек в его большой игре.

– Да я и не рассчитывал на упоминание.

– Ты не рассчитывал, что он о тебе вспомнит? – спросил Тарик с нажимом, наклоном головы подчеркивая свое сомнение.

Точно такое же движение я заметил у Кадербхая, когда он поддразнивал меня во время наших философских дискуссий.

– Даже притом, что ты был с ним близок? Даже притом, что он не раз называл тебя своим любимцем? Даже притом, что ты вместе с Назиром сопровождал его в походе, который стоил ему жизни?

– Твой английский стал намного лучше, – заметил я, пытаясь сменить тему разговора. – Похоже, эта новая учительница знает свое дело.

– Мне она нравится, – ответил Тарик, но тотчас, нервно сморгнув, подправил предыдущую реплику: – То есть я ее уважаю. Преподает она отлично. Скажем прямо: гораздо лучше, чем это делал ты, Лин.

Возникла пауза. Я уперся ладонями в свои колени, давая понять, что готов удалиться.

– Ну, я...

– Постой! – быстро сказал он.

Я взглянул на него сердито, раздраженный приказным тоном, но сразу смягчился, увидев мольбу в его глазах. Тогда я вновь откинулся на спинку и скрестил руки на груди.

– На этой... на этой неделе, – начал он, – мы нашли еще несколько документов моего дяди. Они затерялись среди страниц его Корана. То есть они не терялись, нет, просто их не сразу обнаружили. Дядя поместил их туда перед своим отъездом в Афганистан.

Мальчик умолк, и я взглянул на его могучего телохранителя, моего друга Назира.

– Он оставил тебе подарок, – вдруг заявил Тарик. – Это сабля. Старинная сабля, которая принадлежала еще его прадеду и дважды побывала в сражениях с британцами.

– Но... тут какая-то ошибка.

– Там все написано четко и ясно, – отрезал Тарик. – В случае его смерти сабля переходит к тебе. Причем не как посмертный дар от него, а как личный подарок от меня. Ты окажешь мне честь, приняв его.

В руках Назира появился длинный сверток; он размотал несколько слоев шелка и протянул мне саблю, держа ее горизонтально на высоко поднятых ладонях.

Широкие серебряные ножны украшало рельефное изображение летящих ястребов. В верхней части ножен было выгравировано изречение из Корана. Выточенная из лазурита рукоять имела бирюзовые вставки поверх заклепок. Дужка эфеса из чеканного серебра изящным изгибом протянулась от навершия рукояти до крестовины.

– Тут явно ошибка, – повторил я. – Это наследие вашей семьи. Сабля должна принадлежать тебе.

Мальчик улыбнулся, и в этой улыбке была смесь признательности и сожаления.

– Ты прав, она должна была перейти ко мне. Но есть четкое распоряжение Кадербхая, написанное его собственной рукой. Сабля твоя, Лин. И не вздумай отказываться. Я хорошо тебя знаю. Если попытаешься вернуть ее мне, я буду оскорблен.

– Однако есть еще один момент, – сказал я, по-прежнему не дотрагиваясь до сабли. – Ты же знаешь, что я бежал из тюрьмы в своей стране. В любой момент меня могут арестовать и выслать в Австралию. Если такое случится, ваша семейная реликвия может уйти неизвестно в чьи руки.

– У тебя никогда не будет проблем с бомбейской полицией, – твердо сказал Тарик. – Ты один из нас. Здесь тебе ничто не грозит. А если тебе нужно будет надолго уехать из города, ты сможешь оставить саблю у Назира, и он сохранит ее до твоего возвращения.

Он кивнул Назиру, и тот наклонился ко мне, протягивая оружие. Я посмотрел ему в глаза. Рот Назира сложился в улыбку-гримасу, с опущенными уголками губ.

– Возьми ее, – сказал он на урду. – И вынь из ножен.

Сабля оказалась не такой тяжелой, как я ожидал. С минуту она покоилась у меня на коленях. В комнате посреди ветшающего особняка повисла напряженная тишина. Я колебался из боязни вместе с оружием вытянуть на свет окровавленную сталь воспоминаний, с таким трудом упрятанную в ножны забвения. Но традиция требовала, чтобы я обнажил клинок в знак того, что принимаю дар.

Я поднялся со стула и, вынув саблю из ножен, опустил острие, так что оно почти коснулось мраморного пола. Мои опасения подтвердились: в этой вещи чувствовалась энергия, способная притягивать воспоминания, – подобно тому как притяжение Луны вызывает морские приливы.

Я поспешил вложить ее в ножны и повернулся к Тарику. Кивком он указал на стул рядом с собой. Я снова сел, положив саблю на колени.

– Что означает этот текст на ножнах? – спросил я. – Не умею читать по-арабски.

– *Инна лилляхи ва инна...* – начал Тарик строку из Корана.

– *...илляйхи раджуун*, – закончил я за него.

Я знал эту фразу: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и поистине, к Нему мы вернемся». Каждый мафиози-мусульманин произносил ее перед боем. Да и мы, немусульмане, тоже ее произносили, на всякий случай.

Тот факт, что я не мог прочитать арабскую вязь на подарке, больно уязвил Тарика – это было видно по его лицу. Я ему сочувствовал и был с ним согласен: по большому счету я не заслужил права владеть реликвией их рода и не осознавал всей ценности, какую она имела для Тарика.

– Среди бумаг в священной книге было одно письмо, – произнес он медленно, контролируя свои эмоции. – Письмо, предназначенное тебе.

Я ощутил тревожный укол в груди. Письмо. Этого мне только не хватало. Я не люблю письма. Темное прошлое сродни вампиру, который питается свежей кровью настоящего, а письма почему-то вызывают у меня ассоциацию с летучими мышами-вампирами.

– Мы начали читать, не зная, кому оно адресовано, – сказал Тарик. – И только дойдя до середины, поняли, что это его прощальное письмо тебе. Дальше мы читать не стали. Не знаю, что во второй половине письма, но в самом начале его говорится о Шри-Ланке.

Бывает так: ты вдруг замечаешь, что река жизни стремительно несет тебя на скалистые пороги. Письмо, древняя сабля, последние решения совета мафии, рекомендация Санджая «не путать свою полезность со своей значимостью», велокиллеры, стволы из Гоа, Шри-Ланка – все стечения обстоятельств и их возможные последствия как раз обозначали такие пороги, бурунами вздымавшиеся над речной поверхностью. А когда ты видишь впереди опасные скалы, у тебя есть только два варианта: остаться в лодке и нестись дальше по течению, надеясь на удачу, или выпрыгнуть за борт.

Назир передал Тарику серебристый конверт. Тарик похлопал им по своей ладони.

– Дары моего дяди всегда сопровождались условиями, – сказал он негромко, – а от принимающего дар требовалось...

– ...понимание, – закончил я за него.

– Я хотел сказать «подчинение». Этот особняк перешел ко мне по завещанию Кадербхая, но с одним условием: я не должен выходить за его пределы ни в коем случае, даже на минуту, пока мне не исполнится восемнадцать лет.

Я даже не попытался скрыть свое возмущение, хотя тактичность не помешала бы, учитывая то, кем он являлся сейчас и что ждало его в будущем.

– Да как такое возможно?!

– Это не так уж и плохо, – произнес он сквозь зубы, явно задетый моей негодующей реакцией. – Учителя приходят на дом, и я обучаюсь всему: английскому, наукам, богословию и боевым искусствам. Назир всегда со мной, как и домашние слуги.

– Но тебе сейчас всего четырнадцать, Тарик. Ты готов терпеть еще целых четыре года такой жизни? Ты хотя бы общаешься с другими ребятами?

– Мужчины в моем роду становились воинами и вождями в пятнадцать лет, – заявил Тарик, глядя мне в лицо. – В этом возрасте я уже выбрал свою судьбу. Ты можешь сказать то же самое о себе?

Юношеская целеустремленность и юношеское упрямство – величайшие силы из всех, какими нам случается обладать в этой жизни. Я не собирался критиковать его выбор, а лишь хотел уточнить: сознает ли он, чего лишается?

– Тарик, – вздохнул я, – я не имею и малейшего понятия, о чем ты говоришь.

– Я намерен не просто продолжать дело своего дяди, – произнес он медленно и с расстановкой, как будто общаясь с несмышленным ребенком. – Придет время, и я *стану* Кадербхаем – вождем всех тех, кого ты сегодня видел на совете. И твоим вождем, Лин. Если ты по-прежнему будешь с нами.

Еще раз взглянув на Назира, я заметил горделивый блеск в его глазах. Я шагнул в сторону выхода.

– Письмо! – быстро напомнил Тарик.

Внезапно разозлившись, я вновь повернулся к нему, уже готовый дать резкий ответ, но Тарик поднял руку с серебристым конвертом, как бы призывая меня к молчанию.

– В нем говорится о Шри-Ланке, – сказал он. – Я знаю, таково было желание Кадербхая. И ты дал слово, что поедешь туда, верно?

– Верно, – сказал я и принял письмо из его тонких пальцев.

– Наши агенты в Тринкомали передают, что время близится. Пора тебе исполнить обещание.

– Когда? – спросил я, стоя перед ним с саблей в одной руке и письмом в другой.

– Скоро. – Тарик взглянул на Назира. – Абдулла даст тебе знать. Будь готов к отъезду в любой момент. Это случится скоро.

Разговор был окончен. Только холодная учтивость еще удерживала мальчика на месте, но я чувствовал, что ему хочется поскорее со мной расстаться – даже больше, чем мне хотелось расстаться с ним.

Я направился к выходу во внутренний дворик. Назир последовал за мной. В дверях я обернулся: не по годам рослый юнец все еще сидел в императорском кресле, упираясь локтем в подлокотник и прикрывая ладонью лицо. При этом его большой палец вдавился в щеку, а остальные пальцы веером легли на лоб. Точно такую же позу я замечал у Кадербхай, когда тот погружался в раздумье.

Назир проводил меня до вестибюля, и здесь ему подали коленкоровый чехол с наплечным ремнем. Чехол точь-в-точь подошел к сабле, скрывая оружие от посторонних глаз; а на ремне было удобно носить ее за спиной при езде на мотоцикле.

Я перекинул ремень через голову, Назир придирчиво поправил чехол, чтобы тот расположился под эстетически правильным наклоном. Затем он обнял меня – быстро, неловко и свирепо, сдавив мои ребра могучим захватом.

Он не сказал ни слова и, уходя, ни разу не оглянулся. Короткие кривые ноги развили предельную скорость ходьбы, торопясь доставить его к мальчику, который теперь был его господином и его единственной любовью: в образе Тарика возродился к жизни Кадербхай, и Назир мог вновь служить ему верой и правдой.

Глядя ему вслед, я вспомнил времена, когда особняк был полон пышной зелени и журчания воды, а ручные голуби сопровождали Назира повсюду, куда бы он ни перемещался в пределах обширного здания. Они любили его, эти птицы.

Но теперь в особняке не было птиц, и единственными звуками, которые я слышал, стоя у выхода, были негромкие щелчки, напоминающие клцанье зубов на холоде: кто-то поблизости набивал патроны в магазин «калашникова» – маленькие погребальные камеры из латуни, одну за другой, одну за другой.

Глава 8

На улице вечерняя заря окрасила лица прохожих, как будто весь мир покраснел при мысли о том, что несет ему предстоящая ночь. Абдулла ждал меня; его мотоцикл был припаркован рядом с моим.

Я запустил двигатель, а Абдулла дал несколько рупий местным мальчишкам, все это время сторожившим наши байки. Сорванцы с радостными воплями умчались к лоткам на углу, чтобы купить сигарет.

Абдулла и я бок о бок выехали со стоянки. Когда немного погодя мы остановились на красный свет, я заговорил с ним впервые после выхода из особняка:

– Я к «Махешу», забрать Лизу. Составишь компанию?

– До «Махеша» я с тобой доеду, – сказал он хмуро. – Но потом вам компанию не составлю. У меня еще есть одно дело.

В молчании мы проехали вдоль торговых рядов на Мохаммед-Али-роуд. Ароматы парфюмерных павильонов сменились сладкими запахами фирни, рабри и фалуды³² из кондитерских; за гирляндами сверкающих браслетов и ожерелий последовали замысловатые узоры персидских ковров, разложенных внахлест для экономии места на прилавках.

Поскольку эта длинная улица заканчивалась столпотворением тележек перед Кроуфордским рынком, мы сократили путь, часть его проехав по встречной полосе и затем нырнув в переулок.

По параллельной улице мы двигались уже вместе с потоком транспорта, пока не застыли на перекрестке у кинотеатра «Метро», пережидая долгий красный сигнал. Весь первый этаж здания закрывала громадная афиша, выдержанная в зеленых, желтых и пурпурных тонах: коварный злодей и отважный герой крупным планом лицом к лицу – очередная история любви, борьбы и страданий на фоне целого частокола из ружей и скрещенных сабель.

Взрослые и дети в забитых до отказа легковушках самозабвенно разглядывали эту картину. Маленький мальчик в ближайшей машине махнул мне рукой, указывая на киноафишу, а потом сложил из пальцев пистолет, прицелился и нажал на спуск. Корчась, я сделал вид, будто пуля угодила мне в руку, и мальчик засмеялся. Засмеялась вся его семья. Засмеялись люди в других машинах.

Мама мальчика – женщина с добрым открытым лицом – попросила сынишку пальнуть в меня еще разок. Тот вновь прицелился, щуря глаз, и выстрелил. Я изобразил «плохого парня, который плохо кончил» и распластался на бензобаке своего байка. Когда я вновь принял сидячее положение, все люди в машинах аплодировали, махали руками и смеялись.

Я шутливо раскланялся и взглянул на Абдуллу – лицо его буквально посерело от стыда за меня. Нетрудно было догадаться, что он думает.

«Мы люди мафии, – мысленно говорил он мне. – Мы должны внушать почтение и страх. Либо то, либо другое, но ничего больше. Только почтение и страх».

Лишь морской воздух на набережной, ведущей к отелю «Махеш», согнал с его лица угрюмое выражение. Он ехал медленно, одна рука на газе, другая уперта в бедро. Я ехал почти вплотную, положив левую руку ему на плечо.

Когда мы пожимали руки перед расставанием, я задал один из вопросов, вертевшихся на языке с самого начала этой поездки:

– Ты знал насчет сабли?

– Все об этом знали, братишка.

Наши руки разъединились, но он продолжал смотреть мне в глаза.

³² *Фирни, рабри, фалуда* – восточные десерты на молочной основе с разными фруктовыми добавками, орехами и специями.

– Кое-кто... – начал он, подбирая слова. – Кое-кто ревнует и завидует. Они считают несправедливым, что Кадербхай отдал тебе эту фамильную ценность.

– Ты об Эндрю?

– О нем. Но и не только о нем.

Я промолчал, сдержав проклятие, уже готовое сорваться с губ. Слова Санджая – «ты не должен путать свою полезность со своей значимостью» – молнией пронзили мое сердце, и с той самой минуты внутренний голос все громче призывал меня уехать, бежать отсюда куда угодно, пока дело не завершилось кровью. А тут ко всему прочему добавилась и Шри-Ланка.

– Увидимся завтра, *иниалла*, – сказал я, слезая с мотоцикла.

– Завтра, *иниалла*, – сказал он и, отпустив сцепление, тронулся от края тротуара.

Уже отъехав на пару метров, он крикнул, не оборачиваясь:

– *Аллах хафиз!*³³

– *Аллах хафиз!* – ответил я, обращаясь скорее к самому себе.

Охранники-сикхи у входа в отель «Махеш» с любопытством взглянули на длинный чехол у меня за спиной, но не задали никаких вопросов, ограничившись кивками и улыбками. Они хорошо меня знали.

Паспорта постояльцев, съехавших тайком и пожертвовавших своими документами, лишь бы не платить по счету, попадали ко мне через охранников или администраторов большинства гостиниц города. Это был стабильный источник «книжек», как именовались такие паспорта: в среднем около пятнадцати штук в месяц. И они были надежнее украденных, поскольку сбежавшие постояльцы никогда не заявляли о пропаже в полицию.

В офисе службы безопасности любого пятизвездочного отеля можно увидеть стенд с информацией о лицах, которые отбыли, не уплатив по счету и зачастую оставив свой паспорт на стойке портье. Большинство людей сверялись с этими стендами, чтобы выявить преступников. Для меня же это был шопинг.

В кафетерии, занимавшем часть вестибюля, я увидел Лизу, которая общалась со своими друзьями за столиком с видом на море. Решив перед встречей хотя бы частично смыть с лица и рук уличную пыль, я направился к туалету. Уже перед самой дверью позади меня раздался голос:

– У тебя и вправду за спиной сабля? Или ты просто настолько на меня зол сейчас?³⁴

Я обернулся и увидел Ранджита: молодого и очень перспективного медиамагната, политического активиста и, наконец, просто красавца. Человека, за которого вышла замуж Карла – моя Карла. Он улыбался.

– Я всегда на тебя зол, Ранджит. Здравствуй и прощай.

Он продолжал улыбаться. На первый взгляд улыбка казалась искренней. Приглядываясь внимательнее я не стал хотя бы потому, что улыбавшийся мне человек был мужем Карлы.

– Пока, Ранджит.

– Что? Нет, погоди! – заторопился он. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Мы уже поговорили. Пока.

– Нет, в самом деле! – Он преградил мне путь, не убирая с лица все той же улыбки. – У меня только что закончилось совещание, и я шел к выходу. Очень рад, что вдруг наткнулся на тебя.

– Натыкайся на кого-нибудь другого, Ранджит.

– Пожалуйста, прошу тебя. Я... я нечасто произношу эти слова.

– Чего ты хочешь?

³³ Да хранит тебя Аллах! (*араб.*) Мусульмане Пакистана и Северной Индии часто произносят эту фразу при расставании.

³⁴ Аллюзия на крылатую фразу кинозвезды Мэй Уэст: «Это у тебя пистолет в кармане брюк или ты просто рад меня видеть?»

– Я хочу... я хотел бы кое-что с тобой обсудить.

Я посмотрел на Лизу, по-прежнему сидевшую за столиком. Она как раз подняла голову и встретила мой взгляд. Я кивнул. Она все поняла и кивнула в ответ, прежде чем вновь повернуться к друзьям.

– С чего тебе вдруг приспичило? – спросил я Ранджита.

Морщинка замешательства прорезала его лоб, на миг исказив безупречно правильные черты.

– Если сейчас неподходящее время...

– У нас с тобой никогда не будет подходящего времени, Ранджит. Давай ближе к делу.

– Лин... Я уверен, мы с тобой можем подружиться, если только...

– Никаких «мы с тобой». Есть ты, и есть я. Будь у нас хоть малейший шанс подружиться, я бы давно это понял.

– Судя по всему, я тебе не нравлюсь, – сказал Ранджит. – Но ведь ты меня совсем не знаешь.

– Ты мне не нравишься уже *таким*. Если узнаю тебя лучше, все станет только хуже.

– Почему?

– Почему что?

– Почему ты ко мне так относишься?

– Послушай, если ты решил останавливать в холле гостиницы всякого, кто от тебя не в восторге, и выяснять, почему это так, тебе придется здесь же поселиться, ибо выяснениям не будет конца.

– Но погоди... я не понимаю...

– Из-за твоих амбиций Карла подвергается риску, – сказал я тихо. – Мне это не нравится. И мне не нравишься ты, потому что ты так поступаешь. Я достаточно ясно выразился?

– Как раз о Карле я и хотел с тобой поговорить, – сказал он, следя за выражением моего лица.

– А что такое с Карлой?

– Я лишь хочу позаботиться о ее безопасности.

– Что конкретно ей угрожает?

Уже не одна, а несколько морщинок рассекли его лоб. Он устало вздохнул и опустил голову:

– Даже не знаю, с чего начать...

Я огляделся по сторонам и, заметив два свободных кресла в некотором отдалении от остальных, повел его туда. Опускаясь в кресло лицом к нему, я снял с плеча обернутую коленкором саблю и пристроил ее на коленях.

Тут же к нам подскочил официант, но я улыбкой отослал его прочь. Ранджит еще какое-то время сидел с опущенной головой, разглядывая узоры ковра, но потом взял себя в руки и заговорил:

– Знаешь, с некоторых пор я основательно увяз в политике. Веду сразу несколько резонансных кампаний. И мне уже всюю перемывают косточки почти все местные газеты – кроме тех, которыми я сам владею. Наверняка ты об этом слышал.

– Я слышал, что ты подкупаешь избирателей, и многим это действует на нервы. Но давай вернемся к Карле.

– Ты... общался с ней в последнее время?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Общался или нет?

– Разговор окончен, Ранджит.

Я начал было подниматься, но он остановил меня просительным жестом:

– Позволь мне объясниться. Самая громкая из кампаний, которые я веду в прессе, направлена против «Копья кармы».

– И это копьё ответным ударом может поразить Карлу, если ты не перестанешь провоцировать «копьеметателей», так?

– Собственно... это я и хотел с тобой обсудить. Видишь ли... я уверен, что ты все еще ее любишь.

– До свидания, – сказал я, снова вставая, но он схватил меня за кисть.

Я посмотрел вниз:

– На твоём месте я бы не стал этого делать.

Он быстро убрал руку:

– Прошу тебя, не уходи. Пожалуйста, присядь и позволь мне высказаться.

Я сел обратно. Вид у меня был, пожалуй, мрачнее некуда.

– Ты считаешь, что я перехожу границы дозволенного, – быстро заговорил он, – но я думаю, тебе следует знать, что Карла подвергается опасности.

– Эту опасность для нее представляешь *ты*. Тебе нужно дать задний ход – и чем скорее, тем лучше для тебя самого.

– Ты мне угрожаешь?

– Да. И я рад, что мы объяснились.

Мы смотрели друг на друга, и в промежутке между нами сгустилась энергия – жгучая, целенаправленная, неотвратимая, вроде той, что возникает между хищником и жертвой перед решающим броском.

Карла. Когда я впервые увидел ее (годы тому назад, в первый же день моего пребывания в Бомбее), мое сердце покорно опустилось к ней на руку, как ловчий сокол на запястье охотника.

Она меня использовала. Она любила меня – но лишь до тех пор, пока я был безоглядно влюблен в нее. Она завербовала меня в мафию Кадербхая. И по завершении той битвы любви, ненависти и возмездия – когда кровь уже была смыта с полов, а многочисленные раны затянулись и стали шрамами – она вышла замуж за импозантного улыбчивого миллионера, который в данную минуту смотрел мне в глаза. Карла.

Я оглянулся на Лизу, красивую и оживленную, что-то весело обсуждающую со своими друзьями-художниками. Во рту у меня появился кислый привкус, сердцебиение усиливалось. Я уже года два не общался с Карлой, но сейчас, разговаривая о ней с Ранджитом, начал чувствовать себя так, будто совершаю предательство по отношению к Лизе. Я вновь посмотрел на Ранджита. Ситуация раздражала меня все сильнее.

– Я вижу это в тебе, – сказал он. – Ты все еще ее любишь.

– Ты спрашиваешься на хорошую оплеуху, Ранджит? Если да, ты уже почти напротился.

– Нет, конечно же нет. Однако я уверен в том, что ты все еще ее любишь. – Он казался очень серьезным и откровенным. – Потому что, будь я на твоём месте, я продолжал бы любить ее, невзирая на то что она бросила меня ради другого мужчины. На этом свете есть только одна Карла. И для любого мужчины есть только один безумный способ любить ее. Мы оба это знаем.

Самое лучшее в солидном деловом костюме – это обилие всего, за что можно ухватиться, если у вас возникнет такое желание. Я одним захватом сгреб лацканы его пиджака, рубашку и галстук.

– Хватит о Карле! – сказал я. – Заткнись, или мне придется тебя заткнуть.

Он открыл рот – видимо, с намерением позвать на помощь, – но вовремя опомнился. Он был публичной фигурой, набирающей политический вес, и не мог себе позволить скандальную сцену.

– Прошу тебя, успокойся, я не хотел тебя расстраивать, – взмолился он. – Я хочу, чтобы ты помог Карле. Если со мной что-нибудь случится, пообещай...

Я разжал пальцы, и он откинулся на спинку своего кресла, оправляя костюм.

– На что ты намекаешь?

– Неделю назад на меня покушались, – сказал он мрачно.

– Ты сам покушаешься на свою жизнь всякий раз, когда разеваешь рот, Ранджит.

– В мою машину подложили бомбу.

– Вот как? Об этом давай поподробнее.

– Мой шофер отошел всего на несколько минут, чтобы купить порцию бетеля. А когда вернулся, заметил кончик антенны под днищем и затем обнаружил бомбу. Мы позвонили в полицию, и они прислали саперов. Оказалось, что это муляж, но в приложенной записке было сказано, что следующая бомба будет настоящей. Мне удалось скрыть этот случай от прессы. У меня есть кое-какое влияние в нужных кругах, как ты знаешь.

– Смени шофера.

Он слабо хмыкнул.

– Смени шофера, – повторил я.

– Моего шофера?

– Он и есть твое слабое звено. Скорее всего, он нашел бомбу потому, что сам же ее подложил. Ему за это заплатили. Тебя хотят запугать.

– Я... ты шутишь, конечно. Он служит у меня уже три года...

– То есть он заслужил приличное выходное пособие. Избавься от него по-хорошему, без скандала.

– Но он такой преданный человек...

– Карла знает об этом случае?

– Нет. Я не хочу, чтобы она волновалась.

Настала моя очередь смеяться.

– Карла уже большая девочка. И голова ее варит что надо. Тебе не стоит скрывать от нее такие вещи.

– И все же...

– Отказываясь от ее советов, ты не используешь лучший ресурс, какой у тебя есть. Она гораздо умнее тебя. Она умнее любого из нас.

– Но...

– Расскажи ей все.

– Возможно, ты прав. Но я хочу самостоятельно справиться с этой проблемой, понимаешь? У меня хорошая служба безопасности. Но я тревожусь *за нее*. Главным образом за нее.

– Я уже сказал тебе: дай задний ход. Оставь политику хотя бы на время. Говорят, что рыба гниет с головы. А ты и до головы не добрался, но уже порядком провонял.

– Я не отступлю, Лин. Эти фанатики потому и берут верх. Они запугивают всех подряд, заставляя людей молчать...

– Теперь прочтешь мне лекцию о политическом моменте?

Он улыбнулся, и это была первая его улыбка, которая мне почти понравилась, – по крайней мере, в ней промелькнуло что-то настоящее помимо показного оптимизма.

– Я... я думаю, мы находимся на пороге больших перемен в самом образе наших мыслей, действий и даже мечтаний. Если лучшие умы возьмут верх, если Индия станет по-настоящему современной, светской демократией с равными правами и свободами для всех, то следующий век будет «индийским веком», и мы поведем за собой весь остальной мир.

Он по глазам увидел мою скептическую реакцию. Допустим, он был прав насчет будущего Индии – в те годы примерно так же думали почти все жители Бомбея, – однако то, что он сейчас произнес, наверняка было цитатой из речи, уже не раз произнесенной им перед публикой.

– Песенка не нова, – сказал я. – То же самое сейчас можно услышать от ораторов едва ли не всех партий.

Он хотел было возразить, но я остановил его, подняв руку:

– Я не занимаюсь политикой, но я знаю, что такое дремлющая ненависть: стоит только ее разбудить, и она вопьется тебе в глотку.

– Рад, что ты это понимаешь. – Он вздохнул, оседая в кресле.

– Но я не тот человек, кому необходимо это помнить.

Он снова выпрямил спину:

– Я их не боюсь, уверяю тебя.

– Тебе подкинули бомбу, Ранджит. Ясное дело, ты боишься. И я боюсь, сидя здесь в твоём обществе. Я предпочел бы находиться от тебя подальше.

– Если я буду знать, что рядом с ней находишься ты со своими... со своими друзьями, я смогу встретить опасность со спокойным сердцем.

Я взглянул на него исподлобья, пытаюсь понять, видит ли он всю иронию, заключенную в его просьбе. На всякий случай я решил кое-что ему напомнить:

– Пару недель назад твоя вечерняя газета обрушилась с гневной статьей на бомбейскую мафию. Один из моих *друзей*, о которых ты только что говорил, был назван по имени. Статья призвала к его аресту или изгнанию из города. И это о человеке, которому официально не предъявлялось никаких обвинений. Что стало с презумпцией невиновности? Что стало с журналистикой?

– Помню эту историю.

– В той же газете прошла целая серия публикаций, требовавших смертной казни еще для одного из моих друзей.

– Да, но...

– И вот сейчас ты просишь...

– Прошу тех же самых людей о защите для Карлы, все верно. Я понимаю, это можно назвать лицемерием и беспринципностью. Однако мне больше не к кому обратиться. У этих фанатиков есть свои люди повсюду. Полиция, армия, учителя, профсоюзы, госслужащие – все ими охвачено. Единственная структура, в которую не проникла зараза...

– Это мафия.

– Именно так.

Это было по-своему даже забавно. Я поднялся, взяв чехол с саблей в левую руку. Он поднялся одновременно со мной.

– Расскажи Карле все, – посоветовал я. – Все, что ты скрывал от нее об этом деле. И пусть она сама решит, оставаться ей или на время исчезнуть.

– Я... да, конечно. Так мы с тобой договорились? Насчет Карлы?

– Нет никаких договоров. И никаких «мы с тобой». Есть ты, и есть я, помнишь?

Он улыбнулся и хотел еще что-то сказать, но вместо этого вдруг порывисто меня обнял.

– Я знал, что на тебя можно положиться. Ты все сделаешь правильно, – сказал он. – Что бы ни случилось.

При объятии я едва не уткнулся носом в его шею и сразу почувствовал запах духов – женских духов, – совсем недавно впитавшийся в его рубашку. Это были дешевые духи. Не духи Карлы.

Он был с какой-то шлюхой в номере отеля всего за несколько минут до того, как попросил меня позаботиться о его жене. О женщине, которую я все еще любил.

Только теперь мне открылась истина, повиснув на незримой, туго натянутой струне наших встречных взглядов в ту минуту, когда я прервал объятия и оттолкнул от себя Ранджита. Да, я продолжал любить Карлу. Понадобился запах чужой женщины на его коже, чтобы я наконец признал правду, два года кругами ходившую поблизости, как рыскает волк вокруг лесного костра.

Я в упор смотрел на Ранджита, думая об убийстве и одновременно испытывая жгучий стыд перед Лизой: взрывоопасная смесь, скажем прямо. Он неловко переминался с ноги на ногу, пытаясь по взгляду угадать мои намерения.

– Что ж... о'кей, – сказал он и сделал шаг назад. – Пожалуй, я пойду...

Я проследил за тем, как он выходит из дверей отеля и забирается на заднее сиденье «мерседеса». Перед тем как захлопнуть дверцу, он тревожно огляделся – то был взгляд человека, слишком часто и слишком легко наживающего врагов.

Я посмотрел на Лизу, которая в этот самый момент здоровалась за руку с молодым человеком, подошедшим к их столику. Я знал, что Лизе он неприятен. Однажды она охарактеризовала его следующим образом: «Очень скользкий тип – еще более скользкий, чем кальмар, когда нащупаешь его в кармане прорезиненного плаща дождливой ночью». Будучи сыном крупного торговца алмазами, он покупал себе все большее влияние в киноиндустрии, мимоходом растапывая карьеры и судьбы многих людей.

Он поцеловал руку Лизе. Она не позволила поцелую затянуться, но улыбка ее была прямо-таки лучезарной.

Как-то раз она сказала мне, что у каждой женщины есть четыре улыбки.

– Только четыре? – спросил я тогда.

– Первая улыбка, – сказала она, игнорируя мою иронию, – возникает неосознанно, когда, например, ты улыбаешься ребенку на улице или кому-то, кто улыбается тебе с экрана телевизора.

– Я не улыбаюсь телевизору.

– Все люди улыбаются телевизору. Потому мы им и пользуемся.

– Я никогда не улыбался телевизору!

– Вторая, – продолжила она, – это вежливая улыбка. С ней мы приветствуем друзей, когда они приходят к нам в гости или встречаются с нами где-нибудь в ресторане.

– Еда и выпивка за их счет? – уточнил я.

– Ты хочешь меня выслушать или нет?

– Если я скажу «нет», ты разве замолчишь?

– Третью улыбку мы используем против тех, кто нам не нравится.

– Это как понимать: отпугиваем людей улыбкой?

– Так и есть. И это здорово. У некоторых девушек самая лучшая из улыбок именно та, которой они держат других на расстоянии.

– Ладно, верю тебе на слово. Переходим к четвертой.

– Да! Четвертая – это улыбка, которую мы дарим только любимому человеку. Она показывает этому человеку, что ты считаешь его единственным и неповторимым. Никому другому эта улыбка не достается. Пусть тебе легко и хорошо с кем-то, пусть он тебе очень нравится, пусть ты испытываешь к нему самые теплые чувства, но твою четвертую улыбку получит лишь тот, кого ты по-настоящему любишь.

– А если любви приходит конец?

– Тогда исчезает и четвертая улыбка, – сказала она мне в тот день. – Четвертая улыбка уходит вместе с любовью. С той минуты для бывшего бойфренда у девушки остается лишь вторая улыбка, если только он не подлец. Отставные подлецы, какими бы симпатиями они ни были, могут рассчитывать разве что на третью улыбку.

Поглядев на то, как Лиза одаривает молодого продюсера-подлюгу безукоризненной «третьей улыбкой», я отправился в мужской туалет, дабы, помимо уличной пыли, смыть еще и грязь иного рода, осквернившую меня при контакте с Ранджитом.

Помещение туалета, отделанное черной и кремовой плиткой, было просторнее, светлее, элегантнее и комфортабельнее восьмидесяти процентов жилищ в этом городе. Я закатал рукава рубашки, сполоснул водой свои короткие волосы, вымыл лицо и руки до локтей.

Служитель подал мне свежее полотенце, улыбнулся и приветственно закивал.

Одна из величайших загадок Индии – и одна из ее величайших отрад – это искреннее дружелюбие людей из самых низов. Этот служитель не рассчитывал на чаевые; да их и не принято давать в туалете. Он был просто добрым человеком, дежурившим в месте отправления насущных надобностей, и он улыбнулся мне от всей души, как незнакомому, но дорогому другу. Именно эта доброта, исходящая из самых глубин сердца простых индийцев, является истинным флагом этой нации; и она побуждает вас вновь и вновь возвращаться в Индию – или удерживает вас здесь навсегда.

Я полез в карман за деньгами, и вместе с ними рука выудила оттуда серебристый конверт с письмом Кадербхая. Дав чаевые служителю, я положил конверт на широкую стойку рядом с туалетной раковиной, а затем уперся ладонями в ее край и посмотрел в глаза своему зеркальному двойнику.

Я не хотел читать это письмо; я не хотел убирать валун от входа в пещеру, куда я упрятал большую часть своего прошлого. Но Тарик говорил, что в письме упоминается Шри-Ланка. Хотя бы поэтому я должен был его прочесть. Я заперся в одной из кабинок, поставил саблю в угол у двери, сел на крышку унитаза и начал читать письмо Кадербхая.

Сейчас я держу в руке синий стеклянный шарик вроде тех, что используются англичанами в детских играх, и думаю о Шри-Ланке, а также о людях, которые поедут туда от моего имени. Ты обещал сделать это для меня. Уже долгое время я смотрю на этот стеклянный шарик после того, как случайно его заметил и подобрал с земли. Посредством таких вот хрупких мелочей и едва уловимых намеков нам открывается смысл нашей жизни. Каждый из нас формирует свою коллекцию вещей, которые мы находим, изучаем, оцениваем и храним внутри себя, сознательно или неосознанно; эта коллекция и есть то, чем мы становимся в конечном счете.

Я добавил тебя к моей коллекции, Шантарам. Ты – один из узоров в рисунке моей жизни. Ты мой возлюбленный сын, один из моих возлюбленных сыновей.

Мои руки начали мелко дрожать – то ли от гнева, то ли от горя, я и сам не знал. До сих пор я не позволял себе оплакивать Кадербхая. Я не посещал его могилу на кладбище Марин-Лайнз. Я знал, что в той могиле нет его тела, потому что сам помогал его хоронить.

Лицо мое лихорадочно горело, а к затылку будто приложили лед. «Мой возлюбленный сын...»

Наверно, ты меня возненавидишь, узнав обо мне всю правду. Прости меня, если сможешь. Эта ночь кажется мне бесконечной. Думаю, если раскрыть абсолютно всю правду о любом человеке, всегда найдется что-нибудь, за что его можно возненавидеть. И со всей честностью, необходимой для такого послания, которое я пишу в ночь перед нашим с тобой отъездом на войну, я должен сказать, что ненависть некоторых людей ко мне вполне обоснованна. Но сейчас я посылаю к чертям всех моих ненавистников.

Я был рожден для того, чтобы оставить это наследство. И я должен был сделать это любой ценой. Использовал ли я людей? Конечно да. Манипулировал ли я людьми? Всякий раз, когда считал это нужным. Убивал ли я людей? Я убивал всех, кто становился препятствием на моем пути. И я пока еще не пал в этой борьбе; я терплю и становлюсь сильнее, когда все вокруг меня рушится, потому что я следую своему предназначению. В моем сердце я не сделал ничего дурного, и мои молитвы искренни. Надеюсь, ты сможешь меня понять.

Я всегда любил тебя, с первой же нашей встречи. Помнишь ту ночь, когда мы вместе слушали Слепых певцов? Это такая же правда, как и все плохое, что ты обо мне когда-нибудь узнаешь. Я совершал дурные поступки, и я открыто это признаю. Но и все хорошее – тоже правда, включая и то, что мы не можем увидеть в реальности, но чувствуем сердцем и храним в памяти. Я избрал тебя, потому что я тебя полюбил; и я люблю тебя потому, что ты мною избран. В этом и есть вся правда, сын мой.

Если Аллах призовет меня к себе и ты прочтешь эти строки уже после моего ухода, это не повод для печали. Мой дух пребудет с тобой и с твоими братьями. Ты не должен бояться. Я всегда буду рядом с тобой. Если ты попадешь в беду, лишишься всего и останешься один против множества врагов, ты ощутишь мою отцовскую руку на своем плече и поймешь, что мое сердце бьется рядом с твоим в этом сражении. То же касается всех моих сыновей.

Пожалуйста, сделай так, чтобы моя душа могла соединиться с твоей в молитве, пусть даже ты далек от религии. Постарайся каждый день находить момент хотя бы для самой краткой молитвы, и в такие моменты я смогу тебя навещать.

И запомни мой последний совет. Люби правду, которую ты найдешь в сердцах других. Всегда слушайся голоса любви в своем сердце.

Я сложил письмо и засунул его в бумажник. Над кармашком выступал край письма со словами «синий стеклянный шарик»; и сердце мое заколотилось, как при беге в крутой подъем.

Я увидел его смуглую руку в лучах вечернего солнца. Я увидел сопровождавшую его речь игру длинных тонких пальцев, похожую на плавные движения диковинных морских существ. Я увидел его улыбку. Я увидел свет его мыслей, струящийся из янтарных глаз и преломляющийся в прозрачной синеве стеклянного шарика. И я наконец-то смог его оплакать.

На какой-то миг я увидел нас обоих, названного отца и покинутого сына, где-то за пределами этого грешного мира: в месте прощения и искупления.

Попытка избавиться от любви есть грех против самой жизни, тогда как скорбь по усопшим – это один из способов выразить любовь. Когда я это почувствовал, я наконец-то дал волю своей скорби. Я вспоминал магнетическую силу его взгляда; вспоминал гордость, которую я испытывал, заслужив его похвалу; вспоминал любовь, звучащую в его смехе. И я оплакивал свою утрату.

Я услышал глухой бой барабана, как будто наполненного кровью. Внезапно меня бросило в жар, дыхание стало тяжелым и хриплым. Я судорожно схватился за саблю. Надо было уходить отсюда. Срочно подниматься и уходить.

Но я опоздал: вся горечь, которая накапливалась во мне годами, сдерживаемая только плотинной гнева, прорвалась наружу потоком слез. Помимо всего прочего, это было весьма шумно.

– Сэр? – через минуту-другую после начала моих рыданий позвал с той стороны дверцы служитель. – Вам подать новый рулон туалетной бумаги?

И тут я рассмеялся. Бомбей спас меня, как много раз до того спасала меня Она.

– Все в порядке, – откликнулся я. – Спасибо за заботу.

Я покинул кабинку, пристроил саблю на вешалке для полотенец и умылся холодной водой. Взглянул на себя в зеркало: жалкое зрелище, но мне случилось выглядеть и похуже. Дав добрейшему служителю добавочные чаевые, я вышел в холл и направился к Лизе.

Она была уже в одиночестве, стоя перед застекленным фасадом и глядя сквозь него на море, покрытое серебряной штриховкой волн. А со стекла глядело ее отражение, пользуясь возможностью полюбоваться на свой оригинал. В стекле она и заметила мое приближение.

День у меня выдался не из легких: велокиллеры, совет мафии, Ранджит с Карлой и вдобавок назревающая поездка в Шри-Ланку. Тот еще денек, что и говорить.

Она обернулась и тотчас все поняла по моему лицу: там были и скорбь, и не изжитая до сих пор любовь.

Я уже начал что-то объяснять, но она приложила палец к моим губам, а затем поцеловала меня. И вновь все вернулось на круги своя, до поры до времени. Нашу связь никак нельзя было назвать гармоничной: Лиза не была влюблена в меня, а я не мог любить ее. Но по ночам нам было хорошо друг с другом, как зачастую и при свете солнца; и никто из нас не чувствовал себя используемым или нежеланным.

Мы молча смотрели на океанские волны, катившиеся от берега. На поверхности оконного стекла отражались сновавшие туда-сюда официанты с подносами, и возникало впечатление, будто они бегут по волнам. Темное небо вдали сливалось с морем, растворяя линию горизонта.

Когда приходит твой час и тебе некого умолять или винить, ты понимаешь, что к финалу своей жизни все мы приходим, имея лишь малую толику сверх того, с чем мы появились на свет. И эта малая толика, добавленная к нашей изначальной сущности, и есть наша личная история, принадлежащая только нам самим, а не рассказанная кем-то еще.

Кадербхай добавил меня к своей коллекции, как говорилось в его письме. Но теперь коллекционер был мертв, а я так и остался одним из экспонатов в криминальном паноптикуме, который он сотворил и оставил в наследство этому миру. Санджай походя использовал меня как пробный шар для проверки нового канала поставок оружия, и вот тогда-то я наконец понял: пора покинуть коллекцию и вновь обрести свободу, причем как можно скорее.

Лиза взяла меня за руку. Так мы с ней и стояли перед стеклянной стеной: два призрачных отражения, наложенные на бескрайний морской простор.

Часть 2

Глава 9

Истории физических и душевных ран, полученных в семи войнах и репрессивных кампаниях, заполняли страницы биографических справок на моем столе в паспортной мастерской.

Иранский профессор, специалист по текстам доисламской эпохи, бежал от преследований Стражей Исламской революции и теперь нуждался в полном наборе подделок, включая свидетельство о рождении, международные водительские права, банковские документы и паспорт с визовыми печатями, подтверждающими его перемещения по миру в течение последних двух лет.

Качество наших изделий должно было обеспечить клиенту беспрепятственное прохождение паспортного контроля перед посадкой в самолет. В дальнейшем, по прибытии в нужный заграничный аэропорт, он планировал избавиться от фальшивых документов и попросить политическое убежище под своим настоящим именем.

Следы перенесенных пыток были очень заметны, но приходилось идти на риск с поддельным паспортом, поскольку никакие власти не выдали бы ему подлинный – кроме властей той страны, где по нему плакала тюрьма.

Следующим по порядку был нигериец, один из лидеров движения *огони*³⁵, выступающих против хищнической эксплуатации их земель правительством в стоворе с нефтяными корпорациями. Его пытались ликвидировать, однако он выжил после покушения и в трюме грузового судна добрался до Бомбея – без документов, зато с приличной суммой, собранной его соратниками. Так что он смог откупиться от портовой полиции, которая и направила его к нам. Для безопасности ему нужно было сменить имя и гражданство, оформив соответствующий паспорт.

Далее: тибетский националист, сбежавший из китайского трудового лагеря и через покрытые снегом горы пешком добравшийся до Индии. В Бомбее община тибетских эмигрантов снабдила его деньгами и связала с нужными людьми в Компании Санджая для получения новых документов.

На очереди были также афганец, иракец, курдский активист, сомалиец и два гражданина Шри-Ланки – все они спасались от кровавого безумия, которое было развязано не ими и в котором они не желали принимать участие.

Впрочем, войны очень даже хороши для всякого нехорошего бизнеса, а наша клиентура состояла отнюдь не только из хороших людей. Компания Санджая бралась за любое дело, сулившее прибыль. Среди прочих мы обслуживали дельцов-махинаторов, скрывавших теневые доходы; подонков всех мастей, желавших «обнулить» свою дурную репутацию ради создания не менее дурной уже с чистого листа; военных преступников вплоть до самых высоких рангов; псевдомертвецов, по разным причинам инсценировавших свою смерть, и т. п. – в нашей фирме любой имеющий средства мог купить себе новую личность.

Один документ лежал на столе особняком от прочих. Это был канадский паспорт с моей фотографией и проставленной ланкийской визой. К паспорту прилагалось журналистское удостоверение агентства Рейтер.

³⁵ *Огони* – народ, проживающий на юго-востоке Нигерии и многие десятилетия ведущий борьбу против центральных властей и транснациональных корпораций, деятельность которых привела к экологической катастрофе на этой территории.

Помогая разным людям спастись от войн и кровавых режимов, я в то же время готовил документы для собственной поездки в самую гущу конфликта, уже унесшего десятки тысяч жизней.

– Вы действительно читаете все эти записи? – спросил мой новый помощник, беря со стола биографическую справку нигерийца.

– Да.

– Все до единой?

– Да.

– В самом деле? Я к тому... ведь это очень тягостное чтение.

– Так и есть, Фарзад, – согласился я, не глядя на него.

– Такие вещи угнетают даже больше, чем чтение газет.

– То же самое можно прочесть и в газетах, если смотреть не только биржевые сводки и спортивные новости, – сказал я, все еще не отрывая глаз от текста.

– Конечно, я все понимаю. Повсюду полно жуткого депрессивного дерьма, *йаар*.

– Да уж...

– Я хотел сказать, что ежедневным чтением таких сводок человек может вогнать себя в глубокую депрессию, и ему порой просто необходимо сделать паузу и переключиться на что-нибудь позитивное. Будьте уверены.

– О'кей, – сказал я, откладывая недочитанную справку. – И в чем проблема?

– Проблема?

– Если в конце твоего потока сознания есть какой-нибудь океан, впадай в него поскорее. Хватит переливать из пустого в порожнее.

– Океан? – переспросил он озадаченно.

– Я о сути вопроса, Фарзад. Переходи к сути.

– А, – улыбнулся он, – суть вопроса. Ну да. У меня и вправду есть что-то вроде вопроса, даже можно сказать – просьбы. Будьте уверены.

Несколько секунд он смотрел на меня, а затем отвел глаза и начал пальцем рисовать круги на полированной столешнице.

– Собственно... – продолжил он наконец, все еще избегая моего взгляда, – я все пытаюсь найти способ пригласить вас... пригласить к себе домой... познакомить с моими родителями.

– Это и есть твой океан сути?

– Ага.

– Но почему ты не спросил меня прямо, без околичностей?

– Видите ли... – сказал он, меж тем как круги на столешнице становились все меньше и меньше, закручиваясь спиралью, – говорят, что к вам непросто подступиться.

– Непросто? Почему?

– Ну, типа вы угрюмый ворчун, *йаар*.

– Что?! – рявкнул я. – Это я-то угрюмый ворчун?

– Ох, так и есть.

Мы уставились друг на друга. В цехе за перегородкой с подвывом включился большой печатный станок и забормотал на своем языке, в котором металлические щелчки перемежались шуршанием валиков, то отходящих, то прижимающихся к барабану.

– Кто-нибудь когда-нибудь уже говорил, что хреново ты умеешь приглашать в гости?

– Вообще-то, – рассмеялся он, – это первый случай за многие годы, когда я приглашаю кого-либо в дом родителей. Наша семья живет довольно-таки... уединенно, если вы меня понимаете.

– Я отлично понимаю, что значит уединение, – сказал я со вздохом. – Это именно то, чем я здесь наслаждался, пока не прислали тебя на мою голову.

– Но... вы к нам придете? Мои предки очень хотят с вами познакомиться. Мой дядя Кеки много о вас рассказывал. Он говорил, что...

– ...что я угрюмый ворчун. Знаю.

– Да, и это тоже. Еще он говорил, что вы сильны по части философии. Говорил, что Кадербхай предпочитал вас всем другим собеседникам, когда ему хотелось поговорить и поспорить на философские темы. А у моего отца это любимый конек. Как и у мамы – у нее даже в большей степени. И вся наша семья часто устраивает философские дискуссии. Иногда набирается до трех десятков спорщиков.

– Вас там что, целых три десятка?

– У нас... вроде как... большая семья. Это сложно описать. Вы должны увидеть ее своими глазами. То есть увидеть *нас*. Скучно не будет, это я вам гарантирую. Ни в коей мере. Будьте уверены.

– А если я соглашусь навестить твое неопишное семейство, ты оставишь меня в покое и позволишь сейчас заняться делами?

– Это означает согласие?

– Да, в один из ближайших дней.

– Правда? Вы к нам придете?

– Будь уверен. А теперь выметайся отсюда. Дай мне закончить с этими документами.

– Классно! – завопил он, исполнив пару танцевальных движений бедрами влево-вправо. – Я передам папе, и он назначит один из дней на этой неделе. Обед или ужин! Классно!

Еще раз прося улыбку, кивнул и исчез за дверью.

Я вновь придвинул к себе папку с биографией нигерийца и занялся сотворением новой документированной личности. В моем блокноте постепенно вырисовывалась куда более спокойная и благополучная, но полностью вымышленная жизнь.

В процессе работы я выдвинул ящик стола с фотографиями заказчиков – счастливых, которые не были застрелены, утоплены или брошены в тюрьму при попытке добраться до лучшей жизни. Мой взгляд задержался на этих лицах, после всех войн и пыток приведенных в относительно благообразный и вымученно-спокойный вид ради снимка в фотостудии при нашей паспортной мастерской. Когда-то давным-давно люди свободно бродили по миру, пользуясь изображениями богов или земных властителей для гарантии безопасного перемещения. А нынешний мир, как сыпью, усеян пропускными пунктами, и мы таскаем повсюду изображения самих себя, притом что безопасность никому не гарантирована.

По большому счету Компанию Санджая интересовало только одно: черный нал. Не секрет, что любой черный рынок в мире является продуктом тирании, войн или драконовских законов. В месяц мы выпускали от тридцати до сорока паспортов, лучшие из которых продавались по двадцать пять тысяч долларов за штуку. «Воспринимай войну как бизнес, – однажды сказал мне Санджай, и глаза его алчно сверкнули, будто пара свежечеканенных монет, – а бизнес воспринимай как войну».

Закончив составление фальшивых биографий для клиентов, я собрал бумаги и снимки, чтобы отнести их в цех, а свой новый паспорт, приготовленный для поездки в Шри-Ланку, забросил в средний ящик стола. Я знал, что рано или поздно придется передать его для доработки моим лучшим фальсификаторам, Кришне и Виллу, которые, по иронии судьбы, как раз являлись беженцами из Шри-Ланки. Но пока что я не был готов к такому путешествию.

Я нашел Кришну и Виллу спящими на кушетках в самом тихом углу цеха, подальше от печатных станков. Самозабвенно колдуя над новыми паспортами, они часто забывали о времени и проводили за работой сутки напролет, так что я распорядился установить для них эти кушетки.

Я постоял над ними, прислушиваясь к храпу, который то сливался в рокочущий унисон, то вновь распадался на свистящие вздохи и хрипы. Их руки были вытянуты вдоль туловища открытыми ладонями вверх, получая благословение сна.

Два других работника цеха были ранее отправлены мной с поручениями, и все оборудование в мастерской было выключено. Я еще какое-то время постоял в этом мирно храпящем углу, невольно завидуя Кришне и Виллу.

Они прибыли в Бомбей как беженцы и поначалу ютились со своими семьями под навесом на улице. Но сейчас их работа на Компанию хорошо оплачивалась, и это позволило им с родней перебраться в благоустроенную квартиру неподалеку от мастерской. Они располагали безупречными документами, которые сами же изготовили, но по-прежнему жили в страхе перед депортацией на родину.

Там остались их близкие и любимые люди, которых им, вероятно, не суждено было увидеть или услышать вновь. Тем не менее эти двое после всех перенесенных ими лишений и ужасов спали безмятежным сном, как младенцы.

Я никогда не спал так спокойно. Кошмары терзали меня слишком часто и слишком жестоко. Каждое мое пробуждение сопровождалось судорожными рывками, как будто я пытался избавиться от пут. Лиза давно усвоила, что самый безопасный для нее способ спать в одной постели со мной – это обнять меня покрепче и оказаться внутри того круга сновидений, который стремилось разорвать мое спящее сознание.

Я оставил стопку документов на столе Кришны и тихо поднялся по деревянной лестнице. Покидая мастерскую, я запер дверь снаружи, зная, что у них есть свои ключи.

Накануне мы с Лизой договорились посетить клинику в трущобах, а потом пообедать вместе. Она подружилась с аптекарем в нашем районе и раздобыла у него несколько коробок с дефицитными медикаментами. Коробки уже находились в кофрах моего байка, и теперь оставалось заехать за Лизой, попросившей меня свозить ее в трущобы.

Я двигался вместе с неторопливым полуденным потоком машин, никого не обгоняя, – иногда езда без спешки в ясную погоду есть само по себе удовольствие.

В зеркале заднего вида возник полисмен на таком же мотоцикле, что и мой. Вскоре он со мной поравнялся. Судя по фуражке и револьверу в кожаной кобуре на боку, это был старший офицер, а не простой патрульный. Он поднял левую руку и двумя вытянутыми пальцами указал мне в сторону обочины.

Я съехал с дороги и остановился позади полицейского мотоцикла. Коп поставил свой байк на боковую подножку, перекинул ногу через сиденье и повернулся ко мне. Держа правую руку на кобуре, он чиркнул левой ладонью по своему горлу: приказ глушить мотор. Я так и сделал, но с мотоцикла не слез.

Я был спокоен. Полицейские останавливали меня время от времени, и обычно это сводилось к недолгим объяснениям или взятке. На такой случай я всегда держал в кармане рубашки скрученную в трубочку купюру в пятьдесят рупий. Это было в порядке вещей. И я мог понять копов: получая слишком мало денег за свою рискованную работу, они взимали с населения то, что им недоплачивало государство.

Но сейчас что-то насторожило меня в его взгляде: там было нечто большее, чем просто желание урвать мзду. Он расстегнул кобуру и сжал пальцы на рукоятке револьвера.

Я слез с мотоцикла, и моя рука медленно потянулась к ножам, спрятанным сзади под рубашкой навывпуск. В те годы бомбейские копы не только брали взятки – при случае они могли и пристрелить какого-нибудь гангстера, другим для острастки.

Спокойный, глубокий голос прозвучал у меня за спиной:

– На твоём месте я не стал бы рыпаться.

Я обернулся и увидел троих мужчин, стоявших почти вплотную ко мне. Четвёртый сидел за рулем машины, припаркованной тут же.

– Возможно, – сказал я, не снимая руки с ножа под рубашкой, – ты и не стал бы, будь ты на моем месте.

Говоривший мужчина посмотрел мимо меня и кивнул копу. Тот отсалютовал в ответ, взобрался на свой байк и укатил прочь.

– Ловкий трюк, – сказал я. – Надо будет запомнить его на тот случай, если когда-нибудь вляпаюсь в дерьмо.

– Ты уже сейчас в дерьме по самые уши, *гора*, – сказал тощий человек с усами ниточкой и продемонстрировал лезвие ножа, который он прятал в рукаве.

Я заглянул ему в глаза и прочел там очень короткую историю, в которой были только страх и ненависть. Повторно читать ее мне не хотелось. Их главарь нетерпеливо поднял руку, прерывая диалог. Это был крепко сбитый мужчина лет под сорок, и говорил он тихим ровным голосом.

– Если ты откажешься садиться в машину, – сказал он, – я прострелю тебе колено.

– А что ты мне прострелишь, если я соглашусь сесть в машину?

– Возможны варианты, – ответил он, невозмутимо меня разглядывая.

Одет он был как на картинке из журнала мод: сшитая по заказу шелковая рубашка, просторные брюки из серого сержа, ремень «данхилл» и мягкие кожаные туфли от Гуччи. Золотой перстень на среднем пальце был копией «Ролекса» на его запястье.

Его спутники внимательно следили за проезжавшим транспортом и пешеходами, двигавшимися вдоль придорожной сточной канавы. Молчание затягивалось, и в конце концов я решил его прервать:

– А от чего зависят эти варианты?

– От того, будешь ты делать, что тебе скажут, или нет.

– Я не люблю, когда мной командуют.

– Никто этого не любит, – спокойно сказал он. – Но сила – вполне убедительный аргумент.

– Да ты у нас философ, – сказал я. – Тебе бы книжки сочинять.

Сердце мое бешено билось. Я испугался не на шутку. Буквально желудок свело от страха. Это были враги, и я оказался в их власти. При таком раскладе меня уже сейчас можно было причислить к мертвецам.

– Давай в машину, – сказал он, позволив себе легкий смешок.

– Давай решим все здесь.

– Лезь в машину!

– Ну уж нет. Так я еще успею забрать с собой и тебя, а в вашей тачке отправлюсь на тот свет один. По мне, так уж лучше вдвоем, элементарная арифметика.

– Да хрен с ним! – выхаркнул Усы Ниточкой. – Пришьем убудка прямо здесь, и дело с концом.

Крепыш-главарь задумался. И думал довольно долго. Я не снимал руку с ножа за поясом.

– Ты ведь умеешь мыслить логически, – сказал он. – Говорят, ты даже вел философские споры с Кадербхаем.

– Никто не смел спорить с Кадербхаем.

– Пусть так, но ты все же понимаешь, что твоя позиция нерациональна. Я ничего не потеряю, прикончив тебя здесь. А вот ты можешь кое-что приобрести, оставаясь в живых еще какое-то время: хотя бы узнаешь, чего я от тебя хочу.

– Ты упустил одну деталь: собственную смерть в обмен на мою. А мне эта деталь кажется существенной.

– Мне тоже, – улыбнулся он. – Но ты же видел, сколько лишней возни нам потребовалось только для того, чтобы завязать этот разговор. Если бы я просто хотел тебя убить, я снес и раздавил бы твой байк еще на трассе.

– Вот только мой байк оставьте в покое!

– Он будет в сохранности, *йаар*. – Главарь усмехнулся и кивнул тощему с усами ниточкой. – На нем поедет Данда. А ты садись в машину.

Он был прав. По здравом рассуждении, ничего другого мне не оставалось. Я убрал руку из-за спины. Главарь кивнул. Данда тотчас оседлал мой байк, завел двигатель и начал яростно газовать на холостых: ему не терпелось ехать.

– Будешь мучить движок, я тебе... – Закончить угрозу я не успел, так как он включил первую скорость и мотоцикл с надрывно-протестующим ревом втиснулся в транспортный поток.

– Боюсь, у Данды плоховато с чувством юмора, – сказал главарь, наблюдая за тем, как тот, виляя, резко дергаясь и тормозя, продирается между ползущими машинами.

– Черт, если он повредит мой байк, ему будет совсем не до шуток.

Главарь рассмеялся и посмотрел мне прямо в глаза:

– Как ты мог беседовать о философии с человеком вроде Кадербхая?

– А почему бы и нет?

– Я о том, что Кадербхай был безумцем.

– Безумный или нет, но скучным он не бывал никогда.

– Все, что угодно, может в конечном счете наскучить, разве нет? – сказал он, залезая в машину.

– В том числе и чувство юмора? – предположил я, садясь с ним рядом.

Они взяли меня в оборот, и это было сродни тюрьме: здесь, как и там, я не мог ничего изменить. Главарь снова рассмеялся и кивнул водителю, чьи глаза маячили в закругленном прямоугольнике зеркала.

– Прокати нас с ветерком, – сказал он тому на хинди, при этом следя за каждым моим движением. – Это всегда приятно в жаркий день.

Глава 10

Водила гнал агрессивно, подрезая и распугивая других участников движения, в этот час весьма плотного. Таким манером он всего за несколько минут доехал до промышленной зоны и затормозил перед пакгаузом, стоявшим на приличном удалении от других зданий. Данда был уже там. Мой мотоцикл стоял на гравийной дорожке перед входом.

Водитель припарковал машину. Подъемные ворота склада открылись примерно до середины. Нагибаясь под ними, мы вошли внутрь; загремела цепь, и створка ворот опустилась до пола.

У меня тут же возникли две большие причины для беспокойства. Первая заключалась в том, что они не завязали мне глаза, позволяя запомнить местоположение пакгауза и разглядеть лица восьмерых находившихся внутри мужчин, – похоже, их это не волновало. Второй причиной оказался набор инструментов, разложенных на скамьях вдоль одной из стен: электродрели, бензопилы, паяльные лампы, кувалды, молотки и т. п.

Изо всех сил стараясь не смотреть в ту сторону, я вместо этого сфокусировал внимание на приземистом кресле с длинной спинкой, установленном на свободном пятачке у задней стены пакгауза. Собственно говоря, это был обыкновенный пляжный шезлонг с сиденьем из искусственного ротанга в ядовито-зеленую и желтую полоску. На полу под креслом расплылось большое темное пятно.

Данда, человек с тонкими усиками и короткой историей в глазах, тщательно меня обыскал и вручил изъятые ножи своему главарю, который после беглого осмотра положил их на длинную скамью рядом с инструментами.

– Сядь, – приказал он, повернувшись ко мне.

Я не двинулся с места, и тогда он, скрестив на груди руки, кивнул высоченному бугаю, ранее ехавшему с нами в машине. Тот двинулся на меня.

«Бей первым, и бей жестко» – так учил меня старый зэк в австралийской тюрьме.

И когда бугай нанес удар открытой ладонью, метя над моим правым ухом, я увернулся и ответил резким, коротким апперкотом ему в челюсть. Хорошо вложился и попал удачно.

Бугай покачнулся и отступил на шаг. Двое из присутствующих выхватили пушки. То были старинные револьверы армейского образца, ровесники давно забытых войн.

Главарь вздохнул и кивком отдал новый приказ. Ко мне бросились сразу четверо. Они впихнули меня в желто-зеленый шезлонг и привязали руки к задним ножкам веревками из кокосового волокна. Затем связали ноги, пропустив веревку под сиденьем.

Их вожак разомкнул скрещенные руки и приблизился ко мне.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил он.

– Литературный критик? – предположил я, стараясь не выдать голосом свой страх.

Он нахмурился, оглядывая меня с ног до головы.

– Ладно, – сказал я. – Догадаться нетрудно, кто ты такой. Сразу видно одного из «скорпионов».

Главарь кивнул.

– Меня зовут Вишну, – сказал он.

Тот самый Вишну, которого пощадил Санджай и который затем вернулся в наш район с бандой головорезов, прозванных «скорпионами».

– Интересно, почему многие гангстеры присваивают себе имена богов?

– А как насчет имени Труп, которое я сейчас присвою тебе, ублюдок? – свирепо прошипел Данда.

– Хотя, если пораскинуть мозгами, – сказал я задумчиво, – Данда – это не бог. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но Данда – это всего лишь полубог или недобог. Верно? Что-то типа мелкого божка на побегушках?

– Закрой пасть!

– Спокойно, Данда, – сказал Вишну. – Он просто пытается уйти от темы разговора. Не поддавайся на его уловки.

– Совсем мелкий божок-болванчик, – продолжил я. – Ты хоть раз пытался прикинуть, как часто тебя оболванивают, Данда?

– Заткнись!

– А знаешь что? – сказал Вишну, подавляя зевок. – Отвесь-ка гаду по полной, Данда. Вколоти его улыбочку в самые гланды, если хочешь.

Данда кинулся на меня, размахивая кулаками. Но даже в связанном виде я довольно успешно увертывался, резко наклоняя голову в разные стороны, так что лишь треть его ударов достигали цели. Внезапно он остановился. Когда я перестал дергать головой и взглянул вверх, оказалось, что Данду оттащил в сторону бугай, перед тем получивший от меня в челюсть.

Заняв место Данды, бугай примерился и врезал мне по лицу. На его среднем пальце был медный перстень, который глубоко впечатался в мою щеку. Этот парень знал свое дело. Он умел делать очень больно, при этом не ломая костей. Чуть погодя он сменил тактику и стал наносить удары по голове слева и справа открытыми ладонями.

Если долго бить человека кулаками, ты или разобьешь собственные костяшки, или забьешь этого человека насмерть, или то и другое вместе. Но есть иной вариант: расквасить ему физиономию кулаками до такой степени, что каждый крепкий шлепок по ней будет отдаваться сильнейшей болью; и после того ты сможешь хоть весь день напролет жестоко истязать его банальными оплеухами.

Пытки. Долгое, тяжелое, отупляющее действие. С каждой минутой оно как бы уплотняется, стягиваясь к эпицентру боли, и эта мощная центростремительная тяга не позволяет даже лучику надежды вырваться из беспросветного мрака.

Но одну вещь из прошлого опыта я усвоил четко: когда тебя избивают, надо держать рот на замке. Ничего не говори ни в коем случае. Держи рот на замке до самого конца. Постарайся также обойтись без воплей и стонов, насколько хватит терпения.

– О'кей, – сказал Вишну через две минуты, показавшиеся мне длиной в целый месяц.

Бугай отошел в сторону, принял от Данды полотенце и вытер свою потную рожу. Затем услужливый Данда начал массировать его плечевые мышцы.

– Расскажи мне о Пакистане, – потребовал Вишну, поднося к моим губам сигарету.

Я втянул дым вместе с каплями крови и выдохнул. Мне было невдомек, к чему он клонит.

– Расскажи о Пакистане.

Я уставился на него непонимающим взглядом.

– Мы знаем, что ты ездил в Гоа, – медленно произнес Вишну. – Мы знаем, что ты привез оттуда несколько стволов. А теперь я спрашиваю еще раз. Расскажи мне о Пакистане.

Стволы, Гоа, Санджай: все это вновь возвращалось ко мне с поворотом колеса кармы. Но я знал, что в глубине моего страха всегда таится некий голос, который рано или поздно произнесет: «Пора с этим кончать».

– Многие люди считают, что столицей Пакистана является Карачи, – произнес я, с трудом двигая распухшими губами. – Но это заблуждение.

Вишну коротко хохотнул:

– Расскажи мне о Пакистане.

– Там вкусная еда и приятная музыка, – сообщил я.

Вишну посмотрел на кончик своей сигареты, а затем перевел взгляд на бугая.

И все пошло по новому кругу. Казалось, я мучительно шагаю по вязкой глубокой грязи и каждый шаг – каждый хлесткий удар по лицу – приближает меня к стене густого тумана впереди.

Когда бугай сделал паузу, положив усталые руки на бедра, Данда перехватил инициативу и принялся полосовать меня тонкой бамбуковой палкой. Потекла кровь, смешиваясь с соленым потом, но как раз это вернуло меня в сознание.

– Что, уже не шутишь, ублюдок? – проорал Данда, наклоняясь так низко ко мне, что я учуял запах горчичного масла и трусливо-потную вонь его подмышек.

И я громко захохотал, что порой случается с людьми во время пыток.

Вишну взмахнул рукой.

Внезапная тишина, наступившая после этого жеста, была настолько пронзительной, что мне показалось, будто весь мир на какое-то мгновение застыл в неподвижности.

Вишну что-то говорил, судя по движению губ. Но я его не слышал. Постепенно я понял, что тишина звенит только в моих ушах, не распространяясь на окружающих. Вишну взирал на меня с каким-то озадаченным выражением, словно наткнулся на бродячую собаку и теперь не мог решить, то ли погладить ее, то ли дать ей пинка ботинком от Гуччи.

Один из гангстеров вытер мое окровавленное лицо грязной, провонявшей бензином ветошью. Я сплюнул кровью и желчью. Слух начал возвращаться.

– Как самочувствие? – рассеянно поинтересовался Вишну.

Я помнил правило выживания: молчать, не произносить ни слова. Но так уж я устроен – если в голове назойливо вертятся какие-то слова, я просто не могу не высказаться, письменно или вслух.

– Исламабад, – сказал я. – Это столица Пакистана. А не Карачи.

Он шагнул ко мне, доставая из кармана компактный полуавтоматический пистолет. В его глазах я видел отражение собственного черепа, уже расколотого пулей.

В этот миг открылась входная дверь пакгауза и вместе с солнечным светом внутрь проник мальчишка-разносчик с парой плетеных корзинок – в одной были шесть стаканов чая, а в другой шесть стаканов воды.

– О, чай! – сказал Вишну с неожиданной широкой улыбкой, стершей с его лица морщинки гнева.

Он спрятал пистолет и вернулся на прежнее место рядом со скамьей. Разносчик начал обходить присутствующих. Взгляд уличного сорванца скользнул по мне, но на его лице не отразилось никаких эмоций. Возможно, он видел такое не впервой: человека в крови, привязанного к желто-зеленому шезлонгу.

Гангстер, ранее вытиравший мое лицо, освободил меня от пут, взял у мальчишки стакан с чаем и протянул его мне. Я с трудом удержал стакан двумя руками, онемевшими от веревок.

Остальные бандиты, после церемонии вежливых отказов в пользу друг друга, поделили чай, отлив по половине в другие стаканы, из которых пришлось выплеснуть воду. Сцена вышла по-своему даже трогательной. В иное время мы с ними вполне могли бы стать друзьями и всей компанией гонять чай на набережной у мыса Нариман-Пойнт, любуясь заходящим солнцем.

Между тем разносчик обследовал помещение и собрал пустые стаканы, оставленные здесь во время его предыдущего визита. Одного он недосчитался.

– Стакан! – возмущенно завопил малец натруженным булькающим голосом и продемонстрировал корзинку с пустым гнездом. – Стакан!

Бандиты дружно кинулись на поиски недостающего стакана, переворачивая пустые коробики и расковыривая кучи всякого хлама. Стакан откопал Данда.

– Нашел! Нашел! – торжествующе завопил он, протягивая свою добычу мальчишке.

Тот сцапал стакан с таким видом, будто подозревал попытку хищения, и тотчас покинул склад. Данда быстро взглянул на главаря, и взгляд его был исполнен радостного шакальего подхалимажа: «Ты видел, босс? Это я, я! Не кто-нибудь, а я нашел стакан!»

Убедившись, что руки уже не трясутся, я поставил свой стакан на пол, так ни разу из него и не отхлебнув. Дело было не в гордости или гневе, а в расквашенных и распухших губах: не хотелось пить чай пополам с кровью.

– Подняться сможешь? – спросил Вишну, покончив со своей порцией и отставив стакан в сторону.

Я вылез из кресла, но ноги сразу подкосились, и я начал заваливаться набок. Бугай, перед тем лупивший меня по лицу, подскочил и сильными руками поддержал меня за плечи – отнюдь не грубо, даже как-то бережно. С его помощью я утвердился на ногах.

– Вали отсюда, – сказал Вишну и перевел взгляд на Данду. – Отдай ему ключи от байка.

Данда выудил ключи из своего кармана, но подошел с ними не ко мне, а к боссу.

– Еще немного, – попросил он. – Я уверен, он что-то знает. Дайте мне еще немного времени.

– Ни к чему, – сказал Вишну со снисходительной улыбкой. – Я уже выяснил все, что хотел.

Он взял ключи у Данды и швырнул их мне. Ключи угодили в грудь, и я с трудом поймал их, прижав к рубашке обеими, все еще непослушными руками. И встретился глазами с Вишну.

– Ты ведь ничего не знаешь о Пакистане, верно? – сказал он. – Ты вообще без понятия, о чем мы тут говорили, да?

Я промолчал.

– Так оно и есть, приятель. А теперь убирайся!

Еще секунду-другую я смотрел ему в глаза, а потом протянул раскрытую ладонь и сказал:

– Мои ножи.

Вишну рассмеялся и вновь скрестил руки на груди:

– Будем считать их штрафом, идет? Ножи достанутся Хануману как штраф за тот удар, который ты ему нанес. И вот тебе мой совет: сматывайся поскорее и держи место нашей встречи в секрете. Не говори о нем Санджаю или кому-нибудь еще.

– С какой стати?

– Я позволил тебе запомнить это место, чтобы ты потом мог с нами связаться. Если оставишь здесь послание, оно дойдет до меня, и очень быстро дойдет.

– Зачем мне это делать?

– Если я в тебе не ошибся – а я очень редко ошибаюсь в людях, – однажды ты можешь подумать, что у нас с тобой гораздо больше общего, чем это кажется сейчас. И тогда ты захочешь с нами поговорить. И если ты не дурак, ты никому не расскажешь об этом адресе. Оставишь его про запас, на черный день. Ну а сейчас, как говорят в таких случаях американцы, *fuck off!*

Я направился к боковой двери вместе с Дандой, который распахнул ее, пропуская меня. Когда я перешагнул порог, он громко прочистил горло, набрал полный рот слюны и харкнул мне на штанину, после чего дверь захлопнулась.

На земле неподалеку от своего байка я нашел обрывок бумаги и стер им слюну с джинсов. Вставил ключ в замок зажигания и уже собрался завести мотоцикл, но тут заметил в зеркале свою разбитую физиономию. Нос не был сломан, но оба глаза почти заплыли, а щеки превратились в кровавое месиво.

Я запустил двигатель и оставил его работать на холостых оборотах, не снимая мотоцикл с подножки. Потом повернул фиксатор сбоку под сиденьем. Откинулась панелька, под которой у меня был спрятан итальянский стилет. Он оказался на месте.

Я постучал в дверь пакгауза рукояткой ножа. Услышал сердитый голос по ту сторону, ругающий незваного гостя, кто бы им ни был. Голос принадлежал Данде, и это меня порадовало.

Дверь открылась, и в проеме возник Данда, изрыгая проклятия. Я схватил его за грудки, прижал спиной к дверному косяку и уткнул стилет ему под ребра. Он попытался вырваться, но я нажал сильнее, острие пронзило кожу, и капелька крови появилась на его розовой майке.

– О’кей! О’кей! О’кей! – завопил он. – *Аррей, пагал хайн тум?*³⁶

Несколько его дружков двинулись в мою сторону. Я еще немного усилил нажим.

– Нет! Нет! – крикнул им Данда. – Не подходите, парни! Этот псих меня зарежет!

Они остановились. Не сводя глаз с лица Данды, я обратился к его боссу.

– Мои ножи, – пробормотал я, не в силах шевелить губами, окостеневшими, как ладонь каменщика. – Верните мои ножи.

Вишну не спешил реагировать. Данда обливался потом от страха. При этом чувствовалось, что неудовольствие босса страшит его даже больше, чем моя ярость.

Наконец Вишну приблизился, протягивая мои ножи. Я взял их одной рукой и засунул в чехлы на поясе, продолжая держать стилет у брюха Данды. Вишну взял его сбоку за рубашку и потянул внутрь помещения, но я не позволил ему это сделать, вновь надавив на нож. Лезвие углубилось в тело Данды на полсантиметра. Еще один сантиметр, и оно повредит внутренние органы.

– Пстой! Пстой! – панически взвизгнул Данда. – Из меня кровь хлещет! Он меня убьет!

– Что еще тебе нужно? – спросил Вишну.

– Расскажи мне о Пакистане, – сказал я.

Он засмеялся. Хорошо так засмеялся, от души. В другое время и в другой обстановке этот смех мог бы расположить меня к Вишну, не будь предшествующего знакомства с одним из предметов его пляжной мебели.

– Ты мне нравишься, и в то же время мне хочется тебя прикончить, – сказал он, поблескивая темными глазами. – У тебя редкий дар вызывать у людей самые противоречивые чувства.

– Расскажи мне о Пакистане, – повторил я.

– А ты и вправду совсем ничего не знаешь, так? – вздохнул Вишну, и его улыбка исчезла. – Мы видели, как ты ходил на собрание вашего совета, знаем о твоей поездке в Гоа и о других твоих делах. Потому мы и решили, что ты должен быть в курсе. Но они держат тебя в неведении, приятель. И тебе это однажды выйдет боком. Не говоря уже о том, что это... весьма унижительно, ты согласен?

– Твой человек загнется через секунду, если ты не ответишь на мой вопрос. Я хочу знать, из-за чего вся эта возня. Расскажи мне о Пакистане.

– Если я расскажу тебе все, что мне известно, ты передашь это Санджаю, – сказал он, подавляя зевок.

Над его правым глазом был тонкий, но довольно глубокий шрам. И сейчас Вишну задумчиво потирал его кончиком пальца.

– Это даст Санджаю преимущество, чего я допустить не могу. Кончай терзать Данду, садись на свой байк и уматывай. Если ты его убьешь, мне придется убить тебя. Он мой кузен, как-никак. А убивать тебя сейчас я не хочу. Я вообще не хочу никого убивать – по крайней мере, сегодня. Видишь ли, сегодня день рождения моей жены, намечается веселье, гости и все такое.

Он поднял голову и посмотрел на тяжелые тучи, которые постепенно затягивали небо-свод.

³⁶ Ты что, свихнулся? (*хинди*)

– Поторопись, – сказал он. – Мы думали, ты что-то знаешь, но выяснилось, что это не так. Когда ты узнаешь больше и захочешь поговорить, ты сможешь со мной связаться. И без обид – чего не бывает в жизни. Теперь, как говорят в таких случаях американцы, ты у меня в долгу.

– За тобой должок поболее, – сказал я, отпуская Данду и пятясь в сторону своего байка.

Он снова рассмеялся:

– Тогда будем считать, что мы квиты, и начнем расчеты с нуля. Когда возникнет желание встретиться, оставь записку в этом месте, и она обязательно дойдет до меня.

Глава 11

Люди, подвергшиеся избиению, реагируют на это по-разному. В те годы моя обычная реакция заключалась в следующем: разузнать как можно больше о тех, кто меня избил, и потом ждать, когда Судьба даст мне шанс поквитаться.

При побеге из австралийской тюрьмы мы с другом проделали дыру в потолке служебного кабинета, вылезли на крышу и среди бела дня спустились со стены на ту сторону. Между прочим, кабинет, в котором мы пробили дыру, принадлежал не кому-нибудь, а старшему тюремному надзирателю – человеку, руководившему незаконными и ничем не оправданными избиениями моего друга, меня самого и десятков других заключенных.

Я следил за ним многие месяцы. Я изучал его привычки и пристрастия. И я обнаружил, что он каждый день в одно и то же время примерно на семь минут покидает офис, оставляя дверь незапертой. Мы воспользовались его рабочим столом как подставкой, когда ломали потолок, выбираясь на волю. После нашего побега его с позором уволили, и Судьба взяла заслуженный отпуск.

Мне очень не нравится, когда меня бьют по лицу. И я хотел узнать побольше о людях, это делавших. Я хотел знать о них все.

Достигнув второго разрыва в разделительной полосе, я развернул мотоцикл и поехал обратно. Остановился в тени деревьев напротив пакгауза, по соседству с несколькими придорожными лавочками, и заглушил двигатель. Прохожие и лавочники тарасились на мое разбитое лицо, но поспешно отводили глаза, когда я поворачивался в их сторону. Через какое-то время ко мне приблизился ветошник – торговец всяким тряпьем для чистки машин и мотоциклов. Я приобрел самый длинный из имевшихся у него кусков материи, но, прежде чем расчитаться, попросил выполнить для меня несколько поручений.

Через пять минут он вернулся с упаковкой кодеина, лейкопластырем, бутылкой водки и двумя чистыми полотенцами.

Я заплатил ему за все, включая доставку, присел на краю дренажной канавы, промыл лицо смоченной в водке материей и промокнул сочащиеся раны чистым полотенцем.

Парикмахер, обслуживавший клиентов под развесистым деревом, одолжил мне зеркало. Я повесил его к ветке и обработал два самых серьезных рассечения на лице, после чего обмотал голову черной тряпкой, соорудив подобие афганского тюрбана.

Клиенты и приятели брадобрея, сидевшие на корточках в тени вокруг его кресла и наблюдавшие за моими действиями, кивками и покачиванием голов выражали разные степени сочувствия или неодобрения.

Я взял пустой стакан, плеснул в него добрую порцию водки и выпил залпом. Затем, держа стакан и бутылку в одной руке, надорвал зубами упаковку кодеина, вытряхнул четыре таблетки в стакан и до середины наполнил его водкой. Уровень одобрения среди зрителей заметно повысился. А когда я осушил стакан и передал им бутылку с оставшейся водкой, одобрение переросло в тихий восторг.

Я вернулся к своему мотоциклу, практически незаметному с проезжей части, и сквозь пожухлую, обожженную солнцем листву стал наблюдать за пакгаузом, на полу которого еще не высохла моя кровь.

Они появились все сразу, тесной группой, громко смеясь, хлопая по спине и поддразнивая доходягу с тонкими усиками – Данду. Потом уселись в два «амбассадора», вырулили на трассу и покатали в сторону Тардео.

Дав им фору в полминуты, я последовал за машинами, сохраняя приличную дистанцию, так чтобы меня нельзя было заметить в зеркале заднего вида.

Они проследовали через Тардео, затем миновали развязку перед оперным театром и выехали на длинный зеленый бульвар, идущий параллельно одной из главных железнодорожных линий города.

Машины остановились перед оградой особняка неподалеку от станции Чёрчгейт. Почти сразу же распахнулись высокие металлические ворота, они въехали внутрь, и ворота закрылись.

Я медленно прокатил вдоль тротуара, оглядывая фасад трехэтажного здания с высокими окнами. Деревянные ставни на всех окнах были закрыты. Запыленные кроваво-красные герани перекинулись через перила балкона второго этажа и свисали до ржавой решетки ограждения на первом этаже.

Закончив осмотр, я дал газу и влился в поток машин, двигавшийся к Чёрчгейтскому вокзалу мимо охряных, иссушенных солнцем лужаек Азад-майदानа.

Теперь моя ярость и страх выплеснулись на дорогу: я ответил на вызов города сумасшедшей ездой, протискиваясь, казалось бы, в непролазные щели между машинами, провоцируя на состязание и оставляя позади каждый второй байк.

Затормозил я только перед зданием колледжа, рядом с которым находился дом Санджая. Улицу заполняли веселые, хорошо одетые, явно следящие за новинками моды студенты – именно им суждено было стать надеждой этого города, да и всего нашего мира, хотя в те дни мало кто об этом задумывался.

– Ну ты даешь! – раздался голос за моей спиной. – Самый дикий белый гонщик во всем Бомбее! Я пытаюсь тебя догнать вот уже пять...

Это был Фарид, молодой гангстер, жестоко винивший себя в том, что не был с Кадербхаем до самого его конца в снежных афганских горах. Он осекся, когда я, поворачиваясь, стянул с головы импровизированный черный тюрбан.

– Черт возьми, старик! Что с тобой приключилось?

– Ты не знаешь, Санджай сейчас дома?

– Дома. Я это знаю точно. Давай зайдем к нему.

Пока я рассказывал обо всем случившемся Санджаю, сидя за стеклянным с позолотой столиком в гостиной, с лица его не сходило спокойное, едва ли не скучающее выражение. Он попросил меня повторить имена, которыми называли друг друга эти люди, и еще раз описать лица, которые я запомнил.

– Я этого ожидал, – сказал он.

– Ожидал? – изумился я.

– Тогда почему ты не предупредил Лина? – сердито спросил Фарид. – Или меня, чтобы я его подстраховал?

Ничего не ответив, Санджай встал и прошелся по комнате. На его красивом лице были заметны признаки преждевременного старения. Под глазами темнели впадины с резко очерченными краями. От уголков налитых кровью глаз веером разбегались морщины, теряясь в седине, которая уже покрыла виски и отдельными прядями пробивалась в глянцево-черной шевелюре.

Он чересчур много пил и предавался другим излишествах. Этот еще молодой человек, в одночасье вставший во главе криминальной империи, теперь быстро сжигал свою молодость.

– Как по-твоему, что им в действительности было нужно? – спросил он меня после долгой паузы.

– Откуда мне знать, если ты держишь меня в неведении? И что там за дела с Пакистаном? О чем еще ты не сказал мне перед поездкой в Гоа?

– Я сказал то, что тебе следовало знать! – отрезал Санджай.

– Но кое-что мне явно не помешало бы знать заранее, – возразил я. – Это ведь я, а не ты очутился в том пыточном кресле, Санджай.

– Вот именно, черт побери! – поддержал меня Фарид.

Санджай перевел взгляд на свои руки, лежавшие на стеклянной столешнице. Самым большим – и вполне обоснованным – из мучивших его кошмаров была кровавая бойня между двумя группировками, целиком уничтожающая одну из них и катастрофически ослабляющая другую. Любой вариант, кроме всеобщей бойни, он считал приемлемым. И это было единственным, в чем я полностью с ним соглашался, два последних года работая под его руководством.

– В этой игре на кон поставлены вещи, о которых вы не имеете представления и которые вы просто не поймете, – заявил он. – Я возглавляю эту Компанию. Я говорю вам обоим то, что вам нужно знать, и ничего больше. А на твое личное мнение мне плевать, Лин. Как и на твое, Фарид.

– Так тебе на меня плевать, Санджай?! – взвился Фарид. – И это все, что я заслужил?! А как насчет ответного плевка в рожу прямо здесь и сейчас?

Он угрожающе шагнул к Санджаю, но я задержал его, обхватив руками сзади.

– Не заводись, братишка Фарид, – сказал я. – Как раз этого и добиваются «скорпионы», как я понял из их разговоров, когда меня мутузили. Они хотят поссорить нас друг с другом.

– Плевать на *меня*?! – не унимался Фарид. – Ну-ка, повтори это, босс! Скажи это еще раз!

Санджай несколько мгновений молча смотрел на горячего молодого бойца, а потом его бесстрастный взгляд переместился на меня.

– Я хочу знать правду, Лин. Что ты им рассказал?

Тут настал мой черед выходить из себя. Ярость нахлынула волной, рот широко открылся, и из подсохших было ран потекла сукровица.

– Ты на что намекаешь, босс?

Он раздраженно нахмурился:

– Да ладно тебе, Лин. Это же реальный мир. Люди раскалываются и говорят. Что ты им рассказал?

Я до того разозлился, что был готов немедля выбить из него дух. Сейчас я злился на него даже сильнее, чем на людей, совсем недавно чуть было не выбивших дух из меня.

– Разумеется, он им ничего не сказал! – опередил мой ответ Фарид. – Его не в первый раз пытали, да все без толку. Так же когда-то пытали и меня. Да и тебя в свое время, Санджай. Может, хватит оскорблять людей подозрениями? Что с тобой вообще происходит, босс?

Судя по бешеному пламени во взгляде Санджая, тот находился уже на грани срыва. Фарид выдержал этот взгляд пару секунд, а потом отвел глаза. Санджай повернулся ко мне:

– Можешь идти, Лин. Рассказал ты им что-нибудь или нет, впредь об этом ни слова никому.

– Ни слова о чем, Санджай? О том, как они меня избивали? Сначала они грозятся меня прикончить, а потом вдруг отпускают. Разве не понятно, почему? Они хотели, чтобы я пришел к тебе вот в таком виде и произнес слово «Пакистан». Это послание, отправленное тебе. Я и есть послание. Этот Вишну, похоже, мастак на такие вещи.

– Как и я, – ухмыльнулся Санджай. – Я тоже пишу послания кровью. И сам определяю, кому и в каком виде их отправлять.

– Только *за меня* такой ответ посылать не нужно.

– Ты указываешь мне, что я должен делать? Да кем ты себя, на хрен, возомнил, чтобы мне указывать?

Внутри меня все кипело, я жаждал мести, но я не хотел, чтобы еще какой-нибудь посланец, подобно мне, сидел связанным в кресле и получал удары, забрызгивая кровью потолок.

– Не надо за меня мстить, босс. Придет время, и я сам с ними расплачусь.

– Ты будешь делать то, что тебе говорят, и не тебе выбирать для этого время.

– Я расплачусь с ними сам, Санджай, – повторил я твердо. – Сам выберу время и способ. И давай закроем эту тему до поры.

– Вон отсюда! – процедил сквозь зубы Санджай. – Оба. И не приходи ко мне, Лин, пока я сам тебя не позову. Пошли вон!

На улице Фарид меня задержал. Он был разъярен еще больше, чем я.

– Лин, – сказал он тихо, сверкая глазами, – мне до лампочки, что там говорит Санджай. Он слабак. Он никто. У меня не осталось ни капли уважения к нему. Мы позовем Абдуллу и пойдем на дело втроем. Пустим в расход этого Вишну и заодно этих поганых свиней, Данду и Ханумана.

Я улыбнулся, согреваемый его гневом, как дружеским теплом:

– Давай-ка не будем спешить. Всему свое время и место, братишка. Так или иначе, я еще встречусь с этими тварями, и, если мне потребуется твоя помощь, я дам знать, не сомневайся.

– В любое время дня и ночи, старина, – сказал он, пожимая мне руку.

Фарид уехал на своем мотоцикле, а я оглянулся на дом Санджая: еще один роскошный особняк в городе трущоб. Окна фасада прятались за ставнями из красной латуни, железные направляющие которых покрылись ржавчиной; увядающая живая изгородь вплотную примыкала к ограждению из стальных прутьев.

Этот особняк очень походил на тот, до ворот которого я проследил «скорпионов». Они были даже слишком похожи, эти два дома.

Можно уважать права и мнения человека, даже не будучи с ним знакомым. Но самого человека ты сможешь уважать лишь после того, как найдешь в нем что-то достойное этого слова.

Фарид невысоко ставил Санджая, да и другие члены совета относились к нему без особого почтения. Так же относился к Санджаю и я, притом что работал на него и находился под защитой Компании, носившей его имя. Для меня, как и для многих из нас, это было просто делом совести, но для Санджая потеря уважения означала потерю всего. Каждая криминальная группировка строится на иерархии авторитетов. А лидер группировки должен быть сродни верховному божеству...

Тучи висели низко – но почему не начинался дождь? Я чувствовал себя очень грязным. Окровавленным и грязным. И я находился в состоянии падения. Падало все вокруг меня, кроме дождевых капель. Сердце мое было не на месте, и я искал способ его вернуть.

Всего несколько недель назад, перед моим отъездом в Гоа, мир, казалось, вращался под совсем другими звездами. А теперь я увидел слабого лидера в окружении охранников-афганцев; я повидал четырнадцатилетнего юнца Тарика, стремящегося повелевать убийцами и ворами; этим утром меня подвергли пыткам под аккомпанемент слова «Пакистан»; я запутался в отношениях с Лизой, Карлой, Ранджитом – все изменилось за считанные недели, все теперь выглядело иначе.

Я заплутал. Я был весь в грязи и крови. Надо было искать выход из ситуации. Надо было прекратить падение. Я отвернулся от особняка Санджая и поехал прочь – пришла пора спускать еще один плот надежды в маленький океан минут, являвшийся моей жизнью.

Глава 12

Вернувшись домой, я обнаружил на кухонном столе записку от Лизы. Она меня не дождалась и уехала по разным делам с нашим общим другом Викрамом. Надеюсь по возвращении застать меня дома.

Расслабившись впервые с того момента, когда меня взяли в оборот люди Вишну, я запер дверь и прислонился спиной к стене. Так я простоял недолго. Колени подогнулись, я сполз по стенке и остался сидеть на полу.

Было всего два часа пополудни, но с начала дня я уже успел изготовить три фальшивых паспорта, пережить похищение, пытки и последующий тяжелый разговор с мафиозным боссом.

Я знал друзей, которые, оправившись после побоев, продолжали жить как ни в чем не бывало. У меня так никогда не получалось. На людях я мог сдерживаться и сохранять внешнее спокойствие, но стоило только остаться в одиночестве, за надежно запертой дверью, как эмоции лавиной прорывались наружу. В этот раз мне потребовалось немало времени на то, чтобы восстановить самоконтроль и унять мелкую дрожь в руках.

Я принял душ, потер лицо и шею мочалкой, смоченной сильным дезинфицирующим средством. Раны были чистыми, что немаловажно в тропическом климате, но они снова начали кровоточить. Залил их лосьоном после бритья. Возникшая при этом жгучая – до белых крупинок в глазах – боль побудила меня сделать заметку на будущее: когда наступит час расплаты с тонкоусым гаденышем Дандой, хорошо будет иметь под рукой такой же лосьон.

Кровоподтеки и рубцы были во всех местах, до которых добралась бамбуковая тросточка Данды. Точно такие же отметины я находил на своем теле во время заключения и видел на телах других эков в тюремной душевой.

Я отвернулся от зеркала, заставляя себя думать о чем-нибудь другом, – еще один метод успокоения нервов, освоенный мною в тюрьме. А через двадцать минут я снова был на мотоцикле, одетый во все чистое: джинсы, туфли, красная майка и жилет с карманами.

Я направлялся в трущобы через новый район на берегу Колабской бухты. Эту территорию люди годами отвоевывали у моря – метр за метром, камень за камнем. Теперь она была застроена высокими зданиями из стекла и бетона, накрывавшими драгоценную тенью широкие, обсаженные деревьями улицы.

Это был дорогой и престижный район, с пятизвездочным отелем «Президент» на стыке улиц, подобным фигуре на носу корабля, глубоко врезавшегося в береговую полосу. Шеренги магазинчиков, протянувшихся вдоль трех главных бульваров, щеголяли свежей покраской. Во многих витринах и окнах виднелись цветы. Слуги, сновавшие между жилыми апартаментами и магазинами, были одеты в свои лучшие сари и отбеленные рубашки.

Но когда главная дорога свернула влево, а затем вправо, огибая комплекс Всемирного торгового центра, картина изменилась. Деревья на обочинах попадались все реже и наконец исчезли совсем. Тени отступали, пока последняя тень от высотки не осталась позади.

А впереди солнечный жар, пробиваясь сквозь тучи, накрывал пыльно-серое море трущоб, где низкие крыши катились к рваному горизонту подобно волнам, порожденным тревогами и страданием.

Я припарковался, достал из кофров медикаменты и бросил монетку одному из крутившихся поблизости сорванцов, чтобы он присмотрел за мотоциклом. Настоящей необходимости в этом не было. Здесь никто ничего не крал.

Как только я углубился в трущобы по широкой песчаной тропе, в ноздри ударила вонь от открытых уборных, побудив меня дышать ртом – и по возможности неглубоко. За этим случился первый позыв к рвоте.

Последствия побоев также давали о себе знать. Солнце. Раны. Жара была слишком сильной. Покачнувшись, я сошел с тропы. Еще один рвотный позыв – и я, сложившись пополам и уперев руки в колени, изверг на заросли сорняков все, что еще оставалось в желудке.

Именно этот момент выбрали дети трущоб, чтобы с приветственными криками высыпать ко мне из боковых проходов. Столпившись вокруг, пока я продолжал конвульсивно корчиться над сорняками, они начали дергать меня за рубашку и выкрикивать мое имя:

– Линбаба! Линбаба! Линбаба!

Оправившись, я позволил детям вести меня вглубь трущоб. Мы двигались по неровным дорожкам, петлявшим меж лачуг из листов пластмассы, плетеных ковриков и бамбуковых шестов. За восемь месяцев сухого сезона лачуги покрылись таким толстым слоем песка и пыли, что походили на дюны в пустыне.

В дверных проемах виднелись ряды блестящих кастрюль и сковородок, развешенные гирляндами изображения богов и гладкие, утопанные земляные полы, свидетельствуя об аккуратности и упорядоченной жизни их обитателей.

Дети привели меня напрямик к дому Джонни Сигара, неподалеку от морского берега. Джонни, ныне являвшийся главным человеком в трущобах, родился и вырос на городских улицах. Его отцом был военный моряк, получивший временное назначение в Бомбей. Он бросил мать Джонни, когда узнал, что она забеременела, а вскоре покинул город на корабле, направлявшемся в Аден. С тех пор о нем не было никаких известий.

Отвергнутая своей семьей, мать Джонни перебралась в уличное поселение, построенное из пластиковых щитов вдоль тротуара близ Кроуфордского рынка. Джонни появился на свет среди шума, гама и суеты одного из крупнейших крытых рынков в Азии. С раннего утра до поздней ночи он слышал пронзительные вопли уличных торговцев и владельцев ларьков. Всю жизнь он провел на улицах или в тесноте трущоб и по-настоящему чувствовал себя в своей тарелке, только находясь среди шумной людской круговерти. В немногих случаях, когда я заставал его одиноко бродящим по берегу или сидящим за столиком чайной в период послеобеденного затишья, он выглядел каким-то потерянным, словно не знал, что делать, оказавшись наедине с собой. Зато в толпе он сразу становился центром всеобщего притяжения.

– Боже мой! – воскликнул он при виде моего лица. – Что с тобой приключилось, дружище?

– Это слишком долгая история. Как поживаешь, Джонни?

– Но, черт возьми, тебя же натурально измочалили!

Я нахмурился, и Джонни прекратил расспросы. Он хорошо меня изучил: мы полтора года прожили рядом в трущобах и с той поры оставались добрыми друзьями.

– О'кей, о'кей, *баба*. Присаживайся. Выпьем чаю. Сунил, неси чай! *Фатафам!*³⁷

Я сел на ящик из-под крупы, наблюдая за тем, как Джонни инструктирует группу молодых людей, которые занимались последними приготовлениями перед назревающим ливнем.

Когда прежний глава трущобного сообщества решил вернуться в свою родную деревню, он назначил Джонни Сигара своим преемником. Некоторые сомневались в том, что Джонни подходит на эту роль, но любовь и доверие к уходящему главе перевесили их возражения.

Это была работа на общественных началах, не дававшая человеку никакой власти, кроме той, которой он располагал в силу своего авторитета. За два года на этом посту Джонни показал себя справедливым судьей при разрешении всевозможных конфликтов и достаточно сильным лидером, чтобы пробуждать в людях древний инстинкт: стремление к лучшему.

Со своей стороны Джонни получал удовольствие от лидерства, а в тех случаях, когда спор казался неразрешимым, прибегал к радикальной мере: объявлял в трущобах праздничный день и закатывал вечеринку.

³⁷ Мигом! (*хинди*)

Эта система отлично работала и пользовалась популярностью. Немало людей перебрались в эти трущобы только потому, что здесь чуть не каждую неделю устраивались славные гуляния, дабы решить миром очередной конфликт. Жители других бедняцких кварталов также обращались к Джонни с просьбами выступить судьей в их спорах. И понемногу из рожденного на улице мальчишки вырос всеми уважаемый мудрец, этакий трущобный Соломон.

– Арун! Идите с Дипаком на берег! – кричал он. – Там вчера обрушилась часть дамбы. Восстановите ее, и побыстрее! А ты, Раджу, возьми ребят и двигай к дому Бапу. Его соседки-старухи остались без крыши – проклятые коты разодрали клеенку. У Бапу есть лишние щиты, помогите ему закрепить их на крыше. Всем остальным – расчищать сточные канавы. *Джалди!*³⁸

Нам подали чай, и Джонни сел рядом со мной.

– Коты... – простонал он. – Можешь мне объяснить, зачем в этом мире существует кошачье племя?

– Отвечу одним словом: мыши. Коты управляют с ними за милую душу.

– Да, с этим не поспоришь... Кстати, ты разминулся с Лизой и Викрамом, они недавно были здесь. Лиза уже видела тебя с таким лицом?

– Нет.

– Черт побери, дружище, как бы ее удар не хватил, *йаар*. Ты выглядишь так, словно по тебе проехался грузовик.

– Спасибо на добром слове, Джонни.

– На здоровье, – ответил он. – Да и Викрам тоже выглядит неважно. Должно быть, у него проблемы со сном.

Я знал, отчего Викрам неважно выглядит. Но обсуждать это мне не хотелось.

– Когда начнется, как по-твоему? – спросил я, глядя на темные, насыщенные влагой тучи.

Всем своим телом, до кончиков волос, я чувствовал близость дождя, который, однако, никак не желал начинаться, – первый дождь, прекраснейшее дитя муссона.

– Я думал, он пойдет сегодня, – ответил он, прихлебывая чай. – Я был в этом уверен.

Я тоже попробовал чай. Он был очень сладким, с добавлением имбиря, который помогал переносить духоту, сверх меры давившую на всех нас в эти последние дни лета. Имбирь смягчил боль от рассечений в полости рта, и я облегченно вздохнул.

– Хороший чай, Джонни, – сказал я.

– Да, хороший чай, – согласился он.

– Это индийский пенициллин.

– Но... в этом чае нет пенициллина, *баба*, – возразил Джонни.

– Нет, я имел в виду...

– Мы никогда не кладем пенициллин в чай, – заявил он с оскорбленным видом.

– Я не о том, – сказал я и попытался объяснить, хотя по прежнему опыту знал, что такая попытка безнадежна. – Это намек на старую шутку про куриный бульон – его называют «еврейским пенициллином».

Джонни с подозрением принюхался к своему чаю:

– Ты и впрямь... ты учуял в нем запах курятины?

– Да нет же, это шутка такая. В детстве я жил в еврейском квартале нашего городка, его называли Маленьким Израилем. И эту шутку там повторяли часто. Якобы евреи считают куриный бульон лучшим средством от всех болезней и травм. Скрутило живот? Покушай куриного бульончика. Болит голова? Покушай куриного бульончика. Получил пулю в грудь? Покушай куриного бульончика. А в Индии чай играет ту же роль, что для евреев куриный бульон. Что бы с тобой ни случилось, тебе предлагают крепкий чай как лечебное средство. Понимаешь?

Озадаченное выражение на его лице сменилось полуулыбкой.

³⁸ Быстро! (*хинди*)

– Тут неподалеку есть один еврейский человек, – сказал он. – Живет в колонии парсов в Кафф-Парейде, хотя он сам не парс. Кажется, его зовут Исаак. Позвать его сюда?

– Да-да! – воскликнул я с преувеличенным энтузиазмом. – Найди и приведи еврейского человека немедленно!

Джонни поднялся со стула.

– Ты подождешь его здесь? – спросил он, готовясь уходить.

– Нет! – выдохнул я с отчаянием. – Я ведь просто шутил, Джонни. Это была *шутка!* Конечно же, я не хочу, чтобы ты тащил сюда еврейского человека.

– Мне это не составит труда, – заверил он, озадаченно переминаясь с ноги на ногу и пытаясь понять, нужен ли мне на самом деле этот еврейский человек Исаак.

– Так когда, ты считаешь, начнется? – сменил я тему, снова глядя вверх.

Джонни расслабился и также посмотрел на тучи, наползавшие со стороны моря.

– Я думал, дождь пойдет сегодня, – ответил он. – Я был в этом уверен.

– Ну, если не сегодня, то завтра уж наверняка, – сказал я. – Перейдем к нашим делам, Джонни?

– *Джарур.* – И он направился к низкому входу в свое жилище.

Я вошел туда следом, прикрыв за собой фанерную дверь. Хижина представляла собой каркас из бамбуковых шестов, к которым крепились тонкие соломенные циновки, а земляной пол покрывали разноцветные плитки, образуя мозаичную картину: павлин с распущенным хвостом на фоне цветов и деревьев.

Шкафы были под завязку набиты продуктами. Металлический платяной шкаф, недоступный для крыс, считался в трущобах очень ценным предметом мебели. На верху кухонного шкафчика, также металлического, стояла аудиосистема, работавшая от батареек. Главной гордостью жилища, безусловно, являлась трехмерная картина с изображением распятого Христа. Новые матрасы в цветочек были скатаны и убраны в угол.

Эти признаки относительной роскоши указывали на статус Джонни и на его финансовое благополучие. В качестве свадебного подарка я дал ему деньги на покупку небольшой квартиры в соседнем районе Нейви-Нагар, чтобы он стал законным владельцем жилья и смог избавиться от неопределенности и всяческих треволнений, связанных с нелегальным статусом.

Джонни поступил иначе. При содействии своей предприимчивой супруги Зиты, дочери владельца чайной, он использовал новую квартиру в качестве обеспечения по кредиту, а потом сдал ее в аренду на выгодных условиях. Кредит был потрачен на покупку трех лачуг, которые он также сдавал в аренду по рыночной цене, а сам жил припеваючи в том же самом трущобном проулке, где мы с ним когда-то познакомились.

Джонни начал перекладывать разные предметы, освобождая мне место для сидения, но я его остановил:

– Спасибо, брат. Спасибо, но у меня нет времени. Надо найти Лизу. Я сегодня весь день оказываюсь на шаг позади нее.

– Лин, брат мой, ты *всегда* на шаг позади этой девушки.

– Наверно, ты прав. Вот, держи.

Я вручил ему сумку с медикаментами, ранее переданную мне Лизой, а также – от себя лично – свернутые в тугой рулон и перехваченные резинкой купюры. Этих денег должно было с лихвой хватить на двухмесячное содержание пары молодых фельдшеров, работавших в бесплатной трущобной клинике. Излишек предназначался для покупки новых бинтов и лекарств.

– Есть еще просьбы? – спросил я.

– Ну, вообще-то... – неуверенно начал он.

– Выкладывай.

– Анджали, дочка Дилипа, сдала экзамены.

– Что ж, она способная девочка. И каков результат?

– Самый лучший. Причем лучший не только в ее классе, но и во всем штате Махараштра.
– Это же здорово!

Я знавал Анджали еще двенадцатилетней девчонкой, когда она временами помогала мне в клинике. Уже в том возрасте она выказывала феноменальную память и коммуникабельность: держала в голове имена всех наших пациентов – а это сотни людей – и с каждым из них подружилась. Впоследствии, периодически посещая трущобы, я видел, как она растет и как быстро всему учится.

– Но одного только ума недостаточно для успеха здесь, в Индии, – вздохнул Джонни. – Секретарь в университете требует бакшиш, двадцать тысяч рупий.

Он произнес это просто, без раздражения. Таковы были обстоятельства жизни, точно так же как снижающиеся уловы местных рыбаков или постоянно растущее число машин и мотоциклов на когда-то спокойных улицах.

– Сколько у вас есть?

– Пятнадцать тысяч, – сказал он. – Мы собирали деньги всем миром, от разных каст и религий. Лично я дал пять тысяч.

Это был существенный вклад. Я знал, что Джонни не получит эти деньги обратно раньше чем через три года.

Я вытащил из кармана рулон долларов. В ту пору бешеного спроса на валюту я всегда имел при себе наличные как минимум пяти стран: немецкие марки, швейцарские франки, фунты стерлингов, доллары и риалы. На сей раз в рулоне было триста пятьдесят баксов. По курсу черного рынка их как раз хватало, чтобы покрыть недостачу в «университетской взятке» для Анджали.

– Лин, а ты не думаешь... – начал Джонни, рассеянно похлопывая купюрами по своей ладони.

– Нет.

– Я знаю твои правила, Линбаба, но это нехорошо: давать деньги, не сообщая об этом людям. Они должны знать, кто им помогает. Я, конечно, понимаю, что анонимный дар, без похвалы и благодарности, вдесятеро ценнее в глазах Бога. Однако Бог – да простит Он меня за мое ничтожное мнение – не всегда спешит отблагодарить человека за доброе дело.

Джонни Сигар был примерно одного роста и веса со мной, и в его манере держаться присутствовал некий вызов, что характерно для человека, частенько и основательно ставящего на место глупцов. С вытянутым, всегда серьезным лицом и седой щетиной на подбородке, он выглядел несколько старше своих тридцати пяти лет. Песочного цвета глаза глядели на мир вдумчиво и настороженно.

Он был заядлым читателем, особенно налегая на труды по нравственному совершенствованию. Каждую неделю он поглощал как минимум одну такую книгу, которую затем безуспешно навязывал друзьям и соседям.

Я им искренне восхищался. Джонни был одним из тех людей – из тех друзей, – сам факт знакомства с которыми возвышает тебя в собственных глазах. Странно и нелепо, но что-то мешало мне прямо сказать ему об этом. Я не раз хотел это сделать. Бывало, уже начинал, но так и не смог произнести нужные слова.

Мое сердце изгоя в то время было полно сомнений, неуверенности и скептицизма. Я всей душой привязался к Кадербхаю, но тот использовал меня как пешку в своей игре. Я отдал свое сердце Карле, единственной женщине, которую по-настоящему любил, но та воспользовалась этой любовью, чтобы втянуть меня в орбиту влияния того же Кадербхая, которого она, как и я, называла отцом. Я провел два года на улицах этого города и видел, как он превращается в цирк под открытым небом, где богачи порой унижаются перед нищими, а преступление подлаживается под наказание. Душой я был старше, чем следовало, и слишком отдалился от людей, меня любивших. Лишь очень немногих я подпустил к себе близко, но и с ними никогда не мог быть

столь же открытым, какими они бывали со мной. Я не привязывался к ним так сильно, как они ко мне, потому что знал: рано или поздно мне придется их покинуть.

– Не будем об этом, Джонни, – сказал я негромко.

Он снова вздохнул, спрятал деньги в карман и вместе со мной вышел наружу.

– А почему еврейские люди кладут пенициллин в свой куриный бульон? – спросил он, разглядывая тучи.

– Это была шутка, Джонни.

– Я к тому, что эти еврейские люди чертовски умны, *йаар*. Если они кладут пенициллин в куриный бульон, у них для этого должна быть очень важная...

– Джонни, – прервал я его, – я тебя люблю.

– И я тебя люблю, дружище, – сказал он, ухмыляясь. И обнял меня так крепко, что заныли свежие раны на плечах и руках.

Покидая труппы, я все еще чувствовал силу его объятий и запах кокосового масла от его волос. Тяжелые тучи накрыли преждевременной вечерней тенью усталые лица рыбаков и прачек, возвращавшихся домой после трудового дня. Но белки их глаз излучали мягкий золотисто-розовый свет, когда они мне улыбались. А улыбались при встрече все без исключения, каждый из них, и капли пота на их лбах сверкали, подобно драгоценным коронам.

Глава 13

Едва окунувшись в галдящую и хохочущую атмосферу «Леопольда», я начал высматривать Лизу и Викрама. Их я не увидел, зато встретился взглядом с моим другом Дидье. Он сидел за столиком в компании Кавиты Сингх и Навина Адэра.

– Наверняка это ревнивый муж! – завопил Дидье при виде моего разбитого лица. – Лин, я тобой горжусь!

– Жаль тебя разочаровывать, – сказал я, пожимая руки ему и Навину, – но я всего лишь поскользнулся в душе.

– Похоже, душ крепко дал тебе сдачи, – заметил Навин.

– А ты у нас теперь детектив по сантехническим проблемам?

– Что бы то ни было, мне приятно видеть печать греха на твоём лице, Лин, – заявил Дидье, взмахом подзывая официанта. – Это необходимо отпраздновать.

– Настоящим объявляю заседание Клуба анонимных грешников открытым! – провозгласила Кавита.

– Привет, меня зовут Навин, – подхватил тему молодой детектив, – и я грешен.

– Привет, Навин! – дружно отозвались мы.

– С чего бы начать... – Навин рассмеялся.

– Сойдет любой из грехов, – поощрил его Дидье.

Навин задумался над предстоящей исповедью.

– А тебе идет этот новый облик, – сказала мне Кавита.

– Могу поспорить, ты говоришь то же самое при виде любого фингала.

– Только если сама поставила.

Кавита – красавица, умница и талантливая журналистка – имела склонность к особам своего пола и была одной из очень немногих женщин в городе, не боявшихся открыто заявлять о своей ориентации.

– Кавита, Навин никак не может признаться в своих грехах! – громко посетовал Дидье. – Может, хоть ты расскажешь нам что-нибудь о своих?

Она рассмеялась и начала бойко перечислять таковые.

– Этот твой скользкий душ, – тихо сказал Навин, наклонившись ко мне, – сработал очень профессионально.

Я быстро взглянул на него. Он понравился мне при первом знакомстве, однако он был человеком со стороны, и я не знал, можно ли ему доверять. Откуда ему известно, что меня бил профессионал?

Он прочел эту мысль на моем лице и улыбнулся.

– Следы ударов, слева и справа, ложатся очень плотно, – пояснил он все так же вполголоса. – Однако глаза не заплыли полностью. Били со знанием дела и с таким расчетом, чтобы ты после побоев мог видеть. Этак сумеет не каждый. На запястьях следы от веревок. Нетрудно догадаться, что тебя связали и кто-то грамотно над тобой потрудились.

– Что ж, в этом есть доля правды.

– Правда в том, что я обижен.

– Обижен? Ты-то почему?

– Потому что ты не взял меня на разборки.

– К сожалению, карты сдавал не я.

Он улыбнулся:

– Но ведь будет новая партия, так?

– Пока не знаю. А тебе что, больше нечем заняться?

– В другой раз, как соберешься на игру, включи меня в свою команду.

– У меня все в порядке, – сказал я. – Но спасибо за предложение.

– Эй вы там! – позвал Дидье, когда хмурый официант шмякнул поднос с напитками на наш столик. – Хватит шептаться, сладкая парочка! Если вы не можете похвастаться тайной связью или обманутым мужем, выставляйте на обсуждение любой другой из своих грехов.

– И я за это выпью, – поддержала Кавита.

– Ты знаешь, почему грех находится под запретом? – спросил ее Дидье, поблескивая голубыми глазами.

– Потому что он доставляет удовольствие? – предположила Кавита.

– Потому что он выставляет в глупом виде ханжей и святош, – сказал Дидье, поднимая стакан.

– Я скажу тост! – объявила Кавита, чокаясь с Дидье. – За садомазо-радости с путами и битьем!

– Годится! – воскликнул Дидье.

– Поддерживаю, – сказал Навин.

– Я пас, – сказал я.

День выдался не самым подходящим для тостов за битье – у меня, во всяком случае.

– Ладно, Лин, – фыркнула Кавита. – Тогда, может, предложишь свой вариант?

– За свободу во всех ее видах, – сказал я.

– Снова поддерживаю, – сказал Навин.

– Дидье всегда готов выпить за свободу, – сказал Дидье, салютуя стаканом.

– Хорошо, – сказала Кавита и чокнулась с нами. – За свободу во всех ее видах.

Мы еще не успели допить, когда рядом возникли Конкэннон и Стюарт Винсон.

– Привет, старина, – сказал Винсон, протягивая мне руку с добродушной улыбкой. – Что за фигня с тобой приключилась?

– Кто-то надрал его сраную задницу, – хохотнув, изрек Конкэннон с протяжным северо-ирландским прононсом. – И его харе тоже нехило досталось. На что ты, в натуре, нарвался, чувак?

– У него возникли проблемы с душем, – сообщила Кавита.

– Проблемы с душем, вот как? – ухмыльнулся Конкэннон, нависая над ней. – А у тебя с чем проблемы, дорогуша?

– Сначала ты скажи о своих, – ответила Кавита.

Он ухмыльнулся с победительным видом:

– Я? У меня проблемы со всем, что мне пока что не принадлежит. Ну а поскольку я вынул kota из мешка, то и ты выкладывай. Повторяю: в чем твои проблемы?

– У меня проблемы с излишней привлекательностью. Но я лечусь.

– Я слышал, терапия отвращения очень помогает, – сказал Навин, в упор глядя на Конкэннона.

Тот обвел взглядом всех нас, громко рассмеялся, а потом завладел двумя стульями от соседнего столика, не спросив позволения у тамошней компании, и толчком усадил на один из них Винсона. Второй стул он развернул задом наперед и оседлал его, положив массивные руки на спинку.

– Что будем пить? – спросил он.

Только сейчас я заметил, что Дидье не заказал выпивку, хотя это было в его правилах, когда кто-нибудь подсаживался к нему в «Леопольде». Вместо этого он пристально смотрел на Конкэннона. В последний раз, когда я видел у Дидье такой взгляд, в его руке вместо стакана был пистолет – и через полминуты он спустил курок.

Я поднял руку, подзывая официанта. Когда напитки были заказаны, я попытался отвлечь Дидье, переключив внимание на Винсона:

– Зато ты прямо-таки сияешь, Винсон.

– Я чертовски счастлив, – заявил американец. – Мы только что сорвали куш. Как с куста. Мне типа крупно подфартило. То есть *нам* подфартило – мне и Конкэннону. Так что вся выпивка за наш счет!

Принесли выпивку, Винсон расплатился, и мы подняли стаканы.

– За удачные сделки! – сказал Винсон.

– И за тюфяков, которых так приятно надувать, – подхватил Конкэннон.

Зазвенели стаканы, но Конкэннон и тут не преминул опозлать тост.

– По десять тысяч баксов на рыло! – объявил он, вмиг осушив свой стакан и стукнув им по столу. – Охрнительное чувство! Это как кончить в рот богатенькой сучке!

– Эй, Конкэннон! – сказал я. – Попридержал бы язык.

– Это уже лишнее, – добавил Винсон.

– Что? – спросил Конкэннон, удивленно разводя руками. – Что не так?

Он повернулся к Кавите, одновременно наклоняя свой стул в ее сторону.

– Ну же, дорогуша, – сказал он, расплываясь в улыбке, как будто приглашал ее на танец. – Только не ври, что не имеешь опыта по этой части. С твоим-то личиком и такой фигурой!

– Может, поговоришь об этом *со мной*? – произнес Навин сквозь стиснутые зубы.

– Или ты у нас долбаная лесбиянка? – продолжил Конкэннон и загоготал, раскачиваясь так сильно, что стул под ним едва не опрокинулся.

Навин начал вставать, но Кавита прервала это движение, положив ладонь ему на грудь.

– Ради бога, Конкэннон! – быстро заговорил Винсон, удивленный и сконфуженный. – Да что на тебя нашло? Ты привел мне жирного клиента, мы по-легкому срубили бабла, и теперь самое время типа веселиться и праздновать. Кончай уже цепляться к людям и оскорблять всех подряд!

– Ничего страшного, – сказала Кавита, невозмутимо глядя на Конкэннона. – Я верю в свободу слова. Если ты до меня дотронешься, я отрежу тебе руку. Но пока ты просто сидишь тут и несешь идиотскую чушь, продолжай в том же духе, меня оно не волнует.

– Ага, так ты и впрямь лизальщица мокрощелок, – ухмыльнулся Конкэннон.

– Собственно говоря... – начала Кавита.

– Собственно говоря, – перехватил инициативу Дидье, – это не твое собачье дело.

Ухмылка Конкэннона окаменела. Глаза мерцали, как отблески солнца на раздутом капюшоне кобры. Он повернулся к Дидье с недвусмысленно угрожающим видом. Стало ясно, что его грубость по отношению к Кавите имела целью спровоцировать Дидье.

И это сработало. В глазах Дидье пылало пламя цвета индиго.

– Ты бы лучше попудрил носик и переоделся в платье, милашка! – прорычал Конкэннон. – Всех вас, поганых гомиков, надо заставить носить платья, чтобы нормальные люди сразу вас видели. Если тебя имеют, как женщину, ты обязан носить женскую одежду.

– О чести тут говорить не приходится, – произнес Дидье, не повышая голоса, – но хотя бы смелости тебе, надеюсь, хватит, чтобы обсудить эту тему с глазу на глаз. Снаружи.

– Долбаный извращенец! – прошипел Конкэннон, почти не разжимая губ.

Мы вскочили одновременно. Навин протянул руку, намереваясь взять Конкэннона за грудки. Мы с Винсоном вклинились между ними, и с разных концов бара к нам поспешили официанты.

В те годы официанты «Леопольда» проходили особый тест перед приемом на работу: каждый из них, надев боксерские перчатки, должен был в закутке позади бара выстоять как минимум две минуты против очень большого и очень крутого метрдотеля-сикха – и только выстояв, он получал это место.

И вот теперь с десятков этих официантов, по указке большого и крутого сикха, ринулись к нашему столу.

Конкэннон быстро огляделся, оценивая ситуацию. Его рот расплылся шире, демонстрируя оскал неровных желтоватых зубов. Официанты смотрели на него выжидающе.

Несколько секунд Конкэннон слушал свой внутренний голос, призывавший его вступить в бой и погибнуть. Для иных людей такой голос – сладчайший из всех ими слышимых. Но затем инстинкт самосохранения взял верх над природной злобностью, и он попятился, норовя выбраться из кольца официантов.

– Знаете что? – сказал он, отступая. – В гробу я вас видал! Всех вас видал в гробу!

– Да что такое на него нашло? – пробормотал Винсон после того, как Конкэннон покинул бар, попутно толкая и ругая всех встречных.

– Это же очевидно, Стюарт, – сказал Дидье, в то время как мы медленно занимали свои места. Он был единственным из нас, кто не поднялся со стула, – и единственным, сохранившим внешнее спокойствие.

– Но только не для меня, старина, – сказал Винсон.

– Я сталкивался с этим явлением много раз и во многих странах, Стюарт. Этот человек испытывает почти непреодолимое влечение ко мне.

Винсон захлебнулся пивом, разбрызгав его по всему столу. Кавита зашлась в хохоте.

– Ты намекаешь на то, что он голубок? – усмехнулся Навин.

– А что, обязательно быть геем, чтобы дружить с Дидье? – Он взглянул на Адэра, как наждаком прошелся.

– О'кей, о'кей, – извинился Навин.

– Не думаю, что он гей, – сказал Винсон. – Он ходит к проституткам. Скорее он просто типа шизик.

– С этим не поспоришь, – сказала Кавита, помахивая стаканом перед его озадаченной физиономией.

Свити, державшийся от свары подальше, теперь подошел и мазнул грязной тряпкой по нашему столу в знак того, что готов принять очередной заказ. Затем он поковырял в горбатом носу средним пальцем, вытер его о свою куртку и шумно вздохнул.

– *Аур куч?*³⁹ – спросил он с угрожающей интонацией.

Дидье уже было собрался сделать заказ, но я его остановил.

– Без меня, – сказал я, вставая и проверяя наличие в карманах ключей.

– Нет, погоди! – запротестовал Дидье. – Еще по одной, идет?

– Я и последнюю не допил. Мне еще надо доехать до дома.

– И я с тобой, ковбой, – сказала, также поднимаясь, Кавита. – Обещала Лизе заглянуть к вам в гости. Подбросишь меня?

– С удовольствием.

– Но... разве гей может ходить к проституткам – в смысле, регулярно? – спросил Винсон, наклоняясь к Дидье.

Дидье шелкнул зажигалкой и секунду смотрел на тлеющий кончик сигареты, а затем ответил Винсону:

– Неужели ты не слышал, Стюарт? Гей может делать абсолютно все, что только пожелает.

– Как это? – растерялся Винсон.

– Чем меньше знаешь, тем лучше спишь, – сказал я, обмениваясь улыбками с Дидье. – И я лучше поеду домой вместе со своим незнанием.

Мы с Кавитой покинули бар, пробрались через толчею посетителей у входа и дошли до моего мотоцикла, оставленного на ближайшей парковке. Я уже вставил ключ в замок зажигания, когда очень сильная рука ухватила меня за предплечье. Это был Конкэннон.

– Вот ведь сраный гомик, а? – сказал он с широченной улыбкой.

³⁹ Что еще? (*хинди*)

- Что?
- Я об этом французском гомике.
- У тебя с головой совсем плохо, ты в курсе, Конкэннон?
- Не буду с этим спорить. Я вообще не хочу спорить. Мне удачно привалило бабла. Десять кусков. Приглашаю тебя гульнуть.
- Я еду домой, – сказал я, высвобождая свою руку.
- Да ладно тебе, это будет весело! Давай гульнем на пару, ты и я. Ввяжемся в славную драку. Найдем каких-нибудь реально жестких уродов и отметелим их в хлам. Давай веселиться, чувак!
- Предложение заманчивое, но...
- У меня есть эта новая ирландская музыка, – быстро сказал он. – Офигенный музон! Знаешь, что хорошо делать под ирландскую музыку? Бить морды. Для мордобоя она самое то.
- Я пас.
- Да ладно тебе! Хотя бы просто послушай музыку и выпей со мной за компанию.
- Нет.
- Этот французишка – долбаный пидор!
- Конкэннон...
- Ты и я, – сказал он, смягчая тон и вымучивая новую улыбку, больше похожую на гримасу боли. – Мы с тобой очень похожи, ты и я. Я тебя понимаю. Я тебя знаю.
- Ты меня совсем не знаешь.
- Он издал глухое рычание, замотал головой и сплюнул на землю:
- Меня бесит этот пидор. Сам подумай: если все в мире уподобятся ему, человечество просто сойдет в могилу.
- Если все в мире уподобятся тебе, Конкэннон, туда человечеству и дорога.
- Пожалуй, я произнес это слишком резко и вызывающе. Однако я любил Дидье, и у меня выдался долгий и тяжелый день, после которого терпеть общество Конкэннона было сверх моих сил.
- В глазах его вспыхнула кровожадная ярость. Я без проблем выдержал этот взгляд – после сегодняшних пыток одним грозным видом меня было не пронять, пусть тарашится сколько угодно.
- Я завел байк, убрал подножку и подождал, пока Кавита не пристроится сзади. Мы поехали прочь, не оглядываясь.
- Этот тип, – прокричала она, касаясь губами моего уха, – свихнулся вконец, *йаар*.
- До этого я общался с ним только один раз, – крикнул я в ответ, – и тогда он показался мне хамом, но не психом.
- Должно быть, его котелок дал течь, – предположила Кавита.
- То же самое можно сказать о многих из нас, – ответил я.
- Говори за себя, – рассмеялась Кавита. – Мой котелок прочен и полон, как рог изобилия.
- Я не смеялся. В памяти засел тот последний взгляд Конкэннона. И много позже – уже после того, как я, с поцелуями извинившись перед Лизой и постаравшись развеять ее тревоги, сидел на шатком табурете в ванной, пока она промывала и перевязывала мои раны, – передо мной неотступно маячили глаза Конкэннона, подобно зловещим огонькам в глубине пещеры.
- А Лину очень к лицу следы побоев, – заявила по нашем выходе из ванной Кавита, уютно разместившаяся на диване. – Пожалуй, ему надо хотя бы раз в месяц платить кому-нибудь за обновление фингалов. Впрочем, у меня есть пара знакомых девиц, которые сделают это бесплатно.
- Тут не до шуточек, Кавита, – сказала Лиза. – Ты посмотри на него. Это типа автомобиля, с разгона въехавшего в стену.

– Увольте, – сказала Кавита. – Такое сравнение мне не по душе, даже вообразить не хочу. Лиза нахмурилась, покачала головой и повернулась ко мне, положив руку на мой затылок:

– Может, все-таки расскажешь, что с тобой приключилось?

– Приключилось? Со мной?

– Ты точно ненормальный, – заявила она, имитируя подзатыльник. – Ты хоть что-нибудь сегодня ел?

– Да как-то... не успел, совсем замотался.

– Кавита, не займешься ужином? Я сейчас слишком взвинчена, чтобы готовить.

Кавита приготовила мой любимый пряный суп *дал*, а также *алу-гоби* – мешанину из картофеля и цветной капусты со специями. Оба блюда удались на славу, и, только приступив к еде, я осознал, как сильно проголодался. Мы быстро подчистили тарелки, после чего уселись смотреть фильм.

Это была картина Кончаловского «Поезд-беглец»⁴⁰ по сценарию Куросавы, с Джоном Войтом, без страха несущимся в белую мглу, которая поджидает всякого изгоя на горизонте его отчаянных устремлений.

Кавита определила этот жанр как «тестостероновый терроризм» и настояла на повторном просмотре, но уже с выключенным звуком; при этом мы сами должны были подавать реплики за героев. Так мы и сделали, вволю нахохотавшись над собственной версией озвучки.

Я добросовестно играл свою роль, неся пародийную околесицу за персонажей, которых поручила мне Кавита; но по мере того, как поезд-беглец снежным призраком освещал затемненную комнату, память обрушивала на меня другие сцены и лица из другого полутемного помещения, где я побывал ранее этим долгим днем.

Когда Лиза вставила в плеер новую кассету, я поднялся, взял со столика ключи и засунул пару ножей в чехлы под рубашкой.

– Ты куда это собрался? – спросила Лиза, пристраиваясь на диване рядом с Кавитой.

– Надо кое-что сделать, – сказал я и наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку.

– Какие могут быть дела в это время? – рассердилась она. – Мы сейчас будем смотреть другой фильм! Теперь уже по моему выбору. Это несправедливо, что ты заставил меня смотреть свой «тестостероновый терроризм», а сам уклоняешься от просмотра моего «эстрогенового экстаза».

– Пусть идет, – сказала Кавита, теснее к ней прижимаясь. – Устроим девичник на двоих. В дверях гостиной я задержался:

– Если я сегодня не вернусь, не спеши выносить мои вещи, потому что я всегда возвращаюсь.

– Очень трогательно, – сказала Лиза. – Ты в детстве не собирал проштампованные марки?

– Лучше не отвечай на этот вопрос, Лин, – засмеялась Кавита.

– У нас дома было много марок, – сказал я, – только в основном акцизных, на папашиных бутылках... Кстати, еще такой вопрос: вы не считаете меня угрюмым ворчуном?

– Что?! – спросили они хором.

– Недавно один юнец назвал меня угрюмым ворчуном. Я был порядком озадачен. Неужели я вправду ворчун, да еще и угрюмый?

Лиза с Кавитой хохотали буквально до упаду: обе так катались по дивану, что свалились с него на пол. А когда они чуть поутихли и увидели выражение моего лица, новый взрыв смеха превзошел по громкости предыдущий, а их ноги конвульсивно замолотили воздух.

– Да хватит уже, что в этом такого смешного?

⁴⁰ «Поезд-беглец» (1985) – криминальная драма, в которой двое заключенных совершают побег из тюрьмы строгого режима, что переключается с биографией героя романа (а также его автора).

Они завопили, умоляя меня не продолжать.

– Спасибо за внимание, – раскланялся я, – вы прекрасная публика.

Хохот все еще доносился из окон сверху, когда я заводил мотоцикл и выезжал со двора, чтобы направиться по Марин-драйв в сторону Тардео.

Час был уже поздний, и улицы почти опустели. Запах железа и соли – крови моря – срывался с гребней волн, постепенно угасавших после входа в широкий створ бухты. И полночный бриз заносил этот запах в каждое открытое окно на бульваре.

Массивные черные тучи клубились так низко, что я, казалось, мог дотянуться до них рукой, не слезая с мотоцикла. Зарницы безмолвно расплескивались по горизонту, разрывая покровы ночи и с каждой серебристой вспышкой выхватывая из темноты причудливо изменчивые облачные контуры.

После восьми сухих месяцев душа города стосковалась по дождю. И сердца горожан, равно спящих и бодрствующих, бились учащенно в предчувствии скорого ливня. В каждом пульсе, молодом и старом, уже слышался барабанный ритм дождевых капель, которые вот-вот застучат по мостовым и крышам; каждый вздох становился частью освежающего ветра, который пригнал сюда эти тучи.

Я остановился на въезде в пустынный проулок. На ближайших дорожках не было ни одного пешехода; в последний раз я заметил людей метрах в трехстах отсюда, да и те спали рядом с тележками на обочине.

Я выкурил сигарету и подождал, оглядывая тихую улицу. Убедившись, что вся округа погружена в сон, я поднес носовой платок к баку мотоцикла и, на секунду отсоединив топливный шланг, пропитал платок бензином. Затем направился к пакгаузу, в котором меня недавно избивали, взломал висячий замок на двери и проскользнул внутрь.

До желто-зеленого шезлонга я добрался, освещая путь зажигалкой. Заметил в стороне пустой ящик, переставил его поближе к шезлонгу и сел, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте. Постепенно я начал различать отдельные предметы вокруг, в числе которых обнаружилась свернутая в плотную бухту веревка из кокосового волокна – та самая, кусками которой меня привязывали к креслу.

Поднявшись, я начал отматывать веревку, запихивая ее под шезлонг, пока вместо плотной бухты не образовалась большая рыхлая куча. В середину этой кучи сунул свой облитый бензином платок.

Вокруг было полно всяких картонных коробок, старых телефонных книг, промасленной ветоши и прочих горючих материалов. Я соорудил из них «мостик» между шезлонгом и скамьями, на которых были разложены инструменты, и полил все это разными воспламеняющимися жидкостями из бутылок и банок, какие только смог отыскать среди хлама.

Покончив с приготовлениями, я поджег носовой платок. Пламя вспыхнуло мгновенно и вскоре начало пожирать веревку. Потом занялось синтетическое волокно кресла, и помещение наполнил густой вонючий дым. Я подождал, когда огонь доберется по «мостику» до скамей, и выбрался на улицу, прихватив тяжелый газовый баллон для сварки.

Баллон я бросил в сточную канаву, подальше от начинавшегося пожара, после чего неспешно вернулся к своему мотоциклу.

Отблески играли в окошках пакгауза, как будто внутри происходила какая-то буйная, но безмолвная вечеринка. Потом раздался небольшой взрыв, – должно быть, рванула канистра с клеем или краской. Что бы то ни было, после взрыва пламя разом поднялось до стропил, и первые его языки вместе с оранжевыми хлопьями пепла вырвались наружу, в сырой ночной воздух.

Из близлежащих домов и придорожных лавчонок стали выбегать люди. Они спешили на помощь, однако помочь ничем не могли из-за элементарной нехватки воды. Одно уте-

шало: фактически уже обреченный пакгауз стоял на отшибе и огню было сложно перекинуться на другие здания.

Толпа росла, и вскоре сюда примчались на велосипедах торговцы чаем и бетелем, дабы сбывать свой товар среди зрителей. Не слишком сильно от них отстали пожарные и полицейские.

Огнеборцы раскатали длинные шланги и начали поливать стены горящего здания, но струи воды были слишком слабыми, чтобы сбить пламя. Копы прошлись бамбуковыми палками по спинам особо ретивых зевак, после чего расположились на комфортном удалении от огня и подозвали к себе разносчиков чая.

Ситуация начала меня тревожить. Я всего лишь собирался спалить место, где меня пытали, и вплоть до этого самого момента идея казалась мне очень удачной. Вишну хотел, чтобы я оставил ему послание, – и вот оно, получи: пожар был моим посланием, наглядным и недвусмысленным. Но в мои планы отнюдь не входило распространение огня на всю округу.

Пожарные в медных касках, похожих на шлемы афинских гоплитов, были бессильны. Казалось, еще чуть-чуть – и языки пламени доберутся до ближайшего здания.

Вдруг мощнейший удар грома раскатился над окрестностями. Задребезжали стекла во всех окнах. Вдрогнуло каждое сердце. А за этим ударом, раскалывая небеса, последовали новые и новые, нагоняя на людей такой страх, что многие из собравшихся – родные, соседи и даже незнакомцы – инстинктивно прижались друг к другу.

Гигантская молния ярко осветила тучи прямо над нашими головами. Собаки, поджав хвосты, в панике заметались под ногами людей. Порыв холодного ветра, как стальной клинок, пронзил душную ночь – и тонкую ткань моей рубашки. Этот ветер стих так же внезапно, как появился, а вслед за ним по улице прокатилась шелестящая волна теплого воздуха, перенасыщенного влагой, как водяная взвесь над морским прибором.

И хлынул ливень. Вмиг все вокруг стало текуче-распывчатым, как будто наблюдаемое сквозь темный кашемировый занавес. Сезон дождей начался.

Люди в толпе содрогнулись при падении первых капель, а затем дружно издали радостный вопль. Пожар был благополучно забыт, и они с диким хохотом и гиканьем пустились в пляс, расплескивая жидкую грязь под ногами.

Огонь над крышей пакгауза с шипением угасал, побеждаемый ливнем. Пожарные присоединись к танцующим. Кто-то поблизости врубил музыку на полную громкость. Копы также покачивали бедрами, стоя перед своими джипами. Насквозь промокшие танцоры не останавливались; их разноцветные одеяния атласно блестели, отражаясь в лужах.

Я тоже танцевал в потоках влажного света. Гроза катилась дальше, море падало с небес на землю. Порывы ветра кидались на нас, как своры резвящихся щенят. Озера молний затапливали улицу. От нагретых за день камней поднимался пар. Вера в лучшее озаряла наши лица и смеялась в наших объятиях. Вокруг плясали тени, пьянея от дождя, и я плясал вместе с ними – счастливый глупец, чьи грехи, накопившиеся под жарким солнцем, только что смыл первый ливень.

Часть 3

Глава 14

– Ты уже проснулся?

– Нет.

– Но ты ведь не спишь.

– Нет, я сплю.

– Если спишь, почему ты мне отвечаешь?

– Это просто кошмарный сон.

– Вот как?

– Да.

– И о чем твой кошмар?

– Ох, лучше не спрашивай. Он о назойливом голосе, прерывающем мой первый безмятежный сон за многие недели.

– Так вот какие у тебя кошмары? – усмехнулась Лиза за моей спиной. – Тебе бы покрутиться годик в арт-бизнесе, малыш.

– Сон становится все кошмарнее. Этот голос не затихает.

Она умолкла. Но не закрыла глаза, судя по ее дыханию, – такие детали начинаешь чувствовать даже спиной, когда достаточно долго проживешь с женщиной, которая тебе дорога. Потолочный вентилятор медленно вращался, разгоняя по комнате влажный муссонный воздух. Свет снаружи проникал в щели деревянных ставен, покрывая полосками картины на стене у кровати.

До восхода солнца было еще полчаса, но занимавшаяся заря уже сгладила тени в комнате и покрыла призрачно-серым налетом все предметы, в том числе мою руку, лежавшую на подушке. Карла однажды назвала это «эффектом пейота». И как обычно, попала в точку. Одним из свойств наркотика, получаемого из этих кактусов, является способность окрашивать вселенную в сумеречные тона – своего рода предрассветная стадия сознания. Карла всегда умела находить неожиданные и остроумные сравнения...

Мои веки сомкнулись. Я почти ушел в сон, сжимая в руке воображаемую «пуговицу» пейота; я почти ушел.

– И часто ты думаешь о Карле? – спросила Лиза.

«Черт! – подумал я, возвращаясь к яви. – Как женщинам это удается?»

– В последнее время часто. Только что я в третий раз за три дня услышал ее имя.

– А кто еще ее упоминал?

– Навин – этот начинающий детектив, и еще Ранджит.

– Что говорил Ранджит?

– Послушай, Лиза, нам незачем сейчас обсуждать Карлу и Ранджита.

– Ты к нему ревнуешь?

– Что?

– А знаешь, я ведь совсем недавно общалась с Ранджитом. Мы просидели за разговором допоздна.

– Я не был здесь в последние недели, если ты заметила. Так что для меня это новость. Как часто ты общаешься с Ранджитом?

– Он очень помог с рекламой наших выставок. С тех пор как он подключился к работе, клиенты идут сплошным потоком. Но в личном плане между нами ничего нет. Абсолютно.

– О... кей. И что дальше?

– Я первой спросила: как часто ты на самом деле думаешь о Карле?

– Нам обязательно обсуждать это *сейчас*? – спросил я, поворачиваясь лицом к ней.

Лиза привстала, опираясь на локоть, и склонила голову к плечу.

– Я видела ее вчера, – сказала она, с невинным видом глядя на меня небесно-голубыми глазами.

Я молчал, ожидая продолжения.

– Мы встретились в бутике на Брейди-лейн. Я часто там бываю, но никому из знакомых не рассказывала про этот магазинчик. А тут вдруг на выходе сталкиваюсь с Карлой нос к носу.

– Что она сказала?

– В смысле?

– В смысле: что она сказала тебе при встрече?

– Это довольно-таки... странно, – сказала она, наморщив лоб.

– Что тебе кажется странным?

– Ты не спросил, как она выглядит или как она себя чувствует. Тебя в первую очередь интересует, что она *сказала*. Это странно.

– Почему?

– Ну как же – ведь ты не видел ее почти два года. И я даже не знаю, в чем бóльшая странность: в твоей реакции или в том, что мне такая реакция вполне понятна, поскольку речь идет о Карле.

– А... значит, ты меня понимаешь?

– Разумеется.

– Тогда что же тут странного?

– Странно, как много эта деталь сообщает о тебе и о ней.

– Да о чем вообще этот наш разговор?

– О Карле. Ты хочешь знать, что она мне сказала, или нет?

– Уже нет, – сказал я. – Не хочу.

– Конечно, ты хочешь. Во-первых, позволь мне сообщить, что выглядит она отлично. Лучше не бывает. И настроение у нее соответственное. Мы завернули в кафе «Мадрас», выпили по чашечке кофе, и я хохотала до слез над ее шутками. В последнее время ее занимает религиозная тематика. Она сказала – погоди, дай вспомнить дословно, – ах да, она сказала: «Религия похожа на затянувшийся конкурс шляпников по созданию самой дурацкой шляпы». Она вечно выдает забавные сентенции. Должно быть, это чертовски тяжело.

– Тяжело быть забавной?

– Нет, тяжело всегда быть самой умной в своем окружении.

– Ты тоже умница, – сказал я, переворачиваясь на спину и закидывая руки за голову. –

Среди всех моих знакомых ты – одна из умнейших.

– Я?!

– Без сомнения.

Она придвинулась ближе и поцеловала меня в грудь.

– Я предложила Карле работу в моей арт-студии, – сообщила она, выгибая ступни.

– Это не самая лучшая идея из тех, какие я слышал на этой неделе.

– Ты же только что назвал меня умницей.

– Я говорил об *уме*, но я не имел в виду *благоразумие*.

Она ткнула меня кулачком в бок.

– В самом деле, – сказал я сквозь смех. – Я не хочу... я не уверен, что хочу снова увидеть Карлу в моем обжитом пространстве. Ее прежнее место в этом пространстве теперь занято. И я хочу, чтобы так оно было и впредь.

– Ее призрак бродит и по моему дворцу тоже, – задумчиво молвила Лиза.

– Вот оно, значит, как: у меня воображаемое *пространство*, а у тебя воображаемый *дворец*?

– Разумеется. Каждый человек строит внутри себя дворец или замок. Не считая людей с заниженной самооценкой, вроде тебя.

– У меня не заниженная самооценка. Просто я реалист.

Она рассмеялась. И смех не прекращался довольно долго – достаточно долго, чтобы заставить меня задуматься: а что такого было в моих словах?

– Постарайся быть серьезным, – сказала она, наконец успокоившись. – Я встретила Карлу впервые за последние десять месяцев, и я... глядя на нее... я вдруг поняла, как сильно я ее люблю. Разве это не занятно: вдруг вспомнить, что ты кого-то очень сильно любишь?

– Я только хотел сказать...

– Знаю, – промурлыкала она и потянулась ко мне с поцелуем. – Знаю.

– Что ты знаешь?

– Я знаю, что это не навсегда, – прошептала она, касаясь своими губами моих и почти вплотную приблизив глаза, голубизной не уступающие утреннему небу.

– Каждый твой ответ, Лиза, все больше сбивает меня с толку.

– Я даже не пытаюсь верить в это «навсегда», – продолжила она, отбрасывая мысли о вечности вместе прядью белокурых волос. – И никогда не верила.

– Интересно, понравится ли мне смысл твоих рассуждений, если ты соизволишь его раскрыть?

– Я фанатично предана понятию «сейчас» и не желаю думать о понятии «всегда», вот о чем речь. Меня можно назвать «фундаменталисткой настоящего момента».

Она начала меня целовать, но при этом продолжала говорить, так что ее слова вместо ушей натурально вливались мне в рот.

– Может, все-таки расскажешь о драке, в которую ты ввязался?

– Вряд ли это можно назвать дракой. Собственно, драки как таковой не было вообще.

– А что, собственно, было? Я хочу знать.

– Было и прошло, – промычал я, не прерывая поцелуя.

Лиза оттолкнула меня и села в постели, скрестив ноги.

– Хватит уже недомолвок и уверток! – заявила она решительно.

– Хорошо, – вздохнул я и тоже сел, привалившись спиной к подушкам. – Давай это обсудим.

– Мафия, – сказала она без выражения. – Паспортная мастерская. Компания Санджая.

– Сколько можно, Лиза? Мы ведь это уже проходили.

– То было давно.

– А по мне, так будто вчера. Лиза...

– Тебе не обязательно этим заниматься. Не обязательно быть *таким*.

– Еще какое-то время придется.

– В этом нет нужды.

– Ну да. И я устроюсь на работу в банк – самое подходящее место для беглых преступников, находящихся в розыске.

– Мы с тобой живем не на широкую ногу. И нам вполне хватит того, что зарабатываю я. Спрос на картины и скульптуры быстро растет.

– Я занимался всем этим еще до нашего знакомства.

– Я знаю, знаю...

– И ты приняла меня таким, какой я есть. Ты...

– У меня дурное предчувствие, – сказала она тусклым голосом.

Я улыбнулся и погладил ее по щеке.

– Никак не могу от него избавиться, – сказала она. – Очень дурное предчувствие.

Я взял ее за руки. Наши ступни соприкасались, и пальцы ее ног уже привычно обхватили и с удивительной силой сдавили мои пальцы. Взошло солнце, прорываясь яркими лучами в щели ставен.

– Мы ведь это уже обсуждали, – сказал я. – Правительство моей страны назначило награду за мою голову. И если меня не убьют при захвате, я окажусь в той же тюрьме, из которой сбежал. Меня прикуют цепью к той же самой стене, и уж тогда тюремщики потешатся. Я туда не вернусь, Лиза. Здесь я пока что в безопасности, а это кое-что значит. Для меня, по крайней мере, если не для тебя.

– Да я и не считаю, что ты должен отказаться от свободы. Я хочу, чтобы ты не отказывался от себя.

– Так что, по-твоему, я должен делать?

– Ты можешь писать.

– Я и так пишу. Каждый день.

– Я знаю, но мы могли бы на этом *сосредоточиться*, понимаешь?

– Мы? – Я не удержался от смеха.

Я не хотел ее уязвить – просто она чуть ли не впервые за два года совместной жизни упомянула мои литературные занятия.

– Забудь, – сказала она.

И вновь погрузилась в молчание, опустив глаза. Цепкие пальцы ее ног разжались. Я убрал локон с ее лица и погладил пышные, как морская пена, волосы. Она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

– Я еще должен кое-что для них сделать, – сказал я.

– Нет, не должен, – запротестовала она, но уже не так энергично. – Ты им ничего не должен.

– В том-то и дело, что должен. Всякий, кто имеет с ними дело, что-то им должен. На этом все и держится. И поэтому я не хочу, чтобы ты встречалась с кем-либо из них.

– Ты же свободен, Лин. Ты перелез через стену тюрьмы, но все еще не понял, что ты свободен.

Ее глаза были как озера, в которых отражается небо. Зазвонил телефон.

– Я достаточно свободен для того, чтобы не брать трубку, – сказал я. – А ты?

– Ты никогда не берешь трубку, – парировала она. – Так что не считается.

Она выбралась из постели и, не отрывая взгляда от меня, стала слушать голос на другом конце линии. Я увидел, как плечи ее тоскливо опустились, и в следующую секунду она протянула трубку мне.

Это был один из ближайших подручных Санджая, и он передал мне послание.

– Я этим займусь, – сказал я. – Да. Что? Сказал же, я этим займусь. Через двадцать минут. Я повесил трубку, вернулся к постели и присел рядом с Лизой.

– Одного из моих людей арестовали. Он сейчас в колабской каталажке. Надо его выкупить.

– Он не из *твоих* людей, – сказала Лиза, отталкивая меня. – И ты не *их* человек.

– Извини, Лиза.

– Не важно, что ты делал и кем ты был. И даже кем ты являешься сейчас. Важно только то, кем ты стремишься стать.

Я улыбнулся:

– Не все так просто. От своего прошлого никуда не денешься.

– Неправда. Нас формирует не прошлое, а то, какими мы хотим видеть себя в будущем. Неужели ты все еще этого не понял?

– Увы, я не свободен, Лиза.

Она поцеловала меня, но в ее глазах ясное летнее небо уже затягивала пасмурная дымка.

– Я подготовлю для тебя душ, – сказала она, вскакивая с кровати и устремляясь к ванной комнате.

– Послушай, это ж невеликая проблема – вытянуть парня из участка, – сказал я, направляясь за ней.

– Знаю, – буркнула она.

– Наша дневная встреча не отменяется? Все, как договаривались?

– Конечно.

Я шагнул под холодный душ.

– И ты не хочешь сказать, по какому поводу встреча? – крикнул я. – Это по-прежнему большой секрет?

– Не секрет, а сюрприз, – сказала она, появляясь в дверях ванной.

– Тогда другое дело, – рассмеялся я. – Где и когда мне ждать этого сюрприза?

– Будь в половине шестого рядом с «Махешем», на Нариман-Пойнт. А поскольку ты вечно опаздываешь, ориентируйся на полпятого, чтобы успеть вовремя.

– Ладно.

– Так ты приедешь? Точно?

– Не волнуйся. У меня все под контролем.

– Нет, – сказала она, и улыбка стекла с ее лица, как дождевые капли с листьев. – Это не так. Ничего у тебя не под контролем.

Разумеется, она была права. Сам я это не осознавал в те минуты, когда под высокой аркой ворот вступил на территорию полицейского участка, но ее печально угасающая улыбка все еще стояла у меня перед глазами.

Я поднялся по дощатым ступенькам на веранду, с трех сторон – по бокам и сзади – окаймлявшую административный корпус. Знакомый коп перед офисом сержанта пропустил меня без вопросов, кивая и улыбаясь. Он был рад меня видеть: я всегда давал щедрые взятки.

Войдя внутрь, я шутливо откозырял сержанту Дилипу-Молнии, старшему дневной смены. Его испитое лицо раздулось от едва сдерживаемой злости – как позднее выяснилось, он дежурил (и злобствовал) уже вторую смену подряд. Так что я выбрал не самый удачный момент для визита.

Дилип-Молния был садистом. Я это знал по собственному опыту. Несколько лет назад, когда я сидел в здешней тюрьме, он часто избивал меня, удовлетворяя свой садистский голод за счет моей беспомощности. У него и сейчас явно разыгрался аппетит при виде синяков на моем лице, он даже облизнул губы в предвкушении.

Но с той поры многое изменилось если не в его, то в моем мире. Я теперь работал на Компанию Санджая, которая вливала массу налички в полицейский участок Колабы. Это были слишком большие деньги, чтобы ими рисковать, потакая своим изуверским наклонностям.

Изобразив некое подобие улыбки, он слегка вздернул голову, что означало вопрос: «Чего тебе?»

– Босс на месте? – спросил я.

Улыбка превратилась в оскал. Дилип знал, что, если я буду иметь дело непосредственно с инспектором, к его собственной потной ладони прилипнут лишь жалкие крохи от моего подношения.

– Инспектор очень занятой человек. Может, я сумею чем-то помочь?

– Что ж...

Я оглянулся на других копов в офисе, которые очень неубедительно делали вид, будто не прислушиваются к нашему разговору. Надо все же отдать им должное: такого рода притворство нехарактерно для Индии и у здешних людей мало возможностей попрактиковаться.

– Сантош! Принеси чай! – скомандовал Дилип на маратхи. – Завари свежий, *йаар*! А вы двое – марш проверять дальний барак!

Дальним баракom именовалось одноэтажное строение на задах полицейского участка. В нем содержали самых опасных заключенных, а также тех, кто оказывал отчаянное сопротивление при пытках. Молодые копы переглянулись, и один из них решился напомнить:

– Но, сэр, сейчас в том бараке никого нет, сэр.

– А разве я спросил вас, есть кто-то в бараке или нет? Я приказал пойти и хорошенько его проверить! Марш отсюда!

– Да, сэр! – гаркнули констебли и, схватив свои кепи, выскочили из офиса.

– Вам бы, ребята, придумать какой-нибудь условный знак, – предложил я, когда дверь за ними закрылась. – Это ж муторное дело: чуть не каждый час драть глотку, отсылая их куда подальше.

– Тоже мне остряк, – буркнул Дилип. – Давай ближе к делу или катись туда, откуда пришел. А то у меня башка раскалывается, и я не прочь расколоть чужую башку – вдруг полеглает?

Все честные копы похожи друг на друга; каждый продажный коп продажен на свой лад. Да, каждый из них берет взятки, но одни делают это как бы нехотя и смущенно, а другие хапают с откровенной жадностью; одни при этом злятся, другие сияют улыбкой; одни непринужденно шутят, другие обливаются потом так, будто только что взбежали на крутую гору; одни яростно торгуются, другие выглядят твоими добрыми друзьями.

Дилип получал взятку, как получают оскорбление, и старался отомстить тебе за то, что ты всучил ему деньги. К счастью, как большинство мерзавцев, он был очень падок на лесть.

– Я рад, что вы лично займетесь моим делом, – сказал я. – С инспектором Патилом на это ушел бы целый день. Нет у него вашего умения на лету схватить суть и решить вопрос четко и быстро – я бы даже сказал: молниеносно. Не зря же вас прозвали Молнией.

На самом деле это прозвище он получил из-за своих сверкающих ботинок, которые он пускал в ход внезапно и неспровоцированно, в припадке темной ярости, и, нанося удары какому-нибудь несчастному зэку, никогда не бил дважды в одно и то же место.

– Тут ты прав, – сказал он, с самодовольным видом откидываясь на спинку кресла. – Так в чем твоя просьба?

– У вас под арестом находится некий Фарзад Дарувалла. Я хочу заплатить за него штраф.

– Штрафы налагаются решением суда, а не полицией, – заявил Дилип с лукавой ухмылочкой на слюнявых губах.

– Разумеется, вы абсолютно правы. – Я улыбнулся в свою очередь. – Но человек с вашим опытом и проницательностью понимает, что быстрое решение этого вопроса, здесь и сейчас, экономит ценное время суда, как и казенные средства.

– Почему ты хочешь вызволить этого типа?

– О, на то у меня есть пять тысяч причин, – ответил я, доставая из кармана заранее приготовленную пачку рупий и начиная их демонстративно пересчитывать.

– Опытный и проницательный человек способен увидеть гораздо больше причин для этого, – проворчал Дилип.

Но момент для торга был упущен: я уже засветил деньги и он положил на них глаз.

– Молния-джи, – сказал я почтительно, прикрывая ладонью сложенные вдвое купюры и подвигая их через стол. – Мы уже почти два года вместе танцуем этот танец, и оба отлично знаем, что пять тысяч – как раз та сумма, какую мне достаточно вручить инспектору для полного... *объяснения*... моей заинтересованности. Буду очень признателен, если вы избавите меня от лишних хлопот, приняв объяснение лично.

Заскрипели половицы на веранде: Сантош со свежесваренным чаем был на подходе. Дилип молниеносно выбросил вперед руку, накрыв мою ладонь, которая тут же скользнула по столу обратно, и рука Дилипа выверенным движением переправила купюры в его карман.

– Мне нужен студентик, – сказал Дилип, обращаясь к Сантошу, когда тот поставил чай на стол между нами. – Сопляк, которого мы взяли в клубе прошлой ночью. Мигом тащи его сюда.

– Слушаюсь, сэр!

Сантош пулей выскочил из комнаты, и почти сразу же в дверях возникли вернувшиеся с задания молодые копы. Дилип остановил их поднятием руки:

– А вам что здесь нужно?

– Мы... мы проверили дальний барак, сэр. Там все в порядке. И поскольку вы заказали чай, мы подумали, что...

– Проверьте еще раз! – рявкнул Дилип-Молния и повернулся ко мне.

Молодые копы посмотрели на меня с недоумением, пожали плечами и вновь покинули офис.

– Могу еще чем-то быть полезен? – саркастически поинтересовался Дилип.

– Да, есть еще кое-что. Вам известно что-нибудь о человеке с белоснежными волосами, который вот уже пару недель бродит по улицам Колабы в темно-синем деловом костюме и пристает к людям с расспросами?

Я имел в виду загадочного незнакомца, нагнавшего страху на зодиакальных Джорджей. За конкретную наводку не жаль было и раскошелиться.

– Синий костюм, белые волосы? – Он призадумался. – Допустим, я знаю такого человека, что тогда?

– Тогда у меня найдется тысяча причин, почему я тоже хотел бы о нем узнать.

Он ухмыльнулся. Я достал деньги и, все так же прикрывая ладонью, подвинул их на середину стола.

– Полагаю, тебе стоит пообщаться с мистером Уилсоном, который остановился в отеле «Махеш», – сказал он, протягивая руку навстречу моей.

Я помедлил с отдачей.

– Кто он такой? Что ему нужно?

– Он кого-то разыскивает. Это все, что мне известно.

Я убрал руку, и он завладел деньгами.

– Вы помогли ему в этих поисках?

– Он не дал мне удовлетворительного *объяснения*, так что я вышвырнул его вон.

– А если он... – начал я, но тут Сантош ввел в комнату Фарзада.

Молодой парс был не окровавлен, но изрядно помят. Глаза его вылезли из орбит, а грудь расширялась и сокращалась частыми судорожными рывками. Я много раз наблюдал похожее состояние у людей, ожидающих, что их вот-вот будут бить. При виде меня лицо его просияло.

– Боже, как я рад! – вскричал он, устремляясь ко мне. – А то я уже...

Я поднялся и жестом остановил этот радостный порыв, пока он не ляпнул что-нибудь такое, о чем лучше было не знать Дилипу-Молнии.

– Успокойся, – быстро сказал я. – Вырази свое почтение сержанту, и давай выбираться отсюда.

– Сержант-джи, – произнес Фарзад, почтительно соединяя ладони, – я очень-очень-очень вам благодарен за вашу доброту и великодушие.

Дилип откинулся на спинку кресла.

– Проваливай ко всем чертям! – сказал он. – И в другой раз не нарывайся!

Я потянул Фарзада за рукав и вывел его из здания, а затем через широкие ворота на улицу. На тротуаре, в нескольких шагах от входа в участок, я прикурил две сигареты и дал одну из них своему юному помощнику.

– А теперь объясни, что случилось.

– Я вчера слегка... хотя нет – честно говоря, я очень сильно напился в ночном клубе «Драм-бит». Крутейшая была тусовка! Вы бы меня видели! Я плясал и кривлялся, как безумный гамадрил! Будьте уверены.

– Меня больше интересует другое: из-за чего мне пришлось в шесть утра покинуть мягкую постель и перетянуться в полицию, а потом еще выслушивать всякий бред про безумных гамадрилов?

– Ах да, конечно. Виноват. В общем, копы пришли закруглять веселье к часу ночи, как водится. Кто-то стал протестовать, поднялся шум. Вероятно, я поддался общему настроению и начал отпускать колкие шпильки в адрес полиции.

– Колкие шпильки?

– Вот именно. Среди друзей и знакомых я славлюсь колкостью своих шпилек.

– Взрослому человеку не пристало гордиться такими вещами, Фарзад.

– Нет, в самом деле – я славлюсь...

– О каких конкретно колкостях речь?

– Там был один очень жирный коп. Я назвал его «Три свиньи, слившиеся в экстазе». А другому копу я сказал, что он тупее мозоли на жопе мартышки. И еще я сказал...

– Все ясно. Этих примеров достаточно.

– А затем я очутился на полу. Даже не знаю – то ли сам споткнулся, то ли меня толкнули. И вот, когда я там барахтался, кто-то вдруг мощно засветил ногой мне по кумполу. Бац! – и я в отключке.

– Похоже, Дилип-Молния работал и ночью тоже. Пашет две смены подряд, сверхурочник.

– Да, он там был. Тот самый гребаный сержант. Очнулся я в полицейском фургоне, и этот Дилип упирается ногой мне в грудь. Потом они бросили меня в камеру и не позволили сделать звонок, а все из-за моих...

– Колких шпилек.

– Да. Вы можете в это поверить? Я думал, меня там продержат весь день и как минимум пару раз отдубасят почему зря. А вы откуда узнали, что я задержан?

– Компания платит всем тюремным уборщикам. Через них мы отправляем передачи нашим людям, когда не удается выволить их сразу. Этой ночью один из уборщиков заприметил тебя и дал знать людям Санджая. А те позвонили мне.

– Я вам чертовски признателен. Впервые в жизни угодил за решетку. Еще одну ночь в тюрьме я бы не выдержал. Будьте уверены.

– Санджаю это совсем не понравится. Он и без того тратит кучу денег на взятки копам. В благодарность ты должен купить ему новую шляпу.

– Я... но, видите ли... А какой у него размер головы? – Фарзад выглядел озабоченным и растерянным. – Я встречался с ним только один раз, и, насколько помню, голова у него скорее большая, чем маленькая.

– Он вообще не носит шляпы.

– Но вы же сказали...

– Я пошутил. Но только насчет шляпы.

– Мне... очень жаль, что так вышло. Я крупно облажался. Больше такого не случится, будьте уверены. Вы не могли бы при случае извиниться за меня перед Санджаем?

Я все еще хохотал, когда неподалеку от нас затормозило такси, из которого выбрался Навин Адэр. Расплатившись через окно с таксистом, он открыл заднюю дверцу и подал руку красивой молодой женщине. Повернувшись, он только теперь заметил меня:

– Лин? Ну и ну! А ты как здесь?

– На то есть ровно шесть тысяч причин, – сказал я, разглядывая девушку. Лицо казалось мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где его видел.

– Ах да, – сказал Навин. – Знакомьтесь: это Дива. Дива Девнани.

Дива Девнани, дочь одного из богатейших людей в Бомбее! Фотографии этой невысокой девушки со спортивной фигурой, облаченной в дорогие дизайнерские наряды, можно было увидеть во всех журналах, освещающих самые шикарные светские мероприятия в городе.

Так вот что сбило меня с толку: ее совсем не гламурный прикид. Джинсы, синяя майка с коротким рукавом и простенькое ожерелье из лазурита никак не вязались с тем миром, в котором ей суждено было царить по праву рождения. Передо мной стояла самая обыкновенная девушка, а не великосветская кокетка с журнальных обложек.

– Очень приятно, – сказал я.

– У вас не найдется гашиша? – выдала она вместо приветствия.

Я быстро взглянул на Навина.

– Это долгая история, – со вздохом сказал тот.

– И вовсе не долгая, – возразила она. – Мой отец – Мукеш Девнани. Полагаю, вы слышали о Мукеше Девнани?

– Как я понимаю, это тот самый человек, чья дочь выключивает у прохожих наркотики перед воротами полицейского участка, да?

– Жуть как смешно, – сказала она. – Попридержите свой юмор, а то я могу прямо здесь уписаться со смеху.

– Вы хотели поведать мне короткую версию своей истории, – напомнил я.

– А теперь уже не хочу, – сказала она сердито.

– Ее отец нанял адвоката, моего хорошего знакомого... – начал Навин.

– А адвокат нанял вот *его*, – вмешалась Дива, – чтобы он был моим телохранителем в ближайшие две недели.

– Могу вас поздравить: вы попали в очень хорошие руки.

– Спасибо, – сказал мне Навин.

– Да пошел ты! – сказала девица.

– Что ж, приятно было познакомиться, – сказал я. – До скорого, Навин.

– И все потому, что меня угораздило связаться с этим болливудским кандидатом в звезды, – продолжила Дива, игнорируя мои прощальные слова. – То есть он не настоящая кинозвезда, а всего лишь дрянной *кандидатишка*, зато гонору выше крыши. А когда я отказалась с ним встречаться, этот подонок начал мне угрожать. Представляете?

– Высший свет – это дремучие джунгли, – заметил я с улыбкой.

– Уж кому, как не мне, это знать, – сказала она. – Так есть у вас гашиш или нет?

– У меня есть! – подал голос Фарзад. – Будьте уверены!

Мы втроем уставились на молодого парса.

Фарзад сунул руку за пояс штанов в районе ширинки, несколько секунд там шарил и наконец выудил десятиграммовый кубик гашиша в полиэтиленовой упаковке.

– Вот, – сказал он, галантно протягивая кубик даме. – Это вам. Примите его как... как подарок, типа того.

Губы Дивы скривились, словно она разжевала незрелый лимон.

– Ты что, достал эту вещь... из трусов? – Она конвульсивно слотнула, сдерживая рвотный рефлекс.

– Да, но... я надел чистое нижнее белье только вчера вечером. Будьте уверены!

– Что это за чучело? – спросила Дива у Навина.

– Он со мной, – сказал я.

– Извините! – забормотал Фарзад, пряча гашиш в карман. – Я вовсе не хотел вас...

– Стоп! Ты что делаешь?

– Но я так понял, что вы...

– Разверни пленку, – скомандовала она. – Не дотрагиваясь до гашиша. Держи его перед собой на развернутой пленке. Не прикасайся к нему пальцами. И не прикасайся ко мне. Даже

думать об этом не смей! Поверь, я смогу прочесть твои мысли. Проникнуть в мозг тебе подобных для меня раз плюнуть. Для любой женщины это раз плюнуть. Так что даже не пытайся думать обо мне. Ну, долго я буду ждать? Давай гашиш, кретин!

Фарзад трясущимися пальцами начал раскрывать упаковку. По ходу дела он искоса взглянул на миниатюрную светскую львицу.

– Ты подумал! – свирепо сказала она.

– Нет! – запаниковал Фарзад. – Ничего я не думал!

– Ты просто омерзителен.

Наконец Фарзад протянул к ней ладонь с развернутой пленкой, на которой лежал кубик гашиша. Дива взяла его двумя пальцами, отщипнула чуть-чуть, а остальное убрала в сумочку с серебряным зевом в виде рыбьего рта. Затем вытянула из пачки сигарету, выкрошила с ее кончика немного табака, заменила его гашишем, сунула сигарету в рот и повернулась к Навину, чтобы тот дал ей прикурить. Навин колебался:

– Стоит ли делать это сейчас?

– Я не смогу разговаривать с копами, если перед тем не покурю, – заявила она. – Я даже с младшей горничной у себя дома не могу общаться, пока старшая горничная не взбодрит меня косячком.

Навин зажег сигарету. Дива затянулась, несколько секунд держала дым в легких, а затем выпустила его длинной густой струей. Навин повернулся ко мне.

– Ее отец подал жалобу на актера еще до того, как меня привлекли к этому делу, – пояснил он. – Актер задумал играть по-крупному. Я нанес ему визит. Мы потолковали. Он признал свою неправоту и обещал исчезнуть с ее горизонта. Теперь нам нужно забрать заявление из полиции, но сделать это она должна лично. Я специально привез ее сюда в такую рань, пока об этом не пронюхали репортеры, и...

– Кончай трепаться, пойдем уже! – сказала Дива и, бросив на асфальт окурочек, растоптала его каблуком.

Навин начал прощаться, но я задержал его руку в своей.

– Пару слов насчет типа, который выслеживает зодиакальных Джорджей, – сказал я. – Его зовут Уилсон, он поселился в...

– ...в отеле «Махеш», – закончил Навин за меня. – Я знаю. За всей этой возней забыл тебе сказать. Я проследил за ним прошлым вечером. А тебе откуда известно?

– Он приходил в участок за информацией.

– И он ее получил?

– Сержант Дилип – знаешь его?

– Да, Дилип-Молния. Мы с ним пересекались.

– Дилип сказал, что мистер Уилсон не дал ему на лапу и был вышвырнут вон.

– Ты ему веришь?

– Далеко не всегда.

– Мне проведать этого Уилсона?

– Нет, без меня к нему не суйся. Наведи справки, разузнай о нем побольше и потом свяжись со мной, о'кей?

– Тхик, – улыбнулся Навин. – Я этим займусь и...

– Какого черта! – гневно прервала его Дива. – Я за всю свою чертову жизнь никогда еще не стояла так долго на одном и том же чертовом месте! Охренеть можно! Так мы идем или нет?

Кивнув нам на прощание, Навин вернулся к обязанностям телохранителя, в сопровождении которого бедная маленькая богатая девочка⁴¹ направилась к воротам полицейского участка.

⁴¹ «Бедная маленькая богатая девочка» (1917) – американский немой фильм с Мэри Пикфорд в роли девочки из богатой

– Я Фарзад! – крикнул ей вслед Фарзад. – Меня зовут Фарзад!

Проводив ее взглядом, юный парс обернулся ко мне с широченной улыбкой:

– Чтоб мне провалиться на этом самом месте, *йаар!* Какая красавица! И такая милая, непосредственная! Я слышал, что супермегабогачки заносчивы и чванливы, а она такая простая, такая настоящая, такая...

– Да заткнись ты, наконец!

Он возмущенно встрепенулся, но тут же скис, увидев выражение моего лица.

– Виноват, – пробормотал он сконфуженно. – Но... вы заметили цвет ее глаз? Боже ты мой! Прямо кусочки сияющего... не знаю чего, которое обмакнули в... не знаю что... полное... полное такой прелести... такой медовой сладости...

– Умоляю, Фарзад! Я еще не завтракал.

– Прошу прощения, Лин. Да, вот оно! Завтрак! Почему бы вам не позавтракать у нас дома? Поедем туда прямо сейчас, а? Вы же обещали навестить нас на этой неделе!

– Ответ отрицательный, Фарзад.

– Ну пожалуйста! Мне надо повидать родителей, принять ванну и сменить одежду перед тем, как ехать на работу. Составьте мне компанию. Сейчас как раз время завтрака, и многие из наших должны быть дома. Они будут счастливы с вами познакомиться. Особенно после того, как вы спасли мою жизнь и все такое.

– Я не спасал твою...

– Прошу вас, *баба!* Поверьте, они ждут не дождутся встречи с вами, это для них очень важно. А вы увидите у нас много интересного, обещаю.

– Послушай, я...

– Пожалуйста! Пожалуйста, Лин!

В этот момент у края тротуара затормозили четверо мотоциклистов. Я узнал молодых бойцов из Компании Санджая. Возглавлял их Рави, один из помощников Абдуллы.

– Привет, Лин, – сказал он, поблескивая зеркальными очками. – Мы узнали, что несколько «скорпионов» завтракают в одном из наших кафе в Форте. Сейчас угостим их по полной! Присоединишься?

Я взглянул на Фарзада:

– Не могу, я уже обещал позавтракать в гостях.

– Неужели? – удивился Фарзад.

– Ладно, Лин, – сказал Рави, отпуская сцепление. – Я привезу тебе сувенир.

– Не стоит, – сказал я, но он был уже далеко.

Форт находился всего в получасе ходьбы от места, где мы находились, как и от дома Санджая. Если «скорпионы» действительно нарывались на драку в этом районе, то война, которой так хотел избежать Санджай, была уже у него на пороге.

– Как думаете, могут они взять меня с собой на одну из таких разборок? – спросил Фарзад, наблюдая за удаляющимися мотоциклистами. – Вот будет круто: выбить дух из кого-нибудь вместе с этими парнями!

Я посмотрел на юного фальсификатора, которому едва не вышибли мозги прошлой ночью, а он уже намеревался «выбивать дух» сам не зная из кого. Это его стремление основывалось не на жестокости или бездушии, а только на юношеской бравате и красивых фантазиях о «братстве, скрепленном кровью». Уже было ясно, что гангстер из него никакой: парнишка чуть не сломался, проведя всего пару-другую часов в камере. Фарзад был просто хорошим мальчиком, попавшим в плохую компанию.

– Если когда-нибудь увяжешься за ними и я об этом узнаю, лично выбью из тебя если не дух, то дурь наверняка, – сказал я.

Он ненадолго задумался.

– Но сегодня вы с нами позавтракаете, да?

– Будь уверен, – сказал я и повел его к своему мотоциклу.

Глава 15

Бомбей – это город слов. В нем говорят все, повсюду и постоянно. Водители на ходу спрашивают друг у друга дорогу; случайные прохожие легко вступают в дискуссии; копы точат лясы с киллерами; левые увлеченно препираются с правыми. Если вы хотите, чтобы ваше письмо или посылка дошла по назначению, желательно дополнить стандартный адрес пояснением типа: «дом напротив Хира-Панны» или «по соседству с Коппер-Чимни». При этом любое слово, произнесенное в Бомбее, – даже мимолетные «пожалуйста» или «прошу вас» – может обернуться самыми неожиданными последствиями.

Во время недолгой поездки до Колабской бухты сидевший за моей спиной Фарзад неустанно молот языком. Отмечая свои любимые места, мимо которых мы проезжали, он трижды начинал рассказывать истории, с ними связанные, но ни одну из них не довел до конца.

Так мы добрались до дома семейства Дарувалла: внушительного строения в три полных этажа, не считая мансарды под остроконечной крышей с тремя фронтонами. Справа и слева к нему вплотную примыкали однотипные здания, и вместе эта троица образовывала мини-квартал, со всех сторон окруженный улицами. Мы направились к фасаду среднего дома, который был выполнен в стиле, особо любимом жителями южного Бомбея: архитектурные изыски, унаследованные от колониальных времен, были воплощены в граните и песчанике индийскими мастерами с учетом национальной специфики.

Окна были украшены витражами, декоративными каменными арками и ажурными коваными решетками с узором в виде виноградных лоз. Цветущая живая изгородь отделяла дом от залитой утренним солнцем улицы и создавала ощущение уютной обособленности.

Массивная деревянная дверь между двумя раджастанскими колоннами была покрыта сложной геометрической резьбой. Фарзад не стал звонить и воспользовался своим ключом. Дверь отворилась без малейшего скрипа, и мы вступили в высокий холл с мраморными стенами, по которым вились лианы с цветами, вырастая из ваз в полукруглых нишах. Воздух был насыщен запахом сандалового дерева. По ту сторону холла, напротив входной двери, висели длинные, от потолка до пола, портьеры из красного бархата.

– Вы готовы? – спросил Фарзад, театральным жестом протягивая руку к портьерам.

– Оружие при мне, – сказал я с улыбкой, – если ты *эту* готовность имеешь в виду.

Он раздвинул портьеры, за которыми открылся неосвещенный коридорчик с широкими дверями в конце. Подойдя к ним, Фарзад толкнул в стороны скользящие створки и пропустил меня вперед.

Открывшееся моему взору помещение уходило так далеко вверх, что я с трудом различал детали освещенного солнцем потолка, а в ширину явно превосходило средний из трех домов, принадлежавший семье Фарзада. В центре этого огромного зала стояли два длинных стола, рассчитанные – судя по числу приборов – десятка на три персон в общей сложности. Но в данный момент сидевших за столами мужчин, женщин и детей было гораздо меньше.

У дальних стен слева и справа, не отгороженные от основного помещения, расположились две кухни, каждая с полным набором утвари и оборудования. Двери в стенах первого этажа указывали на наличие других комнат за пределами главного зала. Перекрытия между верхними этажами были сломаны; их заменяло хаотичное подобие строительных лесов на бамбуковых подпорках с пролетами высотой в рост человека. Дощатые мостки разных уровней соединялись приставными лестницами, и на этих мостках тут и там копошились люди.

Как раз в эту минуту открылся новый просвет в муссонных тучах, и после пасмурной паузы солнце хлынуло в высокие решетчатые окна фасада, растекаясь по залу золотисто-топазовым сиянием. Ощущение было как в кафедральном соборе, но без внушаемого там благоговейного страха.

– Фарзад! – пронзительно вскрикнула одна из женщин, и все головы повернулись в нашу сторону.

– Привет, мама! – сказал Фарзад, держа руку на моем плече.

– Что?! «Привет, мама» и всего-то? – завопила та. – Я вот сейчас возьму этот «привет» и отлуплю тебя им, как дубиной! Где ты пропадал всю ночь?

Вслед за ней к нам устремились и остальные люди из-за столов.

– Я привел в гости Лина, ма, – поспешно сказал Фарзад в попытке отвлечь внимание от себя.

– Ох, Фарзад, сын мой! – Она всхлипнула и сжала сына в удушающе-крепком объятии. Затем резко его оттолкнула и с размаху влепила пощечину.

– Ой! Мама! – заныл Фарзад, хватаясь за щеку.

Его маме было за пятьдесят. Невысокая женщина хрупкого сложения, она носила короткую стрижку, хорошо сочетающуюся с мягкими чертами лица. Простое платье в полоску дополнялось цветастым передником и бусами из тщательно подобранных по размеру и форме жемчужин.

– Что ты вытворяешь, гадкий мальчишка? – гневно спросила она. – Или ты подрядился работать на местную клинику, поставляя им пациентов с этими самыми... как их?

– Сердечными приступами, – подсказал седовласый мужчина, вероятно ее супруг.

– Вот-вот, доводишь всех нас до этих самых.

– Ма, но в этом нет моей...

– А вы, значит, и есть тот самый Лин! – сказала она, прерывая сына и обращаясь ко мне. – Дядя Кеки, да воссияет его дух в наших глазах, много о вас рассказывал. А обо мне он не упоминал? О своей племяннице Анахите, матери Фарзада, жене Аршана? Дядя говорил, что с вами мало кто может потягаться в философских спорах. Для начала хотелось бы знать, как вы трактуете дилемму свободы воли и детерминизма?

– Дала бы человеку дух перевести, мать, – упрекнул ее отец Фарзада, пожимая мне руку. – Меня зовут Аршан. Очень рад познакомиться с вами, Лин.

Затем он повернулся к Фарзаду и устремил на него суровый, но в то же время любящий взгляд:

– Что касается вас, молодой человек...

– Я могу оправдаться, па! Я...

– Оправдываться будешь после хорошей порки! – снова взвилась Анахита. – Да и чем ты сможешь оправдать наши страхи, когда мы все глаз не сомкнули в прошлую ночь? Чем ты оправдаешь терзания твоего отца, который до рассвета бродил по улицам, воображая, что ты попал под грузовик и лежишь раздавленный где-нибудь в грязной канаве?

– Ма...

– А ты знаешь, сколько канав в нашей округе? Это самое насыщенное канавами место во всем городе! И твой бедный отец облазил их все до единой в поисках твоего раздавленного трупа. И после всего этого у тебя хватает наглости объявиться здесь перед всеми нами без единой царапины на твоей бесстыжей шкуре?

– И то верно, хоть бы захромал, что ли? – сказал, приветствуя Фарзада, молодой человек, с виду его ровесник. – Или еще как-нибудь покалечился из уважения к близким.

– Мой друг Али, – представил его Фарзад, и эти двое обменялись понимающими улыбками.

Я заметил, что ростом и телосложением они были точными копиями друг друга.

– Саям алейкум, – сказал я.

– Ва алейкум саям, Лин, – ответил Али, пожимая мне руку. – Добро пожаловать на фабрику грез!

– Лин только что вытащил меня из тюрьмы, – сообщил Фарзад во всеуслышание.

– Из тюрьмы?! – вскричала его мать. – Уж лучше бы ты валялся в одной из тех грязных канав вместе с твоим несчастным отцом!

– Но сейчас-то он уже дома, – сказал Аршан, легонько подталкивая нас к одному из двух длинных столов.

– Умираю с голода, па! – заявил Фарзад.

– А ну-ка постой! – задержала его, схватив за рукав, женщина в экстравагантном *шальвар-камизе*, состоявшем из бледно-зеленых зауженных брюк и просторного желто-оранжевого платья до колен. – Только не с руками, на которых полно всяких тюремных микробов! Еще неизвестно, каких микробов мы нахватились от одного лишь разговора с тобой! Быстро мыть руки!

– Слышишь, что тебе говорят? – подхватила Анахита. – Мыть руки! И вы тоже, Лин. Он мог и вас заразить тюремными микробами.

– Да, мэ.м.

– И я должна вас заранее предупредить об одной вещи, – добавила она. – Я определенно склоняюсь к детерминизму и готова закатать рукава для решительной битвы, если вы окажетесь сторонником свободы воли.

– Да, мэ.м.

– Имейте в виду, я никогда не смягчаю удары в философских поединках.

– Да, мэ.м.

Мы с Фарзадом вымыли руки над кухонной раковиной и заняли места за столом ближе к левой стороне огромного зала. Женщина в шальвар-камизе поставила перед нами два блюда с мясом в ароматной подливке.

– Отведайте мою баранину, молодые люди, – сказала она и, улучив момент, ущипнула Фарзада за щеку. – Ах ты шkodник, дрянной мальчишка!

– Я даже не знаю, за что меня арестовали! – запротестовал Фарзад.

– А тебе и незачем это знать, – парировала женщина, сопроводив свои слова еще одним болезненным щипком. – Ты всегда был и будешь дрянным мальчишкой, что бы ты ни делал. Даже если ты делаешь добрые дела, ты все равно шkodник, разве нет?

– И еще он славится колкими шпильками, – добавил я.

– Ох уж мне эти шпильки! – подхватила Анахита.

– Ну спасибо, Лин, – пробормотал Фарзад.

– На здоровье.

– Шпильки, шпильки шkodнику! – И женщина в шальвар-камизе угостила его очередным щипком.

– Это тетушка Захира, мама Али, – сообщил мне Фарзад, потирая болезненное место.

– Если вы предпочитаете вегетарианскую кухню, попробуйте *дал-роти*, – жизнерадостно предложила женщина в голубом сари. – Только что приготовлено.

Перед нами тотчас возникли две чашки с шафрановым супом и стопка горячих лепешек-роти на салфетке.

– Налетайте, не стесняйтесь! – подбодрила она.

– Это тетушка Джая, – шепнул мне Фарзад. – У них с тетей Захирой что-то вроде кулинарного состязания, а моя мама держит нейтралитет. Нам лучше быть дипломатичными: я начну с баранины, а вы начните с супа, о'кей?

Мы придвинули еду поближе и приступили к трапезе. Вкус был восхитительный, и я наворачивал за обе щеки. Поварихи-соперницы, удовлетворенно переглянувшись, присели к столу рядом с нами. Еще несколько взрослых и детей появились из дверей на первом этаже или спустились с верхних галерей, чтобы составить нам компанию; одни так же уселись за длинный стол, другие стояли поблизости.

Фарзад жадно впился зубами в кусок баранины, и тут Анахита, подойдя сзади, отвесила ему подзатыльник столь стремительно и внезапно, что ей мог бы позавидовать сам Дилип-Молния. Все дети вокруг нас разразились хохотом.

– Ай! Ма! Теперь-то за что?

– Тебе следовало бы грызть камни! – сказала она. – Камни из тех самых канав, в которых тебя искал твой бедный отец! Камни вместо нежного вкусного мяса!

– Суп тоже вкусный, правда? – обратилась ко мне тетя Джая.

– О да! – ответил я с энтузиазмом.

– Твой бедный отец всю ночь ползал по этим треклятым канавам!

– Дорогая моя, хватит уже про канавы, – попросил отец Фарзада. – Пусть мальчик расскажет нам, что произошло.

– Вчера вечером я был в клубе «Драм-бит»... – начал Фарзад.

– О! И какая там была музыка? – встрепенулась миловидная девушка лет семнадцати, сидевшая чуть поодаль на нашей стороне стола. Задавая вопрос, она наклонилась к столешнице, чтобы сбоку видеть Фарзада.

– Это моя кухня Карина, дочь тетушки Джайи, – сказал Фарзад, не глядя в ее сторону. – Карина, это Лин.

– Привет, – сказала она со смущенной улыбкой.

– Привет, – откликнулся я.

Покончив с овощным супом, я деликатно отставил в сторону пустую чашку. Тетушка Захира тотчас придвинула на ее место баранину – да так решительно и энергично, что та свалилась бы мне на колени, не подхвати я блюдо уже на самом краю стола.

– Спасибо.

– Баранина очень полезна, – заверила меня тетушка Захира. – Она смягчит ваш гнев и все такое.

– Смягчит мой гнев? Да, мэм. Большое спасибо.

– Итак, ты пошел в ночной клуб, – медленно произнес Аршан, – хотя я много раз предостерегал тебя от этого, сын мой.

– А что ему твои предостережения? – спросила Анахита и дала Фарзаду новый подзатыльник.

– Ай! Мама! Хватит уже, *йаар!*

– Твои предостережения ему как десерт! Проглотил, ням-ням-ням, и нет их! А ведь я тебе говорила, что оперантное научение⁴² – это единственный эффективный метод, применимый к нашему мальчику, но ты же у нас ярый поклонник Штейнера! Так вот что я скажу теперь: этой ночью твой сын позорно «обштейнерился»!

– Не думаю, что здесь можно винить штейнеровскую школу⁴³, – заметила Джая.

– Верно, – согласилась с ней Захира. – Их методология основана на здравом смысле. Мой Сулейман не далее как вчера...

– Вернемся к ночному клубу, – сказал Аршан. – Итак...

– Итак, – продолжил Фарзад, косясь на мамину руку. – Там была большая тусовка, и мы...

– Новые танцы там были? – спросила Карина. – И музыка из последнего фильма Митхуна?⁴⁴

⁴² *Оперантное научение* – метод обучения посредством системы поощрений и наказаний, призванных сформировать у обучаемого определенный тип поведения.

⁴³ *Штейнеровская школа* (вальдорфская школа) – альтернативная педагогическая система, основанная на антропософском учении Рудольфа Штейнера.

⁴⁴ *Митхун* – сценическое имя Гоуранги Чакраборти (р. 1950), популярного индийского актера.

– Я достану тебе запись этой музыки сегодня к вечеру, – пообещал Али, рассеянно беря лепешку Фарзада и откусывая солидный кусок. – Могу достать любую музыку, даже из фильмов, которые еще не вышли в прокат.

– Вау! – хором вскричали все присутствующие девчонки.

– Итак, ты гулял в этом ночном клубе... – упрямо вернулся к теме Аршан.

– Ты гулял этом *штейнеровском* ночном клубе, – уточнила Анахита, вновь заноса ладонь над головой сына, – и беззаботно резвился в то самое время, когда твой бедный отец ползал по всем канавам в округе!

– Нет, – сказал Аршан, чье терпение, судя по звенящему голосу, было уже на исходе. – Я уверен, что канавы были не тогда, а несколько позднее, дорогая. Итак, что произошло в клубе? Каким образом ты очутился в тюрьме?

– Я... я и сам толком не знаю, – признался Фарзад. – Я слишком много выпил, врать не буду. А когда копы пришли закрывать клуб, началась потасовка, и я, не помню как, оказался на полу. Должно быть, я упал сам. И тут один коп врезал мне ногой по затылку – как раз в то место, куда ты бьешь меня все утро, ма, – и я потерял сознание. Очнулся уже в полицейской машине. Потом они заперли меня в камере, не допросив и не позволив сделать звонок. Но кто-то из тюремной обслуги позвонил в Компанию, а оттуда позвонили Лину. Он приехал и вытащил меня из тюрюга. Он спас мою шкуру, будьте уверены.

– И это все? – спросила Анахита, презрительно кривя уголки губ. – И это все твое великое приключение?

– А я и не говорю, что это *великое* приключение! – возразил Фарзад, но его мама уже удалилась в сторону кухни.

– Спасибо вам, Лин, за то, что вернули нашего сына домой, – сказал Аршан, благодарно дотронувшись до моей руки, а затем обратился к Фарзаду: – Давай-ка все проясним. Полицейский ударил тебя ногой по голове, когда ты лежал на полу. Ударил так сильно, что ты потерял сознание?

– Именно так, па. Я ничего плохого не делал. И вообще, я был слишком пьян, чтобы сделать хоть что-нибудь. Просто валялся там, где упал.

– Тебе известно имя этого полицейского?

– Да, его называют Дилип-Молния. Он сержант в Колабском участке. А что?

– Мой отец будет в ярости, когда об этом узнает! – сказал Али. – Он отберет полицейский значок у этого Дилипа-Молнии! Он поднимет против него весь юридический факультет!

– А мой отец поднимет все медицинское сообщество! – подхватила Карина, гневно сверкая глазами. – Мы добьемся его изгнания из полиции!

– Так и поступим! – согласилась тетушка Джая. – Начнем действовать прямо сейчас!

– Могу я высказать свое мнение?

Все головы повернулись в мою сторону.

– Я неплохо знаю этого Дилипа-Молнию. Это на редкость злобный и мстительный тип. Он злится даже на тех, кто дает ему деньги.

Я сделал паузу, убедившись, что завладел их вниманием.

– Продолжайте, – попросил Аршан.

– У вас не получится изгнать его из полиции. Да, вы сможете на какое-то время подпортить ему жизнь, добиться его перевода в другое место, но значок вы у него не отберете. Он слишком много знает о слишком многих важных людях. Спору нет, он мерзавец и заслуживает наказания, но, если вы ему навредите, рано или поздно он вернется и тогда уже сделает все, чтобы разрушить ваше благополучие. Возможно, навсегда.

– Вы хотите сказать, что он так и останется безнаказанным? – спросил Али.

– Я вот что хочу сказать: если вы пойдете против этого копа, будьте готовы к серьезной войне. Не следует его недооценивать.

– С этим я согласен, – сказал Аршан.

– Что?! – хором вскричали Али и тетушка Джая.

– Фарзад еще легко отделался. Лин прав. Все могло кончиться гораздо хуже. Что нам сейчас нужно меньше всего, так это коп-социопат у нас на пороге.

– И оперантное научение снова псу под хвост, – сказала Анахита, вернувшаяся с кухни. – Как поступают в таких случаях штейнеровцы: бегут и прячутся?

– Больше чтоб ноги твоей не было в этом клубе, Фарзад! – отрезал Аршан, не реагируя на комментарии жены. – Ты слышишь меня? Я тебе запрещаю там появляться!

– Да, папа, – сказал Фарзад, опустив голову.

– Вот и ладно. – Аршан поднялся и протянул руки к нашим опустевшим блюдам. – Добавки не нужно?

Аршан и Анахита отнесли посуду к кухонной мойке и вскоре вернулись с десертом.

– Сладкий крем, – объявила Анахита, ставя перед нами две новые чашки. – Он добавит сахара в вашу кровь.

– И малиновый напиток, – сказал Аршан, присовокупляя к чашкам пару бутылок с прозрачной темно-красной жидкостью. – В нашей жизни редко какая проблема не предстанет в розовом цвете после стакана прохладного малинового напитка. Угощайтесь.

– Интересно, кто вам спроектировал интерьер? – поинтересовался я, обводя взглядом раскуроченное помещение. – Часом, не Харлан Эллисон?⁴⁵

Фарзад выразительно взглянул на своего родителя:

– Лин спас мне жизнь, па. Наши семьи не возражают. Сейчас как раз подходящий момент. Что скажешь?

– Похоже на то, – пробормотал Аршан, глядя на сумбур из шатких мостков и лесенок в духе Эшера⁴⁶, опасно нависающих над нашими головами.

– Это значит согласие? – уточнил Фарзад.

Аршан перекинул ногу через скамью, на которой мы сидели в ряд, и всем телом повернулся ко мне.

– Что, по-вашему, мы делаем с этим домом? – спросил он.

– Навскидку я бы предположил, что вы здесь что-то ищете.

– Так оно и есть. – Аршан широко улыбнулся, продемонстрировав два ряда ровных, мелких, безупречно белых зубов. – Теперь я понимаю, почему вы так нравились дядюшке Кеки. Да, именно этим мы и занимаемся. Все это – все, что вы видите, – следствие охоты за сокровищами, поисков одного чрезвычайно ценного сундучка.

– Вроде... старинного пиратского клада?

– Вроде того. Но только не пиратского, а купеческого – меньшего по объему, но гораздо более ценного.

– Надо надеяться, он того стоит, учитывая масштаб разгрома.

– Фарзад, принеси список, – сказал его отец.

Когда Фарзад нас покинул, Аршан приступил к объяснениям:

– Мой прадед был очень успешным предпринимателем и скопил огромное состояние. Даже после того, как он, по традиции парсов, отдал большую часть своих денег на благотворительность, ни один из купцов или фабрикантов Бомбея не смог превзойти его богатством...

Вернулся Фарзад и, сев рядом со мной на длинную скамью, передал отцу сложенный лист пергамента. Аршан накрыл его ладонью и продолжил свой рассказ:

⁴⁵ Харлан Эллисон (р. 1934) – американский писатель-фантаст «новой волны», широко известный как фантазмагоричностью и шокирующим стилем повествования, так и своими эпатажными выходками на публике.

⁴⁶ Эшер, Мауриц Корнелис (1898–1972) – голландский художник-график. В данном случае имеется в виду его литография «Относительность» (1953), на которой изображен парадоксальный интерьер здания с тремя разнонаправленными силами тяжести и несколькими лестницами, соединяющими разные плоскости реальности.

– Когда колониальная эпоха в Индии подошла к концу, британцы стали в спешке покидать Бомбей. Многие из них – и в первую очередь самые богатые – боялись, что индийцы начнут мстить им за все годы угнетения. В последние недели и дни перед провозглашением независимости их отъезд уже напоминал паническое бегство.

– И ваш прадед оказался в нужное время в нужном месте.

– Ни для кого в Бомбее не было секретом, что у него имелась куча денег помимо тех, что лежали на банковских счетах, – сказал Фарзад.

– Причем эти деньги не фигурировали ни в каких учетных документах, – добавил Аршан.

– И он использовал неучтенные средства для скупки ценностей у драпающих англичан, – догадался я.

– Именно так. Богатые англичане начали, не торгуясь, сбывать с рук свои драгоценности за наличные деньги из страха, что новые индийские власти объявят их награбленными или украденными, – нередко так оно и было на самом деле. Таким образом, на исходе колониальной эпохи мой прадед по дешевке приобрел огромное количество драгоценных камней и спрятал их...

– ...где-то в стенах этого дома, – закончил я за него.

Аршан со вздохом оглядел распотрошенные внутренности особняка.

– Но разве он не оставил своим наследникам ключа к разгадке?

– Увы, – снова вздохнул Аршан и развернул пергамент. – Этот документ, найденный нами в старинной книге, подробно перечисляет все драгоценные камни и даже описывает внешний вид сундучка, в котором они хранятся, но не дает ни малейшего намека на его местонахождение. В ту пору мой прадед владел всеми тремя смежными зданиями, так что сундучок может быть спрятан в любом из них.

– И вы начали поиски.

– Мы обыскали все комнаты и всю мебель в своем доме. Мы проверили все шкафы и столы на предмет возможных потайных ящичков. Затем мы исследовали полы и стены, в которых также могли быть скрытые дверцы и тому подобное. Ничего не обнаружив, мы поняли, что остается только ломать кладку.

– Начали с внутренних стен, – подключилась к разговору Анахита, а Карина меж тем подала мне чай в тонкой фарфоровой чашке. – Но когда добрались до этой, как ее там...

– Смежной стены, – подсказал Аршан.

– Да, когда мы добрались до этой как-ее-там, стали падать вещи со стены у наших соседей, семьи Хан.

– В том числе мои любимые настенные часы с оптическим эффектом, – горестно вздохнула Захира. – На них был изображен водопад, вода в котором все время меняла оттенки, и казалось, что она действительно падает. И эта прелесть упала со стены, разбившись на миллион осколков. До сих пор не могу найти ничего подобного.

– И вот, когда в доме Ханов начали падать вещи, они пришли к нам с вопросами.

– Конкретно мой отец пошел разбираться, – уточнил Али.

– Пришел, а тут и так уже все разобрано, – попытался сострить Фарзад.

– Наши семьи всегда жили дружно, – сказал Али. – Дядя Аршан и тетя Анахита не стали скрывать от моего отца всю правду, рассказали о кладе, а потом предложили поучаствовать в охоте за сокровищами.

– Мы подумали, что старик мог спрятать сундучок внутри смежной стены, – сказал Аршан. – При его жизни во всех трех домах неоднократно что-то изменяли и обновляли. Но без согласия Ханов ломать общую стену мы, разумеется, не могли.

– В тот вечер мой Сулейман вернулся домой и собрал всю семью на совет, – продолжила тетя Захира. – Он рассказал нам о сокровищах и о предложенном участии в их поисках, для чего требовалось сломать стену между нашими домами. Ну и гвалт поднялся тогда!

– Да уж, орал все разом, как сумасшедшие, – подтвердил Али.

– Не все поддержали эту идею, – сказала Захира, – но после долгих споров мы все-таки согласились и уже на следующий день начали ломать стену со своей стороны.

– Однако клада не оказалось и там, – вставила хорошенькая Карина. – И в других местах тоже. Тогда они обратились к моему папе.

– Аршан и Анахита пригласили нас в гости, – сказала Джая, улыбаясь при этом воспоминании. – Когда мы явились, тут сидели в полном составе обе семьи, Дарувалла и Хан, а внутри дома был жуткий кавардак. И они предложили нам присоединиться к поискам: вдруг сокровища спрятаны в общей стене между нами? Мой муж Рахул согласился тут же, без раздумий. Он вообще авантюрист по натуре.

– Он даже катается на лыжах, – сообщила Карина. – Прямо по снегу.

Присутствующие изумленно покачали головами.

– И у вас нет никаких сомнений в том, что клад спрятан где-то здесь? – спросил я.

– Будьте уверены, – сказал Фарзад. – Когда мы не нашли его во второй смежной стене, остались еще перекрытия между этажами. Скоро доберемся и до стропил. Клад где-то здесь, и мы его найдем.

– У нас тут что-то вроде сумасшедшего дома, в который заключили нормальных людей, – подвела итог Карина. – С тремя большими семьями, живущими в мире и согласии.

Люди вокруг меня, члены трех семей и последователи трех разных религий, расправили плечи и улыбнулись при этих словах.

– Среди нас нет главных и подчиненных, – пояснил Аршан. – Мы все равны. И мы договорились разделить сокровища на три равные части, по одной на каждую семью.

– Если вы их найдете, – сказал я.

– *Когда* мы их найдем, – поправили меня сразу несколько голосов.

– И как долго длится эта ваша эпопея?

– Без малого пять лет, – ответил Фарзад. – Мы начали сразу после того, как обнаружили пергамент. Ханы присоединились к нам через год, а семья Малхотра – еще через полгода. За время поисков я успел закончить колледж и поработать в Америке.

– Но это не является нашим основным занятием, – сказала Карина Малхотра. – Мой папа врач по профессии. Отец Али, дядя Сулейман, преподает в Бомбейском университете. Дядя Аршан – архитектор, и под его руководством мы ломаем все так аккуратно, что наши дома до сих пор не рухнули. Мы все учимся или работаем в разных местах – кроме тех, кто сидит с маленькими детьми.

– Поисками обычно занимаемся по ночам и в выходные, – сказал Али. – Или когда выдается свободный день вроде нынешнего – сегодня никто не поехал по своим делам, потому что мы все волновались из-за пропавшего Фарзада. Спасибо за внеплановый выходной, братишка.

– Всегда к вашим услугам, – заулыбался Фарзад.

– У нас две кухни, – с гордостью объявила Анахита. – Одна вегетарианская, другая обычная, так что с едой на любой вкус никаких проблем.

– Это верно, – поддержала ее Джая. – Как правило, в каждой замкнутой общине или семье люди питаются довольно однообразно, а тут пожалуйста: две кухни с очень разными наборами блюд. Каждый выбирает, что ему по вкусу, и все тип-тип, как любит говорить наша молодежь.

– Тип-топ, – поправила ее Анахита, и обе женщины обменялись улыбками.

– Мы все в одной лодке, и у нас общая цель, – заявил Али. – Для ссор и споров просто нет причин.

– За исключением философских диспутов, – напомнила Анахита.

– Это все чрезвычайно интересно... – начал я и тут же был перебит Фарзадом:

– Я ведь предупреждал, что будет интересно, не так ли?

– Да... конечно. Но я не понимаю, зачем вы рассказали все это *мне*?

– У нас возникла проблема, – сказал Аршан серьезно, глядя мне в глаза. – И мы надеемся разрешить ее с вашей помощью.

– Так-так, уже теплее. Выкладывайте.

– Несколько недель назад к нам заявился инспектор из муниципального совета, – сообщил Али. – Он побывал внутри и увидел, что тут творится.

– Конечно, он не знает, чем мы на самом деле занимаемся, – продолжил Фарзад. – Мы сказали, что делаем капитальный ремонт с перепланировкой.

– А что было причиной его визита? – спросил я.

– Мы думаем, это из-за нашего соседа через улицу, – сказал Аршан. – Он мог видеть, как к дому подвозили партию стальных балок. Мы укрепляем ими арки, когда разбираем очередной участок стены.

– Несколько лет назад он хотел выкупить наш дом, – сказала Анахита. – Этот прохиндей как только не ухищрялся, чтобы заставить нас его продать. А когда мы твердо отказались, он был прямо вне себя – визжал, как ошпаренный кот.

– Не говори так, – упрекнула ее Захира. – Обидеть кошку – это к несчастью.

– Даже в фигуральном выражении? – уточнила Анахита.

– Я просто хочу сказать, что надо быть очень осторожным, когда дело касается кошек. Даже в фигуральных выражениях.

Окружающие согласно закивали, и так продолжалось, пока я не прервал затянувшееся молчание:

– Ладно, оставим в покое кошек. Но что вам нужно от меня?

– Разрешение на перепланировку, – сказал Аршан, выходя из задумчивости. – Муниципальный чиновник после долгих уговоров согласился за взятку утвердить нашу... деятельность. Но только в том случае, если мы предъявим официальное разрешение на перепланировку или же его заверенную копию.

– Чтобы прикрыть чиновную задницу, – пояснил Али.

– Он сам не может подделать сертификаты, и украсть их он тоже не может, – сказал Фарзад. – Но он обещает закрыть это дело, если мы изготовим добротную подделку.

– Если *вы*, Лин, изготовите подделку для нас, – поправил сына Аршан.

– Да, если вы изготовите хороший убедительный сертификат, он его подпишет и оставит нас в покое. И нет проблемы. Будьте уверены.

– Такие вот дела, – вздохнул Аршан, положив локти на стол. – Если вы не поможете, дальнейшие поиски придется свернуть. А если поможете, мы будем продолжать, пока не найдем клад.

– Да ты и сам можешь это устроить, – сказал я Фарзаду. – Ты уже освоился на работе и легко обойдешься без моей помощи.

– Спасибо за комплимент, – сказал он с ухмылкой, – но тут возникает парочка сложностей. Во-первых, у меня нет связей в муниципальном совете. Во-вторых, парни в мастерской не возьмутся за такую работу только по моей просьбе. Да еще и, не дай бог, донесут Санджаю. Другое дело *вы*.

– И почему так получается, что я всегда – другое дело?

– Вы сможете повернуть все чисто и незаметно, потому что вы босс в мастерской, – объяснил Фарзад. – С вашей помощью мы все устроим так, что никто посторонний не узнает об этой фальшивке.

– Возможно, мой вопрос покажется вам странным, – сказал я, оглядывая их напряженные лица, – но, с другой стороны, было бы странно его *не* задать. Вы не подумали о том, что я ведь могу отказаться, а потом передать наш разговор Санджаю?

– Закономерный вопрос, – признал Аршан. – Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что он уже не раз обсуждался в этой самой комнате. Дело в том, что нам необходима ваша

помощь, и мы считаем, что вам можно доверять. Дядя Кеки был о вас очень высокого мнения. Много раз он говорил, что вы были с Кадербхаем до самого конца и что вы – человек чести.

Упоминание о чести меня покорило, тем более что к ней взывали люди, предлагавшие утаить важную информацию от моего босса. Однако эти люди мне нравились. Уже сейчас, после короткого знакомства, они нравились мне больше, чем Санджай. И потом, Санджай был достаточно богат и без того. Он запросто мог обойтись без этого клада, если его и впрямь когда-нибудь найдут.

– Я сделаю вам сертификат до конца этой недели, – сказал я. – Санджаю скажу, что это левая работенка по просьбе моего друга, – в сущности, так оно и есть на самом деле. Но все это должно остаться строго между нами. Я не хочу, чтобы информация дошла до Санджая из других источников и потом бумерангом вернулась ко мне. С этим все ясно?

Присутствующие разразились аплодисментами и радостными криками. Затем они принялись хлопать меня по спине, обнимать, хватать за руки.

– Спасибо вам огромное! – с чувством сказал Аршан. – Нас выбила из колеи эта история с муниципальным советом. За все годы это первое серьезное препятствие, возникшее на нашем пути. А ведь мы... мы получаем такое удовольствие от охоты за драгоценным сундучком! Если совет запретит дальнейшие работы в доме, мы просто... просто потеряемся, как потерялись наши сокровища.

– И мы не просим, чтобы вы делали это даром, – добавил Фарзад. – Скажи ему, па!

– В качестве вознаграждения мы готовы выделить вам один процент от стоимости сокровищ, – сказал Аршан.

– Если вы их найдете, – улыбнулся я.

– *Когда* мы их найдем, – поправили меня сразу несколько голосов.

– *Когда* вы их найдете, – исправился я.

– А теперь, как насчет новой порции дал-роти? – спросила Джая.

– Или нежной курятины? – предложила Захира.

– Или сэндвича с яйцом и карри, – подхватила Анахита, – с бокалом малинового напитка.

– Нет-нет, спасибо, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – В меня уже больше ничего не влезет. Может быть, в другой раз.

– *Непреренно* в другой раз, – сказала Анахита.

– Да, непременно.

– Я вас провожу, – вызвался Фарзад, и мы с ним направились по коридорчику к длинным портьерам, скрывавшим от посторонних глаз внутреннюю часть здания.

Все остальные члены трех семей последовали за нами. В холле снова были объятия и рукопожатия, после чего я в сопровождении Фарзада выбрался на улицу.

За это время успел пройти муссонный дождь, но тучи уже удалялись, и жаркое солнце начало быстро выпаривать зеркальные лужи. Удивительное дело: в первую минуту обычный уличный пейзаж показался мне чуждым и незнакомым, как будто реальность осталась позади, в причудливом макрокосме огромного зала с мостками и лесенками, а эта сверкающая, исходящая паром улица была лишь иллюзией.

– Я надеюсь, знакомство с нашим объединенным семейством не слишком вас напрягло, – пробормотал Фарзад.

– Ничуть, – сказал я.

– И вам не показалось, что мы все немного того... помешанные? Из-за этих поисков?

– Все мы что-нибудь ищем. И, насколько я понял, вы счастливы.

– Это так, – быстро согласился он.

– Счастье – это тоже своего рода помешательство, разве нет?

Вместо ответа юный парс вдруг неловко меня обнял.

– Тут еще такое дело, Лин, – сказал он чуть погодя, разжав объятия, – у меня к вам будет одна маленькая просьба.

– Как? Еще одна просьба?

– Да. Если вам как-нибудь случится узнать телефонный номер той девушки... той красавицы с глазами полными прелести... ну, то есть Дивы, которую мы встретили перед полицейским участком, я...

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Категорически нет?

– Категорически.

– Но...

– Нет, – сказал я в который раз, смягчая тон и улыбаясь при виде его озадаченной физиономии.

Он покачал головой, развернулся и вошел в двери своей многолюдной обители. А я еще какое-то время постоял на тротуаре, подставив лицо солнечным лучам и вдыхая свежий запах недавнего дождя.

Конечно, деньги – это тоже наркотик, но я не волновался за обширное семейство Фарзада. Они пока еще не заглотели крючок стяжательства. Пока еще. Да, они угробили собственные жилища, но вместо них создали общее обитаемое пространство и прекрасно в нем уживались. Они перевернули свои жизни с ног на голову, но ведь это было каждодневное приключение: увлекательное путешествие, совершаемое не выходя из дома. Они сотворили мечту и жили этой мечтой. Им было хорошо и весело вместе, и я мог им только позавидовать.

Так я и стоял лицом к солнцу, с виду совершенно спокойный, но горько рыдающий в самой глубине души. Порою то, чего ты некогда лишился, вдруг является тебе как отражение в зеркале чужой любви; и этого безвозвратно утраченного оказывается нестерпимо много.

Семья, дом – эти простые слова подобны атоллам, поднимаемым из бездны тектоническими движениями сердца. Утрата, одиночество – эти простые слова подобны потопу, накрывающему некогда плодоносные долины.

А на острове настоящего от меня ускользала Лиза и набирало силу заклятие, вырвавшись на волю при упоминании одного имени: Карла.

Как же глупо пытаться любить, когда единственный по-настоящему любимый человек, посланный тебе судьбой, затерялся где-то в городских дебрях совсем недалеко от тебя. Отчаянная глупость – любить кого-либо вообще. Любовь не признает удачных или неудачных попыток: она приходит к нам внезапно и неотвратимо. Прозвучавшее имя Карлы было как вспышка пламени, которое жгло мое сердце, постоянно напоминая о ней.

Мы оба, Карла и я, были жертвами крушения. В то время как Лиза и прочие светлые люди, которых мы любили – или пытались любить, – под всеми парусами плыли к заветному берегу своей мечты, мы с Карлой ползком выбирались на пустынную отмель с кораблей, нами же самими потопленных. Я был сломлен. Сломлен и одинок. Возможно, и Карла тоже – на свой лад.

Я взглянул на особняк под высокой крышей: отдельные входы снаружи, объединенные жизни внутри. Найдут они свой клад или нет, это было не так уж и важно, главное – они уже нашли истинное чудо, обрели радость единения, получили ответ на свои молитвы.

Солнце вновь скрылось в наплыве туч, возвращая меня в серый мир изгиба – мой привычный дом.

Глава 16

Покинув район, где находился дом Фарзада, я выехал на широкий бульвар, который тянулся в северном направлении вдоль береговой линии. Дождевые тучи над головой набухали и уплотнялись; густая тень опускалась на улицы.

Поравнявшись с уютной, закрытой от ветров бухточкой, я сбросил скорость. Здешний берег пестрел яркими – синими, красными, зелеными – рыбацкими баркасами, вытасенными из воды для очистки днищ. Хижины рыбаков лепились друг к другу; на хлипкие крыши из пластиковых щитов и рифленого железа были уложены кирпичи и куски бетона, чтобы их не снесло ветром. Мужчины чинили растянутые на шестах сети, детишки играли на песке, гоняясь друг за другом среди сетей и лодок. С рассвета до заката эта бухта являлась небольшой, но важной частью местного рыбацкого сообщества. После полуночи она превращалась в небольшую, но важную часть местного сообщества контрабандистов, которые использовали быстроходные катера для перевозки сигарет, алкоголя, валюты и наркотиков.

Всякий раз, проезжая мимо этого места, я замедлял ход, чтобы отметить знакомые лица и признаки деловой активности. Лично меня это никак не касалось: «смотрящим» за бухтой был Фарид Решатель, который отвечал за все здешние прибыли и все риски, связанные с их получением. Я же лишь выказывал профессиональное любопытство. Каждый из нас, теневиков, знал все криминальные точки в южном Бомбее и не упускал возможности лишний раз в такие места заглянуть, просто чтобы оценить обстановку. Как однажды сказал Дидье: «Мы, преступники и отщепенцы, когда-то ютились в пещерах и тайных убежищах, и мы до сих пор испытываем тягу к подобным местам».

Я отвел взгляд от берега как раз вовремя, чтобы заметить троих мотоциклистов, двигавшихся мне навстречу по ту сторону разделительной полосы. «Скорпионы». Средним в троице был Данда, а в одном из его спутников я опознал здоровяка Ханумана, основательно обработавшего меня в пакгаузе.

Я съехал на обочину, остановился, не глуша двигателя, и стал наблюдать за ними в зеркало заднего вида. Они затормозили перед светофором в сотне метров позади меня и начали о чем-то спорить, бурно жестикулируя, а потом развернулись на перекрестке и покатали в мою сторону. Я вздохнул, на секунду отведя взгляд от зеркала.

Расклад выходил паршивым, но здесь была моя территория, и я не хотел своим бегством навести «скорпионов» на какое-нибудь из предприятий Компании. И потом, чувство собственного достоинства не позволяло мне предстать в роли труса, удирающего от погони, перед своими друзьями-гангстерами в трех-четыре кварталах отсюда. Я включил скорость, отпустил сцепление и круто развернулся. Затем дал газу и понесся навстречу «скорпионам», против движения по этой полосе.

Терять мне было нечего. Трое против одного – в любом случае шансы мои были мизерными. И я пошел на лобовое столкновение, решив, что авария все же лучше, чем безнадежное сопротивление в рукопашной схватке. Мой байк, как всегда, был со мной солидарен и не пытался отклониться от курса.

Но моим противникам, похоже, было что терять, или же их мотоциклы не так сроднились со своими владельцами: в последний момент они шарахнулись в стороны. Два «скорпиона» завалили, стараясь удержать равновесие, а третий упал и, вылетев на обочину, заскользил по грязи вдоль бетонного ограждения.

Я тормознул с заносом, проехавшись подошвой по мокрому асфальту, после чего заглушил мотор и поставил байк на подножку.

Упавший «скорпион» кое-как встал на ноги. Им оказался Данда – а я, как назло, не запасся жгучим лосьоном. Двумя ударами – сперва левой, затем правой – я послал гаденьша

в нокдаун. Тут подоспели и двое других, соскочив со своих мотоциклов. Как-то даже обидно стало за их байки, этак беспардонно брошенные на асфальт.

Нырряя, увертываясь, получая и нанося удары, я отбивался от двух «скорпионов» на обочине трассы. Машины замедляли ход, люди глазели на происходящее, но никто не останавливался.

Очухавшийся после нокдауна Данда снова ринулся в бой. Проскочив между своими соратниками, он достал меня в прыжке и вцепился в края жилета. Я потерял равновесие и рухнул навзничь; Данда со звериным рыком упал сверху и вознамерился – ни много ни мало – перегрызть мне горло. Я уже чувствовал его горячее дыхание и слюнявый язык на своей шее, его лоб упирался мне в челюсть, а пальцы не отпускали жилет, как я ни старался их оторвать. Другие «скорпионы» бегали вокруг нас и наносили удары ногами, стараясь не задеть Данду. Это у них выходило неважно: пара пинков досталась и ему, хотя Данда даже не среагировал, ну а я серьезных повреждений не получил. Два моих ножа, прижатые спиной к асфальту, давили на поясницу. У меня было четкое правило: доставать ножи только в тех случаях, когда мой противник вооружен или когда мои дела уже совсем плохи.

Наконец я сумел перекатиться и подмять под себя Данду, после чего разжал его пальцы и встал на ноги. Уж лучше бы я не вставал – Хануман оказался как раз у меня за спиной. Мощная рука обхватила мою шею и начала ее сдавливать, лишая меня воздуха.

Данда напал на меня повторно и снова пустил в ход зубы. Я понял: он был «кусакой». Я знал одного такого в тюрьме: придя в бешенство, он вонзал зубы в противника, и оторвать «кусаку» можно было только вместе с изрядной порцией плоти. Кончилось тем, что очередная покусанная жертва выбила ему все зубы, к огромному облегчению остальных эзков. И сейчас мне ужасно хотелось проделать то же самое с Дандой.

Он сунул голову под локоть Ханумана и укусил меня за руку, которой я пытался ослабить удушающий захват. В таком положении я не мог нанести ему достаточно сильный удар другой рукой. Тогда я схватил пальцами его ухо и рванул изо всех сил, почувствовав, как ушной хрящ поддается и отделяется от головы.

Зубы Данды разжались, я отпустил ухо, и он с визгом отпрыгнул назад, зажимая ладонью кровавую рану. Свободной рукой я попробовал дотянуться до ножей за спиной. Или до мошонки Ханумана – тоже весьма эффективный прием.

И тут активизировался третий «скорпион», который начал остервенело бить меня по лицу, но при этом совсем забыл об осторожности, и я, изловчившись, угодил ему ботинком в пах. Сложившись пополам, он опустился на землю.

Я задыхался, в глазах темнело, но рука все же достала выкидной нож. Я раскрыл его и нанес удар вслепую, рассчитывая попасть в ногу Ханумана. Однако лезвие прошло вскользь. Второй удар также не удался, но с третьей попытки нож воткнулся ему в бедро. Бугай вздрогнул всем телом и на миг ослабил хватку. Это позволило мне глотнуть воздуха. Я нанес еще один удар, глубже погрузив нож в мякоть. Но Хануман резко наклонился в сторону, и я уронил нож, выдергивая его из раны.

Давление его руки не ослабевало. Как меня учили, я с самого начала уперся подбородком в сгиб его локтя, чтобы уменьшить удушающий эффект. Но это не помогало, и я начал терять сознание.

В какой-то момент я смутно расслышал голос поблизости, произносящий мое имя. Попытался повернуть голову на звук, насколько позволял захват Ханумана. Голос раздался снова.

– А теперь пригни башку, чувак, – сказал он.

И я как сквозь туман увидел огромный кулак, который летел на меня с небес, заслоняя собой весь мир. Но вместо того, чтобы расквасить мое лицо, кулак врезался во что-то другое – что-то настолько близкое, что сотрясение от удара передалось и мне. А кулак ударил еще раз

и еще. Рука на моей шее разжалась, колени Ханумана подкосились, и он упал лицом вперед, с глухим чугунным звуком ударившись лбом об асфальт.

Откашливаясь, жадно хватая ртом воздух и рефлекторно принимая боевую стойку, я повернулся в ту сторону, откуда прилетел кулак. Над телом поверженного Ханумана стоял Конкэннон, картинно скрестив на груди руки.

Он приветствовал меня ухмылкой и сразу вслед за тем предупреждающе кивнул. Крутнувшись на месте, я узрел Данду в ужасающем виде: окровавленные зубы, налитые кровью глаза и струя крови, хлещущая из почти оторванного уха. А у меня, как назло, нет лосьона.

Данда весь вложил в удар, рассчитывая сбить меня с ног, однако не попал. В ответ я врезал по тому месту, где на лоскуте кожи болталась его ушная раковина. Он истошно взвизгнул – и в тот же миг на нас обрушился ливень.

Прижимая к голове ошметки уха, Данда пустился наутек; дождь раскрашивал его рубаху красным. Обернувшись, я успел заметить, как Конкэннон мощным пинком придает ускорение второму отступающему «скорпиону». С воплем тот присоединился к Данде, и оба помчались в сторону ближайшей стоянки такси.

Потоки воды вывели Ханумана из состояния грогги. Со стоном он поднялся на четвереньки, а потом, шатаясь, во весь рост – и тут понял, что остался один против нас двоих. Несколько секунд он простоял в раздумьях.

Я быстро взглянул на Конкэннона. Ольстерец ухмылялся во весь рот.

– Господи, – сказал он негромко, – пожалуйста, сделай так, чтобы этому уроду не хватило мозгов дать деру.

Но Хануман одумался и, спотыкаясь на ровном месте, припустил вдогонку за дружками.

Мой нож валялся на асфальте; ливень смывал кровь с лезвия. «Скорпионы» добежали до стоянки и втиснулись в такси, которое быстро укатило прочь. Я подобрал нож, обтер его, сложил и спрятал в чехол за спиной.

– Нефигово помахались! – сказал Конкэннон, хлопнув меня по плечу. – Теперь в самый раз догнаться косячком.

Мне было совсем не до того, но отказаться я не мог – после того, что он для меня сделал.

– О'кей.

Неподалеку от нас, под огромным развесистым деревом, находилась чайная. Я дотолкал мотоцикл до сухого места под кроной и обтер его тряпкой, предложенной хозяином заведения. Покончив с этим, я направился обратно к трассе.

– Эй, куда тебя понесло?

– Я вернусь через минуту.

– Мы только собрались культурно выпить по чашке чая, чертов австралийский варвар!

– Вернусь через минуту.

Брошенные «скорпионами» байки все так же лежали под дождем на дороге, истекая бензином и маслом. Я подобрал их и поставил на подножки у бетонного ограждения, после чего вернулся к Конкэннону. Одновременно прибыл и чай.

– Повезло тебе, что я оказался поблизости, – сказал он, отхлебывая из стакана.

– Я контролировал ситуацию.

– Ни хрена ты не контролировал! – засмеялся он.

Я посмотрел на него. Конечно, он был прав, и это следовало признать.

– Ни хрена, это факт! – рассмеялся я тоже. – Ты действительно чокнутый ирландский ублюдок. И как ты здесь очутился?

– Тут рядом мое любимое местечко, где я всегда затаривался гашишем, – сказал он, тыкая большим пальцем через плечо в направлении Кафф-Парейда. – Но на днях кто-то сбросил чувака с соседнего дома прямо на крышу этой лавчонки. И на башку Пателя, ее владельца.

– Подумать только!

– Одно утешает: вместе с Пателем придавило и местечкового барда, и я на этом чуток сэкономлю – приходилось всякий раз совать ему в зубы бумажку, чтоб он хоть ненадолго заткнулся... Я забыл, о чем мы говорили?

– Ты объяснял, что сейчас делаешь в этих местах.

– А ты небось подумал, что я за тобой слежу? Да? Ты слишком много о себе воображаешь, чувак. Я здесь просто покупаю гашиш.

– Угу.

Какое-то время прошло в молчании – неуютном молчании двух мужчин, думающих о совершенно разных вещах.

– Почему ты мне помог?

Он посмотрел на меня так, словно был искренне возмущен вопросом.

– А почему один белый человек не может помочь другому белому человеку в сраном дикарском бардаке вроде этого?

– Опять тебя заносит.

– Ладно-ладно, – сказал он, примирительно кладя руку мне на колено. – Я знаю, что у тебя мягкое сердце. Я знаю, что ты сердобольный тип. И это с понтом делает тебе честь. Ты умудряешься сострадать даже разбитым мотоциклам – да сжалится Господь над твоей черепушкой. Но тебе не по вкусу моя привычка говорить обо всем прямо и откровенно. Ты не любишь, когда туземца называют дикарем, а гомика – пидором.

– Думаю, на этом мы закончим, Конкэннон.

– Дай мне высказаться. Я понимаю, что это ранит твою чувствительную душу. Я все понимаю, поверь. И как раз *это* мне в тебе не нравится. Скажу напрямик: я не уважаю добрячков. Да и как можно уважать мягкотелость? Ты прекрасно знаешь, о чем речь. Ты ведь, как и я, бывал по ту сторону обычных вещей и понятий. Но и после того ты остался сердобольным добряком, хотя у тебя больше общего со мной, чем ты думаешь.

– Конкэннон...

– погоди, я еще не закончил. Сострадание – это чертовски хитрая штука. Люди сразу чувствуют, когда оно искреннее, а когда нет. Имитировать сострадание невозможно. Уж я-то знаю. Пробовал. И все без толку. Я натурально разболелся от этих попыток. Чтобы поправиться, мне пришлось снова стать настоящим собой – то есть равнодушным сукиным сыном. Зато настоящим. Суть в том, что меня привлекает все настоящее – пусть даже дрянное, но настоящее. Пусть даже мне самому это противно. Понимаешь, о чем я?

– Ты слишком плохо меня знаешь, чтобы судить, – сказал я, встречаясь с ним взглядом.

– Как раз тут ты ошибаешься. Я уже достаточно долго торчу в Бомбее. В первый раз я мельком услышал твое имя через несколько дней после приезда, когда поцапался с кем-то в одном притоне. Затем я услышал его снова, дважды с небольшим перерывом. Поначалу я думал, что речь идет о двух разных иностранцах, пока не выяснил, что Лин и Шантарам – это один и тот же отпетый чудик.

– Стало быть, ты все-таки за мной следил.

– Не совсем так. Просто я был заинтригован. И начал наводить о тебе справки. Я стал знакомиться с людьми, которые тебя знали и имели с тобой дело. Я даже познакомился с твоей подружкой.

– Что?!

– Она не рассказывала о нашей встрече?

Он ухмыльнулся. Эта его ухмылка начинала меня раздражать все сильнее.

– Интересно, почему она тебе не рассказала? Может, положила на меня глаз?

– Ты к чему клонишь?

– Ладно, не бери в голову, – сказал он. – Мы с ней познакомились на выставке.

Мои брови удивленно поползли вверх, и это его разозлило.

– Что такого? По-твоему, хамоватый ольстерский плебей не может интересоваться искусством? Ты это хочешь сказать?

– Давай ближе к теме.

– Да нет никакой темы, чувак. Я встретил Лизу – так ведь ее зовут? – на выставке. Мы поболтали немного, и все дела.

– Что тебе от нее нужно?

– Послушай, в момент знакомства я даже не знал, что она твоя девчонка. Только потом, когда один из ее приятелей назвал твое имя, я врубился в ситуацию. Клянусь.

– Держись от нее подальше, Конкэннон.

– С какой стати? Похоже, я ей приглянулся. А она приглянулась мне – это уж точно. Мы неплохо поладили. Не сегодня завтра тебе придется ее отпустить, да ты и сам наверняка это понимаешь, не так ли?

– Хватит, – сказал я, поднимаясь.

– Еще минуту! – попросил он, дотронувшись до моей руки. – Прошу. Я не хочу с тобой драться, чувак. Я и не думал... в смысле... У меня нет цели тебя разозлить. Просто я по-другому не умею. Сам понимаю, что это погано, но по-другому не могу, хоть ты тресни. Пусть тебя это бесит, но зато ты можешь быть уверен, что я не притворяюсь. Это настоящий я – такой, какой есть. И я вовсе не хочу задевать твои чувства, даже если так оно нечаянно выходит. Я всего лишь хочу поговорить по душам.

Я пытался прочитать его взгляд. Зрачки были размером с булавоочную головку: крошечные темные точки среди льдисто-голубой пустоты. Я отвернулся.

На шоссе рядом с мотоциклами «скорпионов» остановился грузовик-эвакуатор. Спрыгнувшие с него рабочие поочередно загрузили байки в кузов и, поставив их на дыбы для компактности, прислонили к другим таким же, ранее изъятых с улиц за нарушение правил парковки.

Конкэннон проследил за направлением моего взгляда.

– Не появись я вовремя, – заметил он, – сейчас в кузов закидывали бы твое мертвое тело.

И он был прав. Мне он не нравился, и я все больше уверялся в том, что он безумен. Однако его вмешательство действительно было своевременным и спасло мне жизнь.

Я снова сел за столик. Конкэннон заказал еще два стакана чая. Его толстые пальцы сновисто свернули небольшой косяк.

– Покуришь со мной?

Я взял самокрутку и прикурил от спички, которую он поднес, ковшиком сложив ладони. После пары затяжек я передал косяк ему.

– А сейчас, поскольку ты вечно обижаешься, порываешься уйти или дать мне в морду, я прекращаю пустой треп и перехожу к делу, – сказал он, выпуская струю голубоватого дыма.

– К какому еще делу?

– Я собираю новую банду и хочу, чтобы ты ко мне присоединился.

Тут уже я не удержался от смеха.

– Что в этом смешного?

– Но... с какой целью?

– С какой целью я собираю свою банду? – переспросил он, возвращая мне косяк. – Да с самой обычной, с какой же еще? Раздобудем стволы, устроим пару заварушек, запугаем кого-нибудь до смерти, вытрясем из него кучу бабла и будем гулять на всю катушку, куда не загнемся.

– Загнуться в загуле? Это и есть твоя золотая мечта?

В этот самый момент к нам приблизился мой знакомый по имени Джибрил, державший лошадей в расположенных неподалеку конюшнях. Я встал, чтобы его поприветствовать.

Этот мягкий стеснительный человек испытывал трудности при общении с себе подобными, но был чрезвычайно разговорчивым и дружелюбным, общаясь с лошадьми. Несколько недель назад его дочь слегла с лихорадкой, и состояние ее быстро ухудшалось. Джибрил связался со мной через знакомых в трущобах и согласился на мое предложение провести вирусно-токсикологическое обследование в частной клинике.

Я оплатил все анализы, в итоге показавшие, что у девочки лептоспироз – очень опасное заболевание, передаваемое, в частности, через мочу крыс. Благодаря тому, что болезнь выявили на ранней стадии, лечение проходило успешно.

И сейчас, сжимая мои ладони обеими руками, Джибрил радостно сообщил, что его дочь идет на поправку, и пригласил меня к себе домой на чай. Поблагодарив за приглашение, я в свою очередь предложил ему присоединиться к нам. Он с извинениями отказался, поскольку спешил на встречу с торговцем, который поставлял корм для его лошадей.

– Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? – сказал Конкэннон, когда я вновь занял место за столом. – Эти местные тебя любят. А меня нет. Да мне и не нужна их любовь. Мне не нужно их угощение – терпеть не могу эту паршивую жрачку! Я не хочу смотреть их дурацкие фильмы, не хочу разговаривать на их гребаном языке. А вот ты совсем другое дело. Ты с ними общаешься, ты их понимаешь, и они уважают тебя за это. Подумай о моем предложении. Вместе мы сможем проворачивать нехилые дела. Мы сможем подмять под себя эту часть города!

– А зачем нам это делать? – спросил я со смехом.

– Потому что мы это *можем*, – сказал он, доверительно наклоняясь ко мне.

«Потому что мы это можем» – вот оно, кредо любой власти с тех давних времен, когда сама идея власти над себе подобными зародилась в головах наших далеких предков.

– Но это не причина, это всего лишь предлог.

– Оглянись вокруг! Девяносто девять процентов людей делают то, что им велено. Но ты и я... мы с тобой принадлежим к оставшемуся одному проценту. Мы берем то, что хотим, тогда как все прочие берут лишь то, что им *позволяют взять*.

– Люди восстают против этого.

– Бывает и такое, – согласился он. – Время от времени. Но потом один процент снова лишает их всех вольностей, а до кучи еще гордости и достоинства, и они возвращаются в свое исконное рабское состояние.

– Знаешь, – сказал я со вздохом, глядя в его бледно-голубые глаза, – я не то чтобы не согласен с твоими словами, но мне противно их слышать.

– И в этом вся прелесть! – вскричал он, хлопнув себя ладонями по бедрам. Затем, выдержав паузу и убедившись по моему виду, что я заинтригован такой реакцией, продолжил: – Вот, смотри... Моя мать умерла, когда я был совсем еще мальцом. Отец крутился как мог, но не сводил концы с концами. Нас было пятеро детей, все младше десяти лет. А отец еще и болел. В конце концов он отдал нас в разные сиротские приюты. Мы были протестантами. Девчонки попали в протестантские приюты, но мне и братишке места в таких не нашлось, и мы очутились среди католиков.

Он умолк, глядя себе под ноги. Дождь вновь усилился, дробно, как барабанчики на свадьбе, молотя по навесу чайной. Конкэннон начал водить носком ботинка по сырой земле, оставляя на ней какие-то замысловатые узоры.

– Там был один священник.

Он поднял глаза. Я видел линии и точки на голубой радужке вокруг крошечных зрачков. Белки его глаз вдруг налились кровью.

– Я не буду говорить об этом, – заявил он, и вновь над столиком повисло тяжелое молчание.

Его глаза наполнились слезами. Он сжал челюсти и слотнул в попытке преодолеть этот позыв. Но слезы потекли по щекам, и он отвернулся.

– Гад ты поганый! – рявкнул Конкэннон, вытирая глаза тылом руки.

– Я?!

– Да, черт возьми, ты! Вот что делает с людьми это твое милое благоразумие! Оно превращает их в слюнявых слабаков. Впервые за много лет я пустил слезу, и еще дольше я не говорил об этом ублюдочном святоше! Но именно поэтому... да, именно поэтому мы с тобой отлично сработаемся, понимаешь?

– Да нет, не очень.

– Я покинул приют в шестнадцать лет. К восемнадцати на моем счету было уже шесть трупов. В том числе я прикончил и того священника. Видел бы ты, как он унижался, цепляясь за свою жизнь, никчемный огрызок!

Он снова умолк, и рот его сжался в одну горестную складку. Я понадеялся, что этим все и закончится. Но нет.

– Знаешь, я его простил, прежде чем убить.

– Конкэннон, я...

– Ты дашь мне договорить?

Выглядел он просто жутко.

– Хорошо.

– Больше я никого не прощал после того случая, – продолжил он со свирепой ухмылкой, вызванной этим воспоминанием. – Вступил добровольцем в Ассоциацию обороны Ольстера. Я разбивал головы и простреливал колени католикам, отправлял посылки с кусками тел пойманных нами собак из ИРА их вдовам и делал много чего еще. Мы сотрудничали с копами и армией – разумеется, неофициально, но нам давали хренов зеленый свет. Мы были типа «эскадронов смерти», убивали и калечили по заказу, и никто не задавал нам никаких вопросов.

– Конкэннон...

– Потом все пошло наперекосяк. Я вроде как сорвался с поводка. Они сказали, что я, мол, переусердствовал с насилием. Переусердствовал! Но это же, черт возьми, война! Как можно *переусердствовать* с насилием на войне? И они от меня отделались. Отправили сначала в Шотландию, потом в Лондон – ненавижу этот дерьмовый город! Я уехал оттуда, бывал в разных местах и вот оказался здесь.

– Послушай, Конкэннон...

– Знаю, – прервал он меня. – Знаю, что ты думаешь и что ты хочешь сказать. И ты прав на мой счет, не могу этого отрицать. Мне нравится причинять боль людям, когда они того заслуживают. Я чокнутый сукин сын. На мое счастье, здесь полно чокнутых девиц, так что скучать не приходится. Но ты совсем другой. У тебя есть свои принципы. Схватываешь мою мысль? Мы с тобой та еще парочка: ты мастер «говорить мягко», а я люблю махать «большой дубинкой»⁴⁷. Ты смотришь им в глаза, проворачиваешь дела,жимаешь руки. А я отрубая им руки, если они не захотят подчиняться.

– Отрубать людям руки после пожатия – мощная идея, что и говорить.

– Я хорошо все продумал, – сказал он нервно. – Вот почему я пытался увести тебя от этого французского гомика.

– Ты просто не знаешь, когда нужно остановиться, верно?

– Нет, погоди, я еще не закончил. Это... возьмем для примера религию... Если очистить религию от всего наносного, вернуть ее к основам, на которых она держалась сотни и сотни лет, останется только комбинация из красивых слов и страха перед вечными адскими муками. То же самое, что ты и я. Вместе мы составим похожую комбинацию. Попы и муллы жирели на ней столетиями.

⁴⁷ Намек на известную фразу Теодора Рузвельта (1858–1919), в свою очередь процитировавшего африканскую поговорку: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку».

Я протяжно вздохнул и уперся ладонями в колени, готовясь встать. Он попытался меня задержать, схватив за запястье. Как клещами сдавил – хватка у него была железная.

– Не советую этого делать, – сказал я.

Он отпустил мою руку.

– Извини, я... я только хочу, чтобы ты подумал над этим, – сказал он со слабым подобием прежней ухмылки. – Вернемся к этому разговору через несколько дней. На всякий случай имей в виду: мы будем в деле не только вдвоем – понятно, если ты согласишься. Я прощупываю почву, встречаюсь с разными людьми, и многие из них заинтересовались, можешь не сомневаться. Обдумай все на досуге, большего я не прошу. Это не слишком высокая цена за спасение твоей *мягко-говорящей* задницы, верно? Я бы хотел видеть тебя в своей команде. Мне нужен кто-то, с кем можно поговорить. Кто-то, кому я мог бы доверять. Так что подумай над моим предложением...

И я уехал, оставив его под синим пластиковым навесом. Я не думал о его предложении, но о нем самом я вспоминал не раз, объезжая бары и рестораны, в которых мы обычно встречались с клиентами.

Я общался с нужными людьми. Я слушал гангстерскую «музыку улиц»: сплетни, ложь, клевету и взаимные обвинения. Это всегда занимательно. Но как только выдавалась свободная минута, мои мысли возвращались к Конкэннону и к тем слезам, которые он безуспешно пытался сдержать.

Какие мечты, какие надежды, какое отчаяние побуждают нас совершать те или иные поступки лишь затем, чтобы сразу покинуть нас, как только дело будет сделано? Неужели все эти побудительные мотивы – только жалкие пустышки, рожденные в ночной тьме и бесследно исчезающие в ярком свете вызванных ими последствий? Все сотворенное нами в этой жизни сохраняется внутри нас еще долгое время после того, как наши амбиции и страхи покроются пеплом и инеем на каких-нибудь забытых берегах. Теми, какие мы есть, нас в первую очередь делают наши поступки, а не наши мысли или слова.

Конкэннон мечтал ворваться в здешний криминальный мир, тогда как я стремился из него вырваться. Слишком долго я жил и действовал под страхом ареста и депортации – и этот страх превратился в подобие отражения на водной глади, глядясь в которое я отпускал грехи самому себе. Но теперь вода покрылась рябью, и отражение, к которому я до сих пор обращался, начало смазываться и исчезать.

Глава 17

Я ждал Лизу перед отелем «Махеш», с удовольствием наблюдая за жизнью Города семи островов. В течение дня несколько раз прошли короткие, но сильные дожди, но сейчас вечерний воздух под серым небом вновь был сухим и горячим, как до муссона.

Волны разбивались о парапет и, перехлестывая через него, доставали до середины широкой набережной. Детвора шумно приветствовала самые большие волны, бегая под их брызгами, от которых шарахались гуляющие парочки. Рядом замедляли ход рикши, зазывая желающих прокатиться в хлипкого вида тележках на высоких колесах. Торговцы арахисом сновали тут и там, раздувая веерами тлеющие угли в переносных жаровнях, ароматный дым от которых стелился над набережной и вводил в искушение прохожих.

В целом город, омытый ливнями, благоухал сильнее обычного. Казалось, низкое облачное небо прижимает к земле запахи от сотен закусовых и лотков со снедью, приправами, бетелем, благовониями и гирляндами жасмина, в изобилии предлагаемыми на каждом перекрестке.

Из созерцательного состояния меня вывел голос Лизы, незаметно возникшей рядом.

– Пенни штрафа за рассеянность, – сказала она.

– Пенни сейчас уже не чеканят, – ответил я и поцеловал ее.

– Ты забыл, что мы в Бомбее? – спросила она, однако же не сопротивляясь. – Здесь можно попасть под арест за поцелуй на публике.

– Может, они посадят нас в одну камеру, – предположил я.

– Это вряд ли, – засмеялась она.

– Тогда я сначала сбегу сам, а затем выгашу и тебя.

– И что дальше?

– Я привезу тебя в это самое место в такой же вечер и снова публично поцелую, как сейчас.

– Погоди-ка, – сказала она, разглядывая мое лицо. – Да ты опять нарвался на побои!

– С чего ты взяла?

– А то я не вижу? Не пытайся меня обмануть, красавчик фингалистый.

– Что?

– Боже, Лин! Снова драка? Да что с тобой творится?

– Все в порядке, Лиза. Я жив-здоров. И я сейчас здесь с тобой.

Я поцеловал ее.

– Надо спешить, – сказала она, отстраняясь, – а то начнется без нас.

– Как это без нас?

– Не «как», а «что», горе-писака. Скоро узнаешь.

Она повела меня от набережной к променаду, окаймлявшему расположенное неподалеку высотное здание авиакомпании «Эйр Индия». Офисы уже закрылись, но в вестибюле на первом этаже горели тусклые ночные лампы, позволяя разглядеть конторки и дверные проемы в глубине помещения.

Обойдя здание, мы остановились перед запертой стеклянной дверью служебного входа. Лиза знаком велела мне подождать и нервно оглянулась на небольшой отрезок улицы, видимый с этой позиции. Там было безлюдно.

– Ну и что мы тут...

– Мы тут ждем, – оборвала она меня.

– Кого ждем?

– Да вот его.

Внутри здания замелькал луч света, и к стеклянной двери приблизился охранник с фонарем. Он открыл замок одним из ключей на увесистой связке, распахнул дверь, жестом призвав нас поторопиться, после чего вновь запер вход.

– Сюда, – сказал он. – Идите за мной.

Мы прошли несколько коридоров и помещений с рядами пустых столов и добрались до грузового лифта в дальнем конце здания.

– Этот лифт не отключают на ночь, – сообщил он с довольной улыбкой. – После остановки на самом верху еще два этажа по лестнице – и вы на крыше. А теперь мой бонус, будьте добры.

Лиза передала ему пачку банкнот. Охранник откозырял нам и, нажав кнопку на панели, пригласил войти в открывшийся лифт.

– Значит, мы будем грабить «Эйр Индию», – сказал я в процессе подъема. – А всего десять минут назад ты тревожилась из-за поцелуя на публике.

– Вовсе я не тревожилась. И мы здесь не для ограбления. Это будет закрытая вечеринка, только для избранных.

Двери лифта отворились, и мы увидели зал архива, забитый картотечными шкафами и полками, на которых пылились ряды бесчисленных папок.

– О, так это вечеринка в кафкианском стиле! Интересно, что у них в меню.

– Быстрее! – сказала Лиза, устремляясь к лестнице. – Не то опоздаем.

Шагая через две ступеньки, она повела меня наверх и там остановилась перед железной дверью.

– Надеюсь, он оставил ее незапертой, как обещал, – сказала она шепотом и нажала ручку.

Еще пара шагов, и мы очутились на крыше здания – обширной площадке с низкими металлическими будочками по периметру.

А над нашими головами, поддерживаемая мощными стальными опорами, высилась десятиметровая светящаяся эмблема компании «Эйр Индия»: стилизованный кентавр с натянутым луком, пролетающий в прыжке через разомкнутое кольцо.

Гигантская фигура была закреплена на стальном поворотном стенде, который, в свою очередь, фиксировался многочисленными тросами и крепкими балками. Как и все бомбейцы, я сотни раз наблюдал вращение этого знака над зданием «Эйр Индия», но оказаться на крыше с ним рядом, высоко над океанским простором, – это было совсем другое дело.

– Вот это да!

– Мы успели вовремя, – сказала Лиза.

– А разве тут прекрасно не в любое время? Какой вид!

– Подожди, – сказала она, глядя вверх на эмблему с лучником. – Подожди.

Поблизости что-то зажужжало и заскрежетало – судя по звуку, запустился генератор. Начала раскручиваться турбина, глухое урчание которой постепенно сменилось утробным воем. Послышались ритмичные щелчки конденсатора – или нескольких конденсаторов, – а затем фигура над нами, пару раз мигнув, мощно вспыхнула, заливая все вокруг кроваво-красным светом. Еще через несколько секунд алый стреляющий кентавр начал вращаться вокруг своей оси.

Лиза возбужденно приплясывала, широко раскинув руки.

– Ну и как тебе это? – крикнула она. – Вот теперь в самом деле прекрасно!

Задрав головы, мы наблюдали за тем, как громадная эмблема разворачивается лицевой стороной к морю. К тому времени тучи вновь набухли и слились в одну темную массу. Отдаленные ветвистые молнии разрезали мрак, подобно ребрам небесных великанов, беспокойно воровавшихся на облачном ложе.

– Тебе нравится? – спросила она, прижимаясь ко мне.

– Даже очень. Как ты до этого додумалась?

– Я побывала здесь пару недель назад вместе с Ришем – ты недавно встречался с ним в галерее. У него была идея сделать полноразмерную копию этого лучника для новой Бомбейской выставки. Для начала он захотел взглянуть на него вблизи и позвал меня за компанию. Когда мы поднялись сюда и все разглядели, он отказался от этого проекта. Но мне это так понравилось, что я обворожила охранника, и он за взятку пообещал пустить сюда нас двоих, тебя и меня.

– Так ты его обворожила или подкупила?

– И то и другое. Я ведь подкупающе обворожительная девушка.

С минуту мы молча смотрели на штормовое море далеко внизу. Зрелище пугало и завораживало, но внезапно – как уже не раз случалось этим днем – мне вспомнился Конкэннон.

– Послушай, ты не общалась в последнее время с высоким ирландским парнем по фамилии Конкэннон?

Она задумалась, приподнимая верхнюю губу, – мне всегда особенно нравилась эта ее гримаска.

– Должно быть, Фергюс? Его зовут Фергюс?

– Мне он известен только как Конкэннон, – сказал я. – Но ты его ни с кем не путаешь. Рослый, длинноногий, кажется грузным, но на самом деле очень подвижный и неслабо боксирует. Светлые рыжеватые волосы, жесткий взгляд. Он говорил, что встречался с тобой на выставке.

– Да, это Фергюс, так он представился. Я общалась с ним только один раз. А что?

– Ничего особенного. Просто мне интересно, что он мог делать на выставке. Не похож он на ценителя искусства.

– На той выставке кто только не тусовался, – припомнила она. – Это было самое успешное из наших шоу. Одно из тех, на которых бывают и люди далекие от искусства.

– Наверно, тема была жизненная?

– Да, о людских судьбах, разрушенных из-за конфликтов между сыновьями и отцами. Выставка так и называлась: «Сыновья своих отцов». Ее бурно обсуждали в прессе. Ранджит постарался на славу. И это привлекло толпу посетителей. Да я ведь тебе рассказывала, разве не помнишь?

– Нет. Я тогда был в Гоа, а позднее ты ничего об этом не говорила.

– Неужели? Я была уверена, что рассказывала. Странно, да?

– Не так чтобы очень.

«Сыновья своих отцов». Возможно, именно эти слова, случайно замеченные на афише, и привлекли Конкэннона на мероприятие. Или же он следил за мной, а потом за Лизой и воспользовался выставкой для знакомства с ней?

По его взгляду во время нашего разговора было видно, как мучительны для него воспоминания о детстве и юности. У меня самого подобных воспоминаний хватало, а по ночам являлись кошмары из прошлого, возвращались призрачные лица тех, кого я, казалось бы, уже благополучно забыл.

Я посмотрел на точеный профиль Лизы: глубоко посаженные глаза, небольшой тонкий нос, изящный удлиненный подбородок, почти никогда не сходящая с губ полуулыбка. Ветер развеивал ее светлые волосы, превращая их в подобие нимба.

На ней было свободное черное платье до колен, с высоким жестким воротником, но с открытыми плечами. Она скинула сандалии и теперь стояла босиком. Единственным ее украшением было бирюзовое ожерелье, составленное из разных по форме и размеру бусин. Лиза увидела выражение моего лица и чуть наморщила лоб.

– Ты знаешь, какой сегодня день? – спросила она и рассмеялась, когда мои глаза озадаченно расширились. – Сегодня у нас годовщина.

– Но мы ведь с тобой...

– Я говорю о том дне, когда я впервые поняла, что могу тебя полюбить, – пояснила она, наслаждаясь моим замешательством. – Ровно два года назад, через неделю после свадьбы Карлы, ты остановил свой байк рядом со мной на Козуэй, когда я пережидала дождь.

– Я надеялся, что ты уже забыла о том случае. Я тогда был под сильным кайфом.

– Что верно, то верно, – согласилась она. – Ты заметил меня в толпе под навесом у магазина и подкатил с предложением подбросить до дома. А дождь стоял стеной...

– Назревал большой потоп, и я подумал, что тебе будет непросто добраться домой.

– Да, лило как из ведра. И вдруг появляешься ты, на мотоцикле под ливнем, весь мокрый насквозь, и предлагаешь подвезти меня, стоящую в сухом и безопасном месте. Я хохотала от души.

– Ладно-ладно...

– А потом ты слез с байка и начал танцевать под дождем на глазах у всех.

– Чертовски глупо.

– Да нет же! Как раз это мне очень понравилось.

– Глупо, – повторил я, качая головой.

– Думаю, ты должен дать обет перед силами вселенной: находясь в Бомбее, танцевать под дождем хотя бы один раз за время муссона.

– Насчет сил вселенной не знаю, но перед *тобой* я готов дать обет. Отныне обещаю в каждый из муссонов на моем веку хотя бы раз потанцевать под дождем.

Гроза приближалась. Молнии яростно металась над морем. Еще через мгновение первый громовой раскат потряс небо.

– Сейчас польет вовсю.

– Иди сюда, – сказала Лиза, беря меня за руку.

Она подвела меня к подножию медленно вращающегося лучника, нырнула в тень и тут же появилась обратно с плетеной корзиной в руке.

– Я заплатила охраннику, чтобы он спрятал это здесь для нас, – объяснила она, открывая корзину, в которой обнаружили большое одеяло, бутылка шампанского и несколько бокалов. Она протянула мне бутылку. – Открывай, Лин.

Пока я возился с фольгой и проволоочной уздечкой, она расстелила одеяло, придавив его найденными на крыше кусками арматуры, чтобы не унесло порывом ветра.

– А ты и вправду все продумала, – сказал я и выстрелил пробкой.

– Ты и половины еще не знаешь. Это уникальное место. Когда мы были здесь с Ришем, я хорошенько осмотрелась и поняла, что это одно из очень немногих мест в Бомбее – а то и вовсе единственное место, – где никто не сможет увидеть тебя из окна.

С этими словами она стянула платье через голову и отбросила его в сторону. Под платьем на ней ничего не было. Она протянула два бокала, чтобы я их наполнил. Так я и сделал, и мы чокнулись.

– За что выпьем? – спросил я.

– Почему бы тебе тоже не скинуть свою чертову одежду?

– Лиза, – сказал я серьезно, – нам надо поговорить.

– Да, – сказала она. – Но сначала выпьем. Я скажу тост.

– Давай.

– За влюбленных глупцов.

– За влюбленных глупцов.

Она осушила бокал и швырнула его через плечо. Бокал звонко разбился о бетонную опору.

– Всегда хотела это сделать, – заявила она радостно.

– Послушай, нам необходимо поговорить...

– Нет, – сказала она и принялась срывать с меня одежду.

Когда мы оба оказались голыми, она взяла новый бокал.

– Еще один тост, и после этого поговорим, – сказала она.

– Хорошо. Выпьем за дождь, – предложил я. – За дождь, очищающий нас изнутри и снаружи.

– За очищающий дождь! – согласилась она.

Мы выпили.

– Лиза...

– Нет, выпьем еще.

– Но ты же сказала...

– Я еще не готова.

– В каком смысле?

– В смысле: меня еще не развезло.

Схватив бутылку, она вновь наполнила бокалы.

– На сей раз без тостов, – сказала она, сделав большой глоток. – Пьем до дна.

Мы выпили. Еще один бокал звякнул, улетев куда-то в тень. Она опрокинула меня на одеяло, но тут же выскользнула из моих рук и стала в позу на фоне неба.

– Ты не против, если я буду разговаривать танцуя? – спросила она, раскачиваясь и встряхивая волосами на ветру.

– Постараюсь быть не против, – пообещал я и откинулся на спину, подложив руки под голову.

– Есть еще одна дата, которую стоит отметить, – сказала она с мечтательным видом.

– А ты знаешь, что в аду предусмотрены специальные пытки для людей, никогда не забывающих дни рождения и юбилеи?

– Но эта дата не из прошлого. Это начало *новых нас* через два года после прежней даты.

– Новых нас?

– Да, – сказала она, кружась в танце. – Вместо тех, какими мы были.

– Какими мы *были*?

– Именно так.

– И когда же мы перестали ими быть?

– Сегодня.

– Неужели?

– Да.

– Когда ехали в лифте или когда поднимались по лестнице?

Она смеялась и танцевала под только ей одной слышную музыку, в такт которой двигались ее голова, руки, ноги и бедра.

– Это танец дождя, – сказала она, совершая руками плавательные движения. – Сейчас нам нужен дождь.

Я посмотрел на громадный, медленно крутящийся диск с лучником в центре, стальными тросами закрепленный на крыше одного из высочайших зданий города. Дождь. Гроза. А значит, и молнии. Пламенеющий лучник казался идеальной мишенью для молний.

– А нужен ли нам дождь прямо сейчас?

– Конечно, – сказала она, падая на одеяло рядом со мной. – И он скоро пойдет.

Она схватила бутылку, набрала полный рот шампанского и перелила его в меня вместе со смачным поцелуем.

– Я хочу, чтобы у нас были открытые отношения, – сказала она, когда наши губы разомкнулись.

– Да мы и так открыты дальше некуда, – улыбнулся я.

– Я хочу встречаться не только с тобой, но и с другими людьми.

– А, так вот о какой открытости речь.

– И тебе тоже не мешает встречаться с другими. Разумеется, не регулярно. Не во вред нашим отношениям. Меня вряд ли обрадует твоя прочная связь на стороне, но развлечься время от времени – почему бы нет? Уже и кандидатка есть на примете: подруга, которая на тебя запала. Она такая милашка, что я не отказалась бы и от секса втроем.

– Что?

– Достаточно будет одного слова, – заверила она, глядя мне в глаза.

Буря была уже на подходе. Ветер все явственнее доносил до нас запахи моря. Я поднял взгляд к небу. Гордость по большей части питается гневом, а в смирении куда больше правоты. Я не имел права указывать, что ей делать, а что нет. Я даже не имел права ее спрашивать. Наша любовь была не того сорта.

– Я не имею права... – начал я.

– Я хочу быть с тобой, если ты готов меня любить, – произнесла она, положив голову мне на грудь. – Но я также хочу, чтобы мы оба встречались и с другими.

– Ты выбрала очень странную манеру сообщить мне об этом.

– Не более странную, чем само сообщение.

– И все же...

– Я не знала, как ты среагируешь. Да и сейчас еще не знаю. И я подумала, что если тебе идея не понравится, это будет последний раз, когда мы займемся любовью. А если ты одобришь, это будет первый раз между *новыми нами*, свободными делать то, что нам хочется. В любом варианте событие должно быть знаковое.

Мы переглянулись, уже готовые засмеяться.

– Тебе ведь нравится моя идея, да?

– Еще бы!

– Я говорю в целом об этой вечеринке на крыше.

– И я о том же.

Я пригладил ее растрепанные ветром волосы.

– Ты изумительная девушка, Лиза. Я не перестаю тобой восхищаться.

– А знаешь, – промурлыкала она, – я провела небольшое исследование.

– Насчет чего?

– Насчет того, как часто молнии ударяют в это самое место. Хочешь знать результат?

Но меня это уже не волновало. Я знал, что творилось с нами сейчас, но не хотел знать, к чему это все приведет.

И тут буря наконец добралась до «Эйр Индии». Небеса пролились дождем, и его серебряные струи наполнили наши рты. Она рывком притянула меня к себе, погрузила меня в себя, сомкнула ноги на моей пояснице и задала ритм, то ослабляя, то усиливая захват.

Ветер и дождь молотили меня по спине. Я прижался лбом к ее лбу, прикрывая от дождя ее лицо и видя ее глаза всего лишь на расстоянии ресниц. Теплая влага муссона стекала с моей головы и всплесками вздымалась с поверхности крыши. Мы соединили рты, передавая друг другу дыхание, делясь воздухом в окружении воды. Затем она перевернула меня на спину и села сверху, упираясь ладонями мне в грудь.

Новый раскат грома грянул совсем близко, и ливень еще усилился. Вода ручьями стекала с ее волос и грудей, заливая мой рот. Начала затапливать крышу, охватывая нас водоворотом посреди тайного маленького моря, высоко над улицами островного города.

Ее пальцы сжались, спина напряглась, выгибаясь дугой на кошачий манер. Затем ладони соскользнули с моей груди, она села вертикально, по-прежнему сохраняя меня внутри своего тела, подняла лицо к небу и раскинула руки.

В ушах моих раздался барабанный бой – как тяжелые шаги в гулком зале памяти, – то стучало мое сердце. Мы разъединились. В тот миг все казалось простым и ясным: и наше прошлое, и вероятное будущее.

Вспышка молнии отразилась в струящейся воде на крыше вокруг нас. И все они закружились над моей головой – и Лиза, и буря, и колесо Судьбы, и весь мир в кроваво-красном зареве, включая океан небес, этот падающий океан небес.

Часть 4

Глава 18

Для управления гангстерским предприятием необходимы обостренное чувство опасности, склонность к жестоким эксцессам и способность держать своих клеветников на подножном корму в тисках между страхом и завистью. При всем том управление гангстерским предприятием – это каждодневный труд. Проснувшись рано утром после бурной ночи на крыше, я чувствовал себя так, словно стрела гигантского лучника вышибла из меня все внутренности, оставив вместо них лишь пламенеющую пустоту. Но уже в девять утра я сидел за своим рабочим столом в паспортной мастерской.

Через три часа напряженной работы с Кришной и Виллу новые паспорта были доведены до надлежащей кондиции. Я также позвонил своему человеку в муниципальном совете Бомбея и попросил прислать образцы разрешительных документов, чтобы ориентироваться на них при изготовлении подделки для одержимых клудоискательством родных и соседей Фарзада. Затем отправился на Козуэй перекусить и проверить кое-какие дела.

Большинство пяти-, четырех- и трехзвездочных отелей в южном Бомбее находились в радиусе трех километров от монументальных Ворот в Индию. Здесь, на узкой оконечности полуострова, обретались девяносто процентов посещающих город туристов; здесь же были сосредоточены девяносто пять процентов бомбейской торговли фальшивыми паспортами и восемьдесят пять процентов оборота наркотиков.

Компания Санджая крышевала большую часть бизнеса в этом районе, взимая «плату за покровительство» – так называемую нефту (что переводится как «неделя»). От нефти были освобождены только семь ресторанов и баров, владельцы которых взамен предоставляли свои помещения разного рода личностям, работавшим на Компанию: спекулянтам, сводникам, туристическим гидам, карманникам, наркодилерам, торговцам черного рынка. В этих заведениях теневики без проблем приобретали всевозможные товары, документы и информацию.

Мое подразделение Компании также регулярно проверяло эти семь точек, в первую очередь интересуясь легальными паспортами как исходным материалом для фальсификаций. Чаще всего эту работу выполнял я сам, каждый день меняя порядок и время посещения баров и ресторанов, чтобы враги и потенциальные конкуренты не смогли предугадать мой маршрут и подстеречь меня в каком-то из этих мест.

В тот день я начал с ресторана «Трафальгар», расположенного на углу рядом с полицейским участком Колабы, – напрямую оттуда до рабочего стола Дилипа-Молнии всего-то хороший бросок ножа. Преодолев три крутые ступеньки перед входом в ресторан, я задержался, чтобы поздороваться с «запоминальщиком» по имени Хришикеш.

«Запоминальщиками» в те годы называли особую категорию лиц, подвизавшихся в бомбейском криминальном сообществе. Они не обладали отвагой и безрассудством для совершения противоправных действий с риском схлопотать тюремный срок, но зато использовали свой интеллект и великолепную память, чтобы зарабатывать на жизнь, помогая всяким отважным болванам эти действия совершать. Обычно они занимали позиции в значных местах (каковых предостаточно на Козуэй) и были готовы в любой момент выдать самую свежую информацию о ценах черного и легального рынков на золото, алмазы, рубины, изумруды и сапфиры, о текущих обменных курсах шести основных валют, а также о последних колебаниях в стоимости любого вида наркотиков, от каннабиса до кокаина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.